

2024
N 4 (70)

ЮРИДИЧЕСКАЯ НАУКА И ПРАВООХРАНИТЕЛЬНАЯ ПРАКТИКА
LEGAL SCIENCE AND LAW ENFORCEMENT PRACTICE
YURIDICHESKAYA NAUKA I PRAVOOKHRANITEL'NAYA PRAKTIKA

16+

Научно-практический журнал.
Учрежден Тюменским институтом повышения
квалификации сотрудников МВД России.
Издается с 2006 г. Выходит ежеквартально

Scientific and Practical Journal. Established
by Tyumen Advanced Training Institute of the
Ministry of the Interior of the Russian Federation.
Published since 2006. Issued quarterly

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

EDITORIAL BOARD

Председатель

Chairman

ВАНЮШИН Я.Л.,
кандидат юридических наук, доцент,
Тюменский институт повышения
квалификации сотрудников МВД России

VANYUSHIN Ya.L.,
Candidate of Legal Sciences, Associate Professor,
Tyumen Advanced Training Institute
of the Ministry of the Interior
of the Russian Federation

Главный редактор

Chief Editor

ЧЕРНОВА С.С.,
кандидат юридических наук,
Тюменский институт повышения
квалификации сотрудников МВД России

CHERNOVA S.S.,
Candidate of Legal Sciences,
Tyumen Advanced Training Institute
of the Ministry of the Interior
of the Russian Federation

Ответственный редактор

Executive Editor

ЛЕТАЕВА Е.А.,
кандидат юридических наук, доцент,
Тюменский институт повышения
квалификации сотрудников МВД России

LETAEVA E.A.,
Candidate of Legal Sciences, Associate Professor,
Tyumen Advanced Training Institute
of the Ministry of the Interior
of the Russian Federation

Члены редакционной коллегии:

Members of the editorial board:

АЛЕКСАНДРОВ А.С.,
доктор юридических наук, профессор

ALEKSANDROV A.S.,
Doctor of Legal Sciences, Professor

БАРАНОВ В.М.,
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный деятель науки
Российской Федерации, почетный работник
высшего профессионального образования
Российской Федерации,
Нижегородская академия МВД России

BARANOV V.M.,
Doctor of Legal Sciences, Professor,
Honoured Scientist of the Russian Federation,
Honorary Worker of Higher Professional
Education of the Russian Federation
Nizhny Novgorod Academy of the Ministry
of the Interior of the Russian Federation

БЕЗРУКОВ А.В.,
доктор юридических наук, профессор,
Сибирский федеральный университет

BEZRUKOV A.V.,
Doctor of Legal Sciences, Associate Professor,
Siberian Federal University

ГАНАИМ Х.,
LLD, профессор,
Хайфский университет,
Израиль

GHANAYIM Kh.,
LLD, Professor, University of Haifa
(Israel)

ГЕРАСИМЕНКО Ю.В., доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации, Уполномоченный по защите прав предпринимателей в Омской области	GERASIMENKO Yu.V., Doctor of Legal Sciences, Professor, Honoured Lawyer of the Russian Federation, Business Rights Commissioner in the Omsk region
ГРЕЧКИНА О.В., доктор юридических наук, профессор, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации	GRECHKINA O.V., Doctor of Legal Sciences, Professor, The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration
ГРИШКО А.Я., доктор юридических наук, профессор, Рязанский государственный университет им. С.А. Есенина	GRISHKO A.Ya., Doctor of Legal Sciences, Professor, Ryazan State University named after S.A. Yesenin
ИЛЬЯШЕНКО А.Н., доктор юридических наук, профессор, Кубанский государственный университет	IL'YASHENKO A.N., Doctor of Legal Sciences, Professor, Kuban State University
КОЗАЧЕНКО И.Я., доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, Уральский государственный юридический университет им. В.Ф. Яковлева	KOZACHENKO I.Ya., Doctor of Legal Sciences, Professor, Honoured Scientist of the Russian Federation, Ural State Law University named after V.F. Yakovlev
КОМИССАРОВА Е.Г., доктор юридических наук, профессор, заслуженный работник высшей школы Российской Федерации, Пермский государственный национальный исследовательский университет	KOMISSAROVA E.G., Doctor of Legal Sciences, Professor, Honoured Worker of Higher School of the Russian Federation, Perm State National Research University
ЛИПИНСКИЙ Д.А., доктор юридических наук, профессор, Тольяттинский государственный университет	LIPINSKIY D.A., Doctor of Legal Sciences, Professor, Togliatti State University
МАЙОРОВ В.И., доктор юридических наук, профессор, Тюменский институт повышения квалификации сотрудников МВД России	MAYOROV V.I., Doctor of Legal Sciences, Professor, Tyumen Advanced Training Institute of the Ministry of the Interior of the Russian Federation
МАЛЬКО А.В., доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, Тольяттинский государственный университет	MAL'KO A.V., Doctor of Legal Sciences, Professor, Honoured Scientist of the Russian Federation, Togliatti State University
СЕРГЕЕВ А.Б., доктор юридических наук, профессор, Челябинский государственный университет	SERGEEV A.B., Doctor of Legal Sciences, Professor, Chelyabinsk State University

СУМАЧЕВ А.В.,
доктор юридических наук, профессор,
Тюменский институт повышения
квалификации сотрудников МВД России

SUMACHEV A.V.,
Doctor of Legal Sciences, Professor,
Tyumen Advanced Training Institute
of the Ministry of the Interior
of the Russian Federation

ШАРАПОВ Р.Д.,
доктор юридических наук, профессор,
Санкт-Петербургский юридический
институт (филиал)
Университета прокуратуры
Российской Федерации

SHARAPOV R.D.,
Doctor of Legal Sciences, Professor,
St. Petersburg Law Institute (Branch)
of the University of Prosecutor's Office
of the Russian Federation

ШРУБ М.П.,
кандидат юридических наук, доцент,
Институт повышения квалификации
и переподготовки Следственного комитета
Республики Беларусь

SHRUB M.P.,
Candidate of Legal Sciences, Associate Professor,
Advanced training and retraining Institute
of the Investigating Committee
of the Republic of Belarus (Belarus)

ЮЗИХАНОВА Э.Г.,
доктор юридических наук, профессор,
Санкт-Петербургский
университет МВД России

YUZIKHANOVA E.G.,
Doctor of Legal Sciences, Professor,
St. Petersburg University of the Ministry
of the Interior of the Russian Federation

**Ответственность за содержание
материалов несут авторы статей.**

**Мнение редакции журнала может
не совпадать с точкой зрения авторов
публикаций.**

**Журнал включен в Перечень российских
рецензируемых научных журналов и изданий
(категория 2 (К2) по научным специальностям:**

**5.1.1. Теоретико-исторические правовые науки;
5.1.2. Публично-правовые
(государственно-правовые) науки;
5.1.4. Уголовно-правовые науки**

Партнеры:

Международная ассоциация содействия правосудию;
Российская криминологическая ассоциация

Partners:

International Union of Assistance to Justice;
Russian Association for Criminology

Адрес редакции, издателя и типографии:

625049, г. Тюмень, Тюменская область,
ул. Амурская, 75.

Address of the Editorial Board, Publisher

and Printing House: Amurskaya str. 75, Tyumen,
Tyumen region, 625049, Russia.

<http://www.naukatipk.ru>; +7 3452 598 484; naukatui@mail.ru

ISSN 1998-6963

**Подписной индекс в Объединенном каталоге
«Пресса России»: 81271**

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций.

Свидетельство о регистрации средства массовой информации
ПИ N ФС77-79556 от 07.12.2020 г.

Редакторы: Е.В. Карнаухова, Е.А. Пыжова
Технический редактор: Е.К. Калашникова.

Перевод на английский язык: Ю.А. Никонова.

Подписано в печать 23.12.2024. Дата выхода в свет 25.12.2024.

Формат 60x84/8. Усл. п. л. 12. Уч.-изд. л. 11.

Тираж 300 экз. Заказ N 018. Цена свободная.

© ФГКУ ДПО «ТИПК МВД России», 2024.



СОДЕРЖАНИЕ

CONTENTS

Раздел 1. Методология правоохранительной деятельности	Section 1. Methodology of law enforcement activities
БЛАЖЕВИЧ Н.В. Алгоритм принятия решений сотрудником полиции как методологическая проблема	6 BLAZHEVICH N.V. Algorithm of police officers' decision-making as a methodological problem
Раздел 2. Юридическая конституциология	Section 2. Legal Constitutionology
КИРЕЕВ В.В, КИРЕЕВА Е.А. Социально-политические риски, обусловленные применением норм Конституции Российской Федерации	19 KIREEV V.V., KIREEVA E.A. Socio-political risks associated with applying the norms of the Constitution of the Russian Federation
Раздел 3. Административное право и деликтология	Section 3. Administrative law and delictology
БЕКЕТОВ О.И., СУРГУТСКОВ В.И. Принципы административного права: содержание и особенности реализации	29 BEKETOV O.I., SURGUTSKOV V.I. Administrative law principles: content and peculiarities of implementation
МАЙОРОВ В.И., ПОЛЯКОВА С.В. Цифровизация контрольно-надзорной деятельности Госавтоинспекции МВД России: проблемы и перспективы	38 MAYOROV V.I., POLYAKOVA S.V. Digitalization of the control and supervisory activities of the State Traffic Inspectorate of the Russian Interior Ministry: problems and prospects
Раздел 4. Уголовный закон	Section 4. Criminal law
НЕКРАСОВ Д.Е., НАПХАНЕНКО И.П., СЕРГЕЕВ С.М. Отграничение вымогательства от смежных составов преступлений	48 NEKRASOV D.E., NAPKHANENKO I.P., SERGEEV S.M. Delimitation of extortion from other related crimes
ЗАХАРЧУК С.Д., МАТВЕЕВА Е.В. К вопросу о нормативно-правовом регулировании оборота оружия в Российской Федерации	56 ZAKHARCHUK S.D., MATVEEVA E.V. On the issue of legal regulation of arms trafficking in the Russian Federation
Раздел 5. Совершенствование правоохранительной практики	Section 5. Improving law enforcement practice
КАЗАЧЕНОК В.В. Превентивные меры полиции в сфере обеспечения безопасности участников дорожного движения	66 KAZACHENOK V.V. Preventive police measures in the field of ensuring the safety of road users
Раздел 6. Экспертно-криминалистическое обеспечение правоохранительной деятельности	Section 6. Criminalistic provision of law enforcement activities
АКИЕВ А.Р. Преступления против семьи и несовершеннолетних как объект криминалистического познания	74 AKIEV A.R. Crimes against the family and minors as an object of forensic knowledge

**Раздел 7. Проблемы юридической науки
и правоохранительной практики:
взгляд молодых исследователей**

ЛУПЕНКОВ А.В. Формы и методы профилактики
административно-преюдиционного рецидива,
применяемые в деятельности Госавтоинспекции

82

КЛЮСОВ А.Г. Формирование единого подхода
к разработке экспертных методик

91

Раздел 8. Обзоры, рецензии, критика

МАЙОРОВ В.И. Отзыв на диссертацию
М.С. Прокопова «Административно-правовое
регулирование применения цифровых
технологий надзора в области безопасности
дорожного движения»

97

**Section 7. The problems of legal
science and law enforcement
practice: young researchers' view**

LUPENKOV A.V. Forms and methods
of preventing administrative-prejudicial
recidivism, applied in the State Traffic
Inspectorate's activities

KLYUSOV A.G. Forging a unified approach to
the development of the expert techniques

Section 8. Reviews, critiques

MAYOROV V.I. Review of the dissertation
by M.S. Prokopov "Administrative and legal
regulation of using digital technologies for
supervision in the field of road safety"

Раздел 1. Методология правоохранительной деятельности

Научная специальность: 5.1.1

Алгоритм принятия решений сотрудником полиции как методологическая проблема

Николай Викторович Блажевич,

доктор философских наук, профессор, заслуженный работник высшей школы Российской Федерации, Тюменский институт повышения квалификации сотрудников Министерства внутренних дел Российской Федерации, Тюмень, Россия, bin7704@rambler.ru

Аннотация. В статье показывается, что системный анализ алгоритма принятия решений сотрудником полиции позволяет внести уточнения в существующие технологии принятия им решений, делая их эффективнее, при этом выделяется ряд мыслительных форм, приемов, операций и алгоритмов, которые эффективно используются в сложных правоохранительных ситуациях. Отмечено, что, принимая нетипичное решение, сотрудник полиции анализирует и моделирует правоохранительную ситуацию, выдвигает предположения, ведет аргументацию, строит версии, осуществляет их фальсификацию и верификацию, принимает когнитивные и правовые решения, составляет план реализации выбранного правоохранительного решения. При этом он должен учитывать внутренние и внешние условия, которые определяют алгоритмы формирования, выбора и реализации когнитивных и правовых решений. Сделан вывод о том, что профессиональный сотрудник полиции с целью преодоления сложной проблемы стремится использовать системные технологии для поиска истинного когнитивного и справедливого правового решения.

Ключевые слова: когнитивное решение, правовое решение, процесс принятия решения, проблемная правоохранительная ситуация, общий алгоритм принятия решения

Для цитирования: Блажевич Н.В. Алгоритм принятия решений сотрудником полиции как методологическая проблема // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2024. N 4 (70). С. 6-18.

Algorithm of police officers' decision-making as a methodological problem

Nikolay V. Blazhevich,

Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Honored worker of higher education of the Russian Federation, Tyumen Advanced Training Institute of the Ministry of the Interior of the Russian Federation, Tyumen, Russia, bin7704@rambler.ru

Abstract. The article shows that the systemic analysis of the algorithm of police officers' decision-making allows to clarify the existing decision-making technologies, making them more effective. A number of mental forms, techniques, operations and algorithms, that are effectively used in challenging law enforcement situations, are distinguished. It is noted that when making an atypical decision, a police officer inevitably analyzes and simulates a law enforcement situation, makes assumptions, argues, builds versions, falsifies and verifies them, makes cognitive and legal decisions, as well as creates a plan for implementing the chosen law enforcement decision. At the same time a police officer must take into account the internal and external conditions determining the algorithms for forming, selecting and implementing the cognitive and legal decisions. It is concluded that a professional police officer aims to use systemic technologies for searching both a true cognitive decision and a fair legal decision.

Keywords: cognitive decision, legal decision, decision-making process, problematic law enforcement situation, general algorithm of decision-making

For citation: Blazhevich N.V. Algorithm of police officers' decision-making as a methodological problem // Legal Science and Law Enforcement Practice. 2024. No. 4 (70). P. 6-18.

Сегодня можно констатировать, что идет процесс алгоритмизации правоохранительной деятельности сотрудника полиции. На эту тенденцию обращают внимание авторы многих научных публикаций. Например, Ю.А. Бурзанов подчеркивает, что «при выполнении своих функциональных обязанностей полицейскому важно принять правильное решение» [1, с. 178]. Алгоритмизация принятия когнитивных и правовых решений сотрудником полиции является необходимым условием рационализации его деятельности, что позволяет сотруднику полиции не только точно, но и быстро решать сложные нетипичные служебные задачи. Правоохранительная деятельность требует от полицейского оперативного и правильного принятия решений, учитывая предпосылки и следствия проблемной ситуации, адекватно оценивая действия или бездействие субъектов, оказавшихся в данной ситуации. Для адекватной правовой оценки необходимо иметь истинное представление о правоохранительной ситуации, ее элементах, а значит, требуются логический анализ и логическая оценка ситуации.

На практике в логической культуре полицейского приоритетным является принятие когнитивных и правовых решений. Логическая культура принятия решений востребована во всех видах деятельности сотрудников полиции, особенно когда возникают проблемные правоохранительные ситуации. Она «вооружает» полицейского законами, формами и приемами правильного мышления. Логическая культура позволяет рационализировать процесс нахождения справедливых и оперативных решений в нестандартных правоохранительных ситуациях, избегая ошибочных и несправедливых решений. Логическая культура принятия решений позволяет полицейскому критически и эвристически относиться к выбираемому решению, конструктивно смотреть на свой опыт, совершенствовать его, проявлять самостоятельность, управлять своей деятельностью, быть организованным [2, с. 123-124].

Закономерен вопрос о степени работанности в науке темы алгоритма принятия сотрудниками полиции когнитивных и правовых решений. Очевидно, что тема сложная, в ней выделяется не-

сколько аспектов, поэтому она объединяет для нахождения адекватного решения ряд исследователей. Во-первых, она представляет интерес для специалистов в области административной деятельности, уголовного процесса, криминалистики [3, с. 89]. Во-вторых, алгоритмы принятия решений разрабатываются в рамках теории управления правоохранительной деятельностью [4, с. 85-86]. В-третьих, эта тема включается в общую проблему принятия человеком решений, которая изучается отечественной психологией мышления с 70-х годов XX века [5, с. 7]. Наконец, тема попадает в поле зрения логической науки, поскольку поиск решения сотрудником полиции и его принятие являются мыслительными процессами, при осуществлении которых он обращается к логическим законам, формам и приемам [2, с. 130].

Сотрудники полиции, исполняя основные обязанности, осуществляют ряд правоохранительных действий, которые имеют глубокое интеллектуальное содержание. Сотрудники полиции обеспечивают безопасность граждан и общественный порядок; возбуждают уголовные дела; производят дознание по уголовным делам; выполняют неотложные следственные действия; осуществляют оперативно-розыскную деятельность; проводят экспертизы по уголовным делам и делам об административных правонарушениях и т.д. [6, с. 180]. При осуществлении перечисленных видов правоохранительной деятельности сотрудники полиции принимают вспомогательные и основные когнитивные и правовые решения. В каждом случае для совершенствования процессов принятия когнитивных и правовых решений, для исключения в них ошибок требуются надежные рациональные алгоритмы.

Юридическая наука стремится отвечать на эти запросы. Специалисты по криминалистике, уголовному процессу, административной деятельности и специальной технике ведут разработку рациональных алгоритмов принятия правовых решений. Например, А.Е. Шуклин, изучая процесс расследования преступлений, приходит к выводу, что он «состоит из последовательных и (или) параллельных “цепочек” принятия и реализации следственных решений» [7, с. 3]. Аналогичную пробле-

му решают С.И. Иванова, А.В. Сумачев и Л.В. Шадрина, анализируя механизм обеспечения безопасности и правопорядка в миграционной сфере. Они логично завершают свое исследование изложением рационального алгоритма правовых действий сотрудника полиции при выявлении им признаков административного правонарушения, совершенного иностранным гражданином [8, с. 130].

Разработка алгоритма конкретной деятельности может быть отражением внутреннего процесса ее развития или результатом внешнего влияния, объективно действующей тенденции формализации. При этом алгоритмизация может происходить тремя способами: 1) интуитивно, без явного обращения разработчиков алгоритма к логической науке; 2) дискурсивно, с сознательным обращением к логической науке или 3) при спонтанном обращении к логическим инструментам.

Например, М.В. Молдавский и А.В. Клинов, хотя и назвали статью «Логика принятия решений оперативным сотрудником», спонтанно обращаются к логическим инструментам, когда ведут речь о логике принимаемых оперативным сотрудником решений. Исследователи не воспроизводят основного и вспомогательных алгоритмов мыслительных действий при изложении логики принятия решений оперативным сотрудником, не различают когнитивные и правовые решения оперативного сотрудника. Они выделяют ряд логических проблем, например отмечают, что оперативно-тактическое решение вариативно, «основывается на стремлении сотрудника к всесторонней оценке конкретной ситуации, но зависит от многогранности условий, предопределяющих тактику осуществления оперативно-розыскной деятельности» [9, с. 76]. М.В. Молдавский и А.В. Клинов оставляют нераскрытыми алгоритмы поиска и выбора вариативных когнитивных решений, а также не рассматривают алгоритм всесторонней оценки конкретной оперативно-розыскной ситуации. Видимо, авторы предполагают, что эти логические операции оперативные сотрудники выполняют интуитивно. Однако осознание алгоритмов мыслительной деятельности, согласно психологии мышления, способствует развитию интеллекту-

альной интуиции. В частности, П.К. Анохин доказывает, что процесс принятия решения является результатом «очень тонкой и обширной работы, проделанной мозгом» [5, с. 8].

Анализ научных публикаций, в которых рассматриваются алгоритмы правоохранительной деятельности, позволяет определить в них место логической культуры принятия решений. Логическая культура способствует дополнению этих алгоритмов логическими правилами, формами, приемами и действиями, углублению интеграции правовой методологии принятия решений с логическими приемами и методами. Например, изложение алгоритма правовых действий сотрудника полиции при выявлении им признаков административного правонарушения, совершенного иностранным гражданином, который предлагают С.И. Иванова, А.В. Сумачев и Л.В. Шадрина, можно дополнить семью вспомогательными алгоритмами, рационализирующими мыслительные действия участников данной правовой ситуации. В пунктах 4-7 предложенного авторами алгоритма могут быть выделены мыслительные операции, которые легко алгоритмизировать и тем самым избавить сотрудников полиции и свидетелей от ошибок и ускорить выполнение этих правовых действий [8, с. 135].

Нетрудно установить, что логические действия при оформлении рапорта о выявлении административного правонарушения (п. 4), при объяснении правонарушителя (п. 5) и свидетеля (п. 6), при составлении протокола об административном правонарушении (п. 7) являются логическими аргументациями, которые осуществляются в определенном порядке. Аргументаторы (полицейский, свидетель, правонарушитель) должны представить предмет аргументации (описать правонарушение, обстоятельства дела), сформулировать свой тезис и аргументы, показать их связь. Уже основателем логики Аристотелем были разработаны алгоритм и правила аргументации, которые позволяют быстрее приходить к истине и избегать заблуждений. Кроме того, авторами не рассматривается алгоритм такой мыслительной операции, как выявление признаков административного правона-

рушения и его квалификация. Алгоритм, предложенный авторами, по сути, является алгоритмом правовых действий, которые совершаются при реализации принятого когнитивного и правового решения. Нетрудно догадаться, что этому алгоритму предшествуют алгоритмы анализа правоохранительной ситуации, поиска и выбора когнитивного решения. Однако С.И. Ивановой, А.В. Сумачевым и Л.В. Шадринной не рассматриваются алгоритмы анализа, поиска и выбора когнитивного решения в данной правоохранительной ситуации. Эти алгоритмы когнитивных решений, видимо, авторами подразумеваются.

Следует отметить, что процесс интеграции логической культуры и методологии принятия правоохранительных решений закономерен, но пока идет неявно и спонтанно. Интересный исследовательский опыт в этом отношении демонстрирует А.Е. Шуклин, подчеркивая, что эффективность принятия решений следователем «в значительной степени предопределяется используемыми при этом логическими, эвристическими и психологическими операциями» [7, с. 3]. К такому же выводу приходит и О.В. Петрова, разрабатывая методологию принятия управленческих правоохранительных решений. Она справедливо подчеркивает, что «любое управленческое решение – это сознательно выбранное, основанное на мыслительных операциях сравнения и сопоставления, анализе и синтезе, умозаключения и вывода ответственное решение, учитывающее множество положительных и отрицательных обстоятельств в его технологическом и ресурсном обеспечении» [10, с. 7].

Принятие ответственного решения не может быть без «предрешения», без предварительного обдумывания данного волевого акта. Традиционной логикой принятия решений исследуются обе стадии этого процесса. В этом случае традиционная логика не противоречит выводам психологии мышления, которая проявляет интерес к психическому процессу принятия решения. Например, П.К. Анохин считает, что при исследовании психического процесса принятия решения «возникла необходимость вовлечь в сферу внимания не только принятое решение, но и стадию “предрешения”, которая его формирует и

предопределяет его направленность» [5, с. 8]. Очевидно, что ключевыми понятиями традиционной логики принятия решений, как и психологии мышления, являются понятия, представляющие ситуацию принятия решения и сам процесс принятия решения. Необходимо уточнить и конкретизировать применение в деятельности сотрудника полиции таких категорий, как принятие им решений; ситуации, в которых ему приходится принимать решения; элементы ситуации принятия решения, которые следует учитывать; логическая последовательность принятия решения; алгоритмы логических действий, совершаемых сотрудником полиции, принимающим решение.

В Толковом словаре живого великорусского языка В.И. Даля словосочетание «принять решение» заменяется глаголами «решиться», «ручаться», «отвечать» [11, с. 430]. Соответственно, принимающий решение совершает нравственный волевой акт, берет на себя ответственность, но этому волевому и нравственному акту предшествует анализ ситуации принятия решения, поиск недостающей необходимой информации, формирование версий, выбор и составление плана реализации решения. Интересно отметить, что в Словаре русского языка С.И. Ожегова словосочетание «принять решение» заменяется одним глаголом «решить», а моральная и волевая коннотация этого словосочетания исчезает [12, с. 515]. Разумеется, можно согласиться с тем, что в словосочетании «принять решение» слово «решение» является ключевым. Слово «решение» в современных словарях трактуется и как конечный результат действия, и как процесс совершения необходимых действий, которые ведут к этому результату, принятие решения связывается с мыслительной деятельностью, обдумыванием вопроса [12, с. 590].

Более детальное представление о современном значении слова «решение» раскрывается в математических и логических словарях. Так, в логических словарях оно употребляется в кластере таких слов, как «процесс», «результат», «задача» [13, с. 32]. В математических словарях кластер соотносительных слов расширяется, слово «решение» связывается со словами «задача», «алгоритм», «исходное данное» и

«результат» [14, с. 62]. И здесь этим словом обозначают задачу, порядок действий и результат. При этом в математике для отражения процесса решения используются понятия «возможные исходные данные» и «возможные промежуточные результаты» [14, с. 63]. Последние понятия представляют особый интерес для разработки логики принятия решения сотрудником органов внутренних дел, которому часто приходится оперировать в сложных проблемных правоохранительных ситуациях вероятностными данными и принимать венчурные (рискованные) решения.

Таким образом, в целом представленные в словарях номинальные определения понятия «принятие решения» не разрушают реального представления о нем. Принятие решения — это ответственный волевой акт субъекта, в результате которого он сделал выбор относительно совершения определенных действий, которые ранее обдумывал как ответ на возникший вопрос. Очевидно, что в определении фиксируются как поведенческое решение (волевой акт), так и вспомогательные когнитивные решения. В связи с этим процесс принятия ответственного решения имеет сложную структуру, охватывающую когнитивные решения.

Номинальное толкование словосочетания «принятие решения» позволяет представить основные явные элементы внутренней структуры этого когнитивного и волевого процесса: данные, вопрос, порядок действий, промежуточные результаты и ответ. Системный анализ процесса принятия решения позволяет выделить и неявные элементы его внутренней и внешней структуры. К неявным элементам внутренней структуры процесса принятия решения относятся субъект принятия решения, ситуация принятия решения, условия принятия решения, объект решения, предмет решения (предмет мысли), недостающие данные, средства (методы и формы) решения, проблемный вопрос, цель и задачи субъекта принятия решения, виды промежуточных когнитивных ответов (догадка, идея, гипотеза), выбранное поведенческое решение, план его реализации и предполагаемые последствия выбранного решения. Внешняя структура принятия решения представляется как един-

ство ареала решения и проблемного поля. В ареал включаются те известные субъекту принятия решения аналогичные проблемы, задачи, догадки, идеи и версии, которые им использовались при конструировании внутренних элементов. Проблемное поле образуют близкие к данной ситуации принятия решения проблемные поведенческие ситуации и сформированные способы их решения. Профессиональный сотрудник полиции стремится выстраивать основной и вспомогательные алгоритмы принятия решения в сложной правоохранительной нетипичной ситуации с сознательным учетом ее внешней и внутренней структуры.

Связь и отношения явных и неявных элементов принятия решения образуют его структуру. Разумеется, можно говорить об общей структуре принятия правоохранительного решения, а также о структуре каждого этапа принятия правоохранительного решения. Хронологически упорядоченные действия по установлению явных и неявных элементов принятия решения составляют общий алгоритм принятия правоохранительных решений. В общем алгоритме принятия правоохранительных решений выделяются вспомогательные алгоритмы, раскрывающие мыслительные действия субъекта на каждом этапе. В процессе принятия решений можно выделить семь последовательных мыслительных этапов: анализ правоохранительной ситуации принятия решения; выдвижение общей догадки о правонарушении и формирование частных когнитивных версий, направленных на поиск недостающей необходимой информации для квалификации правонарушения и установления виновности подозреваемого лица; формирование общих когнитивных версий правового события; выбор наиболее вероятного когнитивного решения (верификация и фальсификация общих когнитивных версий правового события); выдвижение правоохранительного решения; планирование его реализации и анализ последствий принимаемого решения.

Если хронологически упорядочить элементы каждого этапа принятия решений, то образуются семь вспомогательных мыслительных алгоритмов, которые за-

вершаются принятием вспомогательных (промежуточных) когнитивных решений. В этот перечень входят следующие мыслительные алгоритмы: 1) алгоритм анализа правоохранительной ситуации принятия решения; 2) алгоритм выдвижения общей догадки о правонарушении и формирования частных когнитивных версий, направленных на поиск недостающей необходимой информации для квалификации правонарушения и установления виновности подозреваемого лица; 3) алгоритм формирования общих когнитивных версий правового события; 4) алгоритм выбора наиболее вероятного когнитивного решения (верификация и фальсификация общих когнитивных версий правового события); 5) алгоритм выдвижения правоохранительного решения; 6) алгоритм планирования его реализации; 7) алгоритм анализа последствий принимаемого правоохранительного решения. При этом первые четыре вспомогательных алгоритма направлены на формирование истинного общего когнитивного решения, а последние три алгоритма отражают мыслительный процесс принятия общего правоохранительного решения.

Следует отметить, что предлагаемый нами общий алгоритм принятия когнитивных решений не противоречит разработанному Я.А. Пономаревым психологическому механизму принятия когнитивного решения в условиях творческих задач. Теоретик психологии творческого мышления Я.А. Пономарев доказывает, что принятие творческого решения состоит из трех этапов. На первом этапе происходит осознание проблемы, которое складывается из трех действий: а) осмысления возникновения проблемы; б) понимания наличных фактов; в) постановки вопроса. На втором этапе осуществляется разрешение проблемы, которое складывается из четырех действий: а) выработки гипотезы; б) развития решения; в) вскрытия принципа; г) выработки суждения, фиксирующего решение. Наконец, на третьем этапе идет проверка решения [15, с. 99].

Как видно, Я.А. Пономарев рассматривает не только основные, но и вспомогательные мыслительные действия в алгоритме принятия когнитивного решения. При этом речь идет об универсальном

алгоритме принятия когнитивных решений. В настоящей статье психологический алгоритм принятия решения в условиях творческих задач, предложенный Я.А. Пономаревым, в целом не отрицается, а разворачивается и конкретизируется в методологическом аспекте применительно к познанию сложных проблемных ситуаций в правоохранительной деятельности. Следует отметить, что логику принятия решения, как и психологию творческого мышления, интересуют прежде всего нестандартные интеллектуальные ситуации, которые предполагают когнитивное решение сложных проблем и задач. Только нами с учетом правоохранительной деятельности и возможностями логической науки три этапа в психологическом алгоритме, предложенном Я.А. Пономаревым, заменяются четырьмя этапами. Вторым этапом, который Я.А. Пономарев называет этапом разрешения проблемы, разбиваем на два относительно самостоятельных этапа: 1) выдвижение общей догадки о правонарушении и формирование частных когнитивных версий, направленных на поиск недостающей необходимой информации; 2) формирование общих когнитивных версий правового события. Кроме того, в отличие от психологического алгоритма, нами уточняются на каждом этапе логические действия, приемы и формы, с которыми работает принимающий решение. Например, этап проверки когнитивного решения связывается с логическими действиями верификации и фальсификации общих когнитивных версий правового события, которые дают основания для выбора наиболее вероятного когнитивного решения. В целом психологический алгоритм принятия решений, предложенный Я.А. Пономаревым, не противоречит логике принятия когнитивных решений в нестандартных ситуациях, в которых оказывается сотрудник полиции.

В стандартных ситуациях сотрудник полиции действует, как правило, интуитивно, опираясь на проверенные опытом типичные правоохранительные решения. В нестандартных ситуациях опыт напрямую не применяется, необходим углубленный анализ правоохранительной ситуации, чтобы учесть ее особенности. Безусловно, опираясь на метод редукции,

среди сложных нестандартных правоохранительных ситуаций можно также условно выделить типичные ситуации, которые ведут соответственно к постановке типичных сложных проблем и задач. Данный метод используют Л.Я. Драпкин и А.Е. Шуклин при анализе сложных нестандартных ситуаций, возникающих в оперативно-розыскной и следственной деятельности, которые делятся ими на пять типов: проблемные, конфликтные, венчурные, организационно-управленческие неупорядоченные и комбинированные ситуации [3, с. 90]. При этом подчеркивается, что «основная трудность процесса разрешения сложных ситуаций заключается не в количестве неблагоприятных факторов, а в их остроте: уровнях проблемности, конфликтности, степенях риска или организационной и управленческой неупорядоченности» [3, с. 91].

Идея данных авторов представляется интересной, однако без конструктивной критики с такой типологией сложных ситуаций принятия решений согласиться трудно, так как при построении типологии допускаются логические ошибки. Авторы не избирают единого основания, а выделенные ими типы ситуаций не исключают друг друга. В традиционной логике эти типичные ошибки называют «деление по многим основаниям» и «члены деления не исключают друг друга» [16, с. 71]. Видимо, осознавая, что основания типологии сложных ситуаций ими искусственно разделяются, Л.Я. Драпкин и А.Е. Шуклин поясняют, что есть комбинированные ситуации, то есть выделенные ситуации не исключают друг друга. При этом к наиболее распространенным вариантам комбинированных ситуаций они относят конфликтно-рискосованные и проблемно-конфликтные ситуации [3, с. 90]. Если учитывать, что конфликтные ситуации и ситуации организационной и управленческой неупорядоченности являются видами прагматической неопределенности, то получается, что для составления типологии реально выделяются три основания: семантическая, синтаксическая и прагматическая неопределенность ситуации принятия решений [3, с. 90]. При этом названные основания авторами почему-то необоснованно обобщаются.

Семантический, синтаксический и прагматический аспекты сформировались в семиотике при системном подходе к знаковым ситуациям. В семиотике пришли к выводу, что для выяснения природы знаковой ситуации семантический, синтаксический и прагматический аспекты, взятые в отдельности, неприемлемы, так как представляют знаковую ситуацию односторонне (Блажевич Н.В., 1999). Безусловно, ситуации принятия решений относятся к знаковым ситуациям, а значит, к ним возможно применить системный семиотический подход. В связи с этим Л.Я. Драпкин и А.Е. Шуклин, по сути, должны были при классификации сложных типичных ситуаций учитывать одновременно три аспекта (семантический, синтаксический и прагматический) и как минимум в одном аспекте состояние неопределенности, так как неопределенность осложняет ситуацию. Семантическое, синтаксическое и прагматическое состояние каждой ситуации принятия решений может быть определенным или неопределенным. В такой типологии количество острых ситуаций принятия решений возрастает до семи. Но самыми острыми являются ситуации, в которых неопределенность содержится одновременно в двух или трех аспектах: или в семантике, или в синтактике, или в прагматике. Их авторы и называют комбинированными сложными ситуациями, но всех возможных острых ситуаций они не перечисляют.

Таким образом, корректируя позицию Л.Я. Драпкина и А.Е. Шуклина, можно утверждать, что проблемностью, рискосованностью и конфликтностью обладают все сложные ситуации принятия решений, но, по крайней мере, одна из этих характеристик обладает неопределенностью. Разумеется, эта неопределенность связана с элементами ситуации принятия решений. Однако Л.Я. Драпкин и А.Е. Шуклин не предлагают алгоритма анализа ситуации принятия решения оперуполномоченным и следователем, хотя и размышляют над способами преодоления проблемности, рискосованности и конфликтности ситуаций. Установление последовательности в анализе элементов ситуации принятия решений дает вспомогательный алгоритм принятия решения. В общем алгоритме принятия решения анализ сложной правовой

ситуации является первым шагом. Данный шаг предопределяет успешность принятого решения. Следует напомнить, что Я.А. Пономарев называет этот шаг осознанием проблемы и связывает его с последовательным выполнением трех действий: 1) осмыслением возникновения проблемной ситуации; 2) уяснением наличных фактов; 3) формулированием вопросов, которые предстоит решить [15, с. 99].

Действительно, анализ сложной правовой ситуации сотрудником полиции вначале направлен на уяснение наличных фактов, того, что фактически известно и что неизвестно, а также проблемы (осознания противоречия в поведении граждан, правовой девиации), а завершается постановкой проблемного вопроса и тех задач, которые ему предстоит решить, чтобы предъявить законные требования к правонарушителям. Очевидно, что вспомогательный алгоритм мыслительных действий осознания проблемы и задач может быть дифференцирован в зависимости от практической ориентированности, уровня остроты проблемной ситуации и уровня мыслительного анализа ситуации принятия решений (уровня здравого смысла, рассудочного или разумного мышления). Кстати, на уровень мыслительного анализа ситуации принятия решений обращают внимание и теоретики психологии мышления. Д.Н. Завалишина констатирует, что «выбор или построение способа действий в проблемных ситуациях требует интенсивной мыслительной деятельности» [17, с. 110]. Уровень здравого смысла – первый уровень мышления, непосредственно включенный в практические действия, она связывает с оперативным мышлением, подчеркивая, что оперативное мышление, как правило, «функционирует в ситуации с заданными целями» [17, с. 111]. Можно согласиться с Д.Н. Завалишиной в том, что на практике профессиональный сотрудник полиции при первом подходе к правовой проблемной ситуации опирается на оперативное мышление, здравый смысл, на заданные служебные задачи. Но с целью преодоления в правовой ситуации какой-либо неопределенности сотрудник полиции обращается к рассудочному и разумному мышлению.

На уровне оперативного мышления сотрудник полиции дает объектно-субъектную оценку ситуации принятия решения. На этом уровне он решает ряд задач: выделяет объект и предмет принятия решения (девиацию в правовом отношении граждан, правонарушение), для этого осуществляет осмотр места происшествия, выявляет обстоятельства совершения правонарушения (старается понять наличные факты); устанавливает потерпевшую сторону (индивида или группу) и подозреваемую сторону (индивида или группу); находит свидетелей и видеозапись события; осуществляет постановку вопросов (задач) по квалификации правонарушения и виновности подозреваемой стороны и т.д. Например, дознаватель ставит такие типичные задачи: установить обстоятельства, образующие предмет доказывания; выяснить место нахождения подозреваемого лица, чтобы пресечь его правонарушения и возможность уклонения от следствия и суда; принять меры к возмещению причиненного ущерба; осуществить меры профилактического характера и т.д. В решении этих задач могут возникнуть затруднения, обнаружиться неопределенности, поэтому ситуация принятия решений переходит в разряд сложной проблемной ситуации. Сотруднику полиции требуется провести углубленный когнитивный анализ ситуации принятия решений, осуществить поиск необходимой недостающей информации для осуществления квалификации правонарушения и установления виновности подозреваемой стороны. Это важные вспомогательные когнитивные решения. Кроме того, сотруднику полиции необходимо принять первое организационно-управленческое решение, привлечь к решению проблемы соответствующих специалистов.

Таким образом, сотрудник полиции от первичного анализа правоохранительной проблемной ситуации последовательно переходит ко второму этапу принятия решения, на котором продолжается анализ сложной правоохранительной проблемной ситуации с целью поиска недостающей необходимой информации. На этом этапе сотруднику полиции требуется проявить рассудочное и разумное мышление: провести углубленный когнитивный ана-

лиз ситуации принятия решений, уточнить задачи, которые необходимо решить, чтобы сократить неопределенность ситуации. Его интуиция, рассудочное и разумное мышление позволяют выдвинуть общую догадку о виде правонарушения, предположить, каких необходимых данных недостает, реконструировать событие правонарушения, построить его вероятностную модель, чтобы организовать поиск недостающих необходимых данных о составе правонарушения, субъекте правонарушения, средствах и условиях совершенного правонарушения.

На втором этапе анализа правоохранительной проблемной ситуации сознательно используются логические и эвристические приемы и методы поиска недостающей необходимой информации, прежде всего, метод выдвижения версий. При выдвижении версий сотрудниками полиции может быть задействован весь арсенал логических приемов (сравнение и различение, анализ и синтез, абстрагирование и конкретизация, обобщение и ограничение, идеализация) и методов (аналогия, индукция и дедукция) [16, с. 154-170]. Логические приемы и методы особенно важны при углубленном проведении осмотра места происшествия, производстве экспертиз, проведении следственных экспериментов и, прежде всего, при опросах свидетелей и допросах подозреваемых. Например, опираясь на логические приемы и методы, можно заранее смоделировать ход предстоящего допроса, предусмотреть поведение допрашиваемого. При подготовке к допросу составить план допроса в соответствии с общим планом расследования по делу и с учетом собранных к моменту допроса доказательств. В плане особое внимание уделяется последовательности и формулировке вопросов, адресованных допрашиваемому, возможной их корректировке в ходе допроса в зависимости от поведения допрашиваемого. На вопросы, которые формулируются в ходе допроса, распространяются логические требования. Во-первых, задаваемые вопросы должны относиться к делу; во-вторых, формулироваться понятно и конкретно; в-третьих, по форме и стилю соответствовать уровню развития знаний допрашиваемого; в-четвертых, находиться

в логической связи между собой, то есть чтобы каждый последующий вопрос вытекал из предыдущего [16, с. 267].

В процессе поиска недостающей необходимой информации логические приемы и методы важно сочетать, как правильно считает А.Е. Шуклин, с эвристическими приемами и методами. Исследователь рекомендует использовать такие эвристические операции, как сверхдальные ассоциации, перерыв постепенности, актуализация опыта, разделение проблемы (задачи) на подзадачи, и т.п. [7, с. 14]. Последний прием — разделение проблемы (задачи) на подзадачи — является реализацией метода редукции. Заметим, что алгоритм редукции недоступного вопроса к доступным был разработан основателем современного рационализма Р. Декартом в сочинении «Рассуждение о методе для верного направления разума и отыскания истины в науках» (Декарт Р., 2015). Алгоритм редукции совместим с алгоритмом поиска недостающей необходимой информации для восстановления картины события правонарушения (с алгоритмом выдвижения версий): каждый шаг в этом поиске — догадка, идея, версия сопровождается постановкой множества вспомогательных доступных вопросов. Предложенные когнитивные алгоритмы в одинаковой мере применимы как для поиска ответа на вопросы, которые возникают при собирании вещественных доказательств, так и при установлении виновности подозреваемого. Следует отметить, что в эвристике разработан ряд других приемов, которые позволяют рационально организовать и активизировать поисковую когнитивную деятельность сотрудника полиции. В правоохранительной практике целесообразно применение методов «мозгового штурма», синектики, каталога, фокальных объектов, контрольных вопросов, морфологического анализа и синтеза (автором настоящей статьи применение этих методов в следственной практике раскрывается в ряде публикаций [18, с. 11-13]).

Углубленный анализ правоохранительной проблемной ситуации, поиск недостающей необходимой информации сопряжены с третьим этапом принятия решения сотрудником полиции — формированием общих когнитивных версий,

представляющих правовое событие в целом. Это занимает центральное место в создании когнитивных условий для разрешения правоохранительной проблемной ситуации, так как формируется целостное представление о событии правонарушения и завершается выработка точных суждений, фиксирующих когнитивное решение проблемы. На этапе формирования общих когнитивных версий правового события в целом эффективному применению логического метода выдвижения версий способствует эвристический метод — метод сценариев. Составление сценария позволяет не только структурно, но и более содержательно представить вероятностную картину последовательного развития во времени и пространстве анализируемого события правонарушения в интересующем сотрудника разрезе. О.В. Петрова отмечает, что метод сценариев «предусматривает разработку нескольких альтернативных вариантов возможного развития ситуации, рассмотрение которых позволяет определить критические ситуации для принятия решения, а также установить возможные последствия предлагаемых вариантов решений с целью их сопоставления и выбора наиболее эффективного» [10, с. 66].

Следует подчеркнуть, что основным логическим средством на втором и третьем этапе принятия решения является метод выдвижения версий — инструмент, позволяющий совершить переход от прежнего, неполного и неточного знания о событии правонарушения к новому, более полному и более точному знанию картины правонарушения. Важно, чтобы этот метод применялся эффективно. Для этого необходимо, чтобы сотрудник полиции владел технологией применения метода выдвижения версий, имел ясное представление о структуре и элементах версии, поскольку алгоритмы формирования версии обосновываются ее элементами и структурой. Центральным элементом внутренней структуры версии является предположение (идея). Оно интегрирует знание обстоятельств события правонарушения, из него выводятся следствия (новые данные о событии). Идея-предположение квалифицирует само деяние или его обстоятельства, поэтому без оснований не возникает. Предположение и основание — соотноси-

тельные понятия. Предположение — это результат обоснования, результат синтеза оснований. Предположение выполняет функцию идеи, которая направляет поиск новых оснований. Первоначально идея возникает в форме догадки как еще четко неоформленного образа. Догадка, находя подтверждения, заменяется рационализированным предположением.

Как правило, в качестве предположения избирается административно-правовая или уголовно-правовая норма, которая может квалифицировать предмет принятия когнитивного решения. Важно учитывать, что в качестве оснований идеи-предположения могут использоваться не только знания о фактах, но и положения различных теорий, принципы, законы науки и следствия из них. В этом случае идея версии обращается в частное суждение, а процедура обоснования становится дедуктивной. А.А. Старченко показывает, что в следственной практике при выдвижении идеи версии широко используются методы научной индукции и метод аналогии (Старченко А.А., 1958). Основания могут быть и единичными, и частными, и общими суждениями. Это позволяет различать отношения логического следования между идеей-предположением и основаниями как дедуктивные, индуктивные и традиционные умозаключения.

Логическую связь, выраженную умозаключением, называют демонстрацией. Демонстрация является самостоятельным элементом внутренней структуры версии. Задача демонстрации — сделать наглядной и логически состоятельной связь идеи-предположения и установленных обстоятельств дела, а также других аргументов. Демонстрация версии, как правило, имеет вид энтимемы (сорита или эпихейремы), в которой недостающими частями оказываются посылки — новые основания идеи версии. Восстановление недостающих частей демонстрации называют получением следствий из версии. М.С. Строгович этот явный элемент версии называет следствиями, выведенными из предположения (Строгович М.С., 1949). Следствия, выведенные из предположения, — это фигуральное название элемента версии. С точки зрения логики речь идет о недостающих посылках умозаключения. В ка-

честве недостающих посылок выступают суждения о предмете правонарушения, обстоятельствах дела, фактах этого правового события, а могут быть и положения теорий, научные принципы или законы. Получаемые следствия являются смыслообразующим элементом версии, поскольку реализуют ее предназначение, которое состоит в отыскании новых фактов о правовом событии, нового доказательного материала.

Безусловно, формирование когнитивных версий правового события связано с этапами анализа правоохранительной ситуации принятия решений. В связи с этим во внутренней структуре версии есть и неявные элементы, которые скрыты, стоят за явными элементами и обуславливают их существование. Без этих элементов версии просто не существует. Легализация и признание таких элементов версии оптимизирует работу с ней. Опираясь на принцип причинности, к неявным элементам внутренней структуры версии следует отнести предмет правонарушения, догадку, проблемный вопрос, фальсификацию и интерпретацию версии. Например, идею-предположение порождают скрытые за ней элементы: предмет правонарушения, догадка и проблемный вопрос, а формирование версии завершается ее фальсификацией и интерпретацией [19, с. 10].

На этапе формирования когнитивных версий правового события с учетом фактора времени вместо принятия одного когнитивного решения (одной версии), как отмечают Л.Я. Драпкин и А.Е. Шуклин, «чаще всего используется метод принятия нескольких решений (версий) для их параллельной проверки» [3, с. 96]. Безусловно, центральный этап в формировании когнитивного образа правового события должен завершаться выбором наиболее вероятного когнитивного решения, который осуществляется посредством верификации и фальсификации выдвинутых когнитивных версий. Это четвертый шаг в общем алгоритме принятия решения. Он является относительно самостоятельным, так как опирается на логические приемы верификации и фальсификации версий. В завершение этого этапа сотрудник полиции ясно представляет картину произошедшего события и может переходить

к принятию общего правоохранительного решения. Знание истинной картины произошедшего события обуславливает справедливость принимаемого правоохранительного решения.

На завершающих этапах процесса принятия правоохранительного решения сотрудником полиции приоритетными являются технологии правоохранительной деятельности, а технологии мыслительной деятельности выполняют вспомогательную критическую роль. Рационализация выбора правоохранительного решения, планирование его реализации и анализ последствий выбранного правового решения также опираются на логические принципы и приемы. Достижению успеха при выборе вариантов решения, как справедливо отмечает О.В. Петрова, способствует применение системного подхода, в соответствии с которым должна быть произведена всесторонняя оценка всей совокупности факторов, влияющих на результативность предлагаемых вариантов и возникновение последствий при их реализации [10, с. 35].

На основании проведенного системного анализа процесса принятия решений сотрудником полиции в сложных правоохранительных ситуациях можно утверждать следующее:

1) алгоритмизация процесса принятия решений сотрудником полиции является необходимым условием рационализации его правоохранительной деятельности;

2) системный анализ алгоритма принятия решений полицейским в сложных правоохранительных ситуациях показывает, что он складывается из мыслительных и правовых действий, когнитивных и правовых решений;

3) в процессе принятия заключительного правоохранительного решения формируются промежуточные когнитивные и правовые решения; при этом когнитивные решения выполняют вспомогательную роль, создают основания для принятия правовых решений полицейского;

4) основными когнитивными решениями являются принятые полицейским доказательный материал, догадки, идеи-предположения, частные и общие версии, план реализации выбранного правоохранительного решения;

5) в процессе принятия когнитивных решений используется богатый арсенал логических и эвристических приемов и методов; при этом основу данного инструментария составляют логические приемы (сравнения и различения, анализа и синтеза, абстрагирования и конкретизации, обобщения и ограничения, идеализации), логические методы (аналогии, индукции и дедукции) и эвристические методы (выдвижение догадок и версий, составление моделей и сценариев, каталога, контрольных вопросов, морфологического анализа и синтеза);

6) в сложной проблемной правоохранительной ситуации сотрудник полиции должен стремиться учитывать внешнюю структуру принятия решения — ареал решения и проблемное поле (в ареал включаются известные субъекту принятия решения аналогичные проблемы, задачи, догадки, идеи и версии, а проблемное поле образуют близкие проблемные поведенческие ситуации и сформированные способы их решения);

7) в процессе принятия сотрудником полиции решения в сложных правоохранительных ситуациях действуют как общий алгоритм, так и вспомогательные алгоритмы мыслительных действий;

8) общий алгоритм принятия решения сотрудником полиции в сложных правоохранительных ситуациях складывается из семи последовательных мыслительных

этапов: анализа правоохранительной ситуации принятия решения; выдвижения общей догадки о правонарушении и формирования частных когнитивных версий, направленных на поиск недостающей необходимой информации для квалификации правонарушения и установления виновности подозреваемого лица; формирования общих когнитивных версий правового события; выбора наиболее вероятного когнитивного решения (верификация и фальсификация общих когнитивных версий правового события); выдвижения правоохранительного решения; планирования его реализации и анализа последствий принимаемого решения;

9) предложенный общий алгоритм принятия решения сотрудником полиции имеет универсальный характер, применяется во всех типах сложных правоохранительных ситуаций, а уникализация алгоритма обуславливается правовыми действиями, которые осуществляет полицейский при выполнении определенного вида правоохранительной деятельности;

10) уточнение общего алгоритма принятия решения сотрудником полиции путем выделения в нем алгоритма мыслительных действий рационализирует поиск истинных когнитивных и справедливых правовых решений, вовлекая в этот поиск все интеллектуальные ресурсы полицейского, тем самым умножает эффективность его правоохранительной деятельности.

Список источников

1. Бурзанов Ю.А. Выбор тактического решения в деятельности органов внутренних дел // Вестник педагогических наук. 2023. N 5. С. 177-180.
2. Блажевич Н.В. Формирование у сотрудников полиции логической культуры принятия решения как педагогическая задача // Вестник ТИПК МВД России. 2023. N 2. С. 121-132.
3. Драпкин Л.Я., Шуклин А.Е. Принятие оперативно-розыскных и следственных решений в ситуациях информационной неопределенности, конфликта и риска // Российский юридический журнал. 2006. N 3. С. 89-97.
4. Болдырев У.К. К вопросу о процессе разработки и принятия управленческих решений в органах внутренних дел Российской Федерации // Труды Академии управления МВД России. 2021. N 3. С. 78-88.
5. Анохин П.К. Проблемы принятия решения в психологии и физиологии // Проблемы принятия решений. Москва: Наука, 1976. С. 7-16.
6. Правоохранительные органы: курс лекций и учебно-методические материалы / под ред. Ю.А. Лукичева. Санкт-Петербург: Астерион, 2020. 336 с.
7. Шуклин А.Е. Особенности принятия информационных и тактических решений в сложных следственных ситуациях: автореферат дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09. Екатеринбург, 2012. 27 с.
8. Иванова С.И., Сумачев А.В., Шадрина Л.В. Механизм обеспечения безопасности и правопорядка в миграционной сфере: сравнительно-правовой анализ: монография. Тюмень: Тюменский ин-т повышения квалификации сотрудников МВД России, 2023. 140 с.
9. Молдавский М.В., Клинов А.В. Логика принятия решений оперативным сотрудником // Профессиональное юридическое образование и наука. 2023. N 1. С. 74-77.

10. Петрова О.В. Методология принятия управленческих решений: учебное пособие. Москва: Акад. управления МВД России, 2020. 92 с.
11. Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. Т. 3. Москва: ТЕРРА, 1994. 560 с.
12. Ожегов С.И. Словарь русского языка. Москва: Рус. яз., 1986. 797 с.
13. Кондаков Н.И. Логический словарь-справочник. Москва: Наука, 1976. 720 с.
14. Математический энциклопедический словарь / под ред. Ю.В. Прохорова. Москва: Сов. энцикл., 1988. 847 с.
15. Пономарев Я.А. К вопросу об исследовании психологического механизма принятия решения в условиях творческих задач // Проблемы принятия решений. Москва: Наука, 1976. С. 82-105.
16. Блажевич Н.В. Логика для следователей: учебник. 2-е изд. Тюмень: Тюменский ин-т повышения квалификации сотрудников МВД России, 2013. 317 с.
17. Завалишина Д.Н. Оперативное мышление и принятие решений // Проблемы принятия решений. Москва: Наука, 1976. С. 105-111.
18. Блажевич Н.В. Логика в следственной практике: учебное пособие: в 2 ч. Ч. 2. Тюмень: Тюменский юрид. ин-т МВД России, 2003. 86 с.
19. Блажевич Н.В. Алгоритм формирования следственной версии как методологическая проблема // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2021. N 3. С. 6-15.

References

1. Burzanov Yu.A. Choice of tactical decisions in the activities of internal affairs bodies. Bulletin of Pedagogical Sciences, 2023, no. 5, pp. 177-180. (In Russ.).
2. Blazhevich N.V. Formation of a logical decision-making culture among police officers as a pedagogical task. Bulletin of the Tyumen Advanced Training Institute of the Ministry of the Interior of the Russian Federation, 2023, no. 2, pp. 121-132. (In Russ.).
3. Drapkin L.Ya., Shuklin A.E. Making operational search and investigative decisions in situations of information uncertainty, conflict and risk. Russian Legal Journal, 2006, no. 3, pp. 89-97. (In Russ.).
4. Boldyrev U.K. On the issue of the process of developing and making management decisions in the internal affairs bodies of the Russian Federation. Proceedings of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2021, no. 3, pp. 78-88. (In Russ.).
5. Anokhin P.K. Problems of decision making in psychology and physiology. Problems of decision making. Moscow, Nauka Publ., 1976. Pp. 7-16. (In Russ.).
6. Law enforcement agencies. St. Petersburg, Asterion Publ., 2020. 336 p. (In Russ.).
7. Shuklin A.E. Features of making information and tactical decisions in complex investigative situations. Autoabstract Cand. Diss. Ekaterinburg, 2012. 27 p. (In Russ.).
8. Ivanova S.I., Sumachev A.V., Shadrina L.V. Mechanism for ensuring security and law and order in the migration sphere: comparative legal analysis. Tyumen, Tyumen Institute for Advanced Training of Employees of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2023. 140 p. (In Russ.).
9. Moldavsky M.V., Klinov A.V. The logic of decision-making by an operational officer. Professional legal education and science, 2023, no. 1, pp. 74-77. (In Russ.).
10. Petrova O.V. Methodology for making management decisions. Moscow, Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2020. 92 p. (In Russ.).
11. Dal' V. Explanatory dictionary of the living Great Russian language. In 4 volumes. Vol. 3. Moscow, TERRA Publ., 1994. 560 p. (In Russ.).
12. Ozhegov S.I. Dictionary of the Russian language. Moscow, Russkiy yazyk Publ., 1986. 797 p. (In Russ.).
13. Kondakov N.I. Logical dictionary-reference book. Moscow, Nauka Publ., 1976. 720 p. (In Russ.).
14. Mathematical encyclopedic dictionary. Moscow, Sovetskaya entsiklopediya Publ., 1988. 847 p. (In Russ.).
15. Ponomarev Ya.A. On the issue of studying the psychological mechanism of decision-making in the conditions of creative tasks. Problems of decision-making. Moscow, Nauka Publ., 1976. Pp. 82-105. (In Russ.).
16. Blazhevich N.V. Logic for investigators: a textbook. 2nd ed. Tyumen: Tyumen Institute for Advanced Training of Employees of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2013. 317 p. (In Russ.).
17. Zavalishina D.N. Operational thinking and decision making. Problems of decision making. Moscow, Nauka Publ., 1976. Pp. 105-111. (In Russ.).
18. Blazhevich N.V. Logic in investigative practice. In 2 parts. Part 2. Tyumen, Tyumen Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2003. 86 p. (In Russ.).
19. Blazhevich N.V. The algorithm for creating an investigative version as a methodological problem. Legal science and law enforcement practice, 2021, no. 3, pp. 6-15. (In Russ.).

Раздел 2. Юридическая конституциология

Научная специальность: 5.1.2

Социально-политические риски, обусловленные применением норм Конституции Российской Федерации

Валерий Витальевич Киреев,

доктор юридических наук, доцент, Южно-Уральский государственный университет (национальный исследовательский университет), Челябинск, Россия, valerijkireev9@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-6384-3839>

Елена Анатольевна Киреева,

кандидат юридических наук, доцент, Южно-Уральский государственный университет (национальный исследовательский университет), Челябинск, Россия, kireevaelena2110@gmail.com

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению проблем социально-политической рискогенности применения норм Конституции Российской Федерации. С учетом ценностно-смыслового наполнения норм Конституции Российской Федерации анализируется качество их применения как фактор обеспечения социально-политической стабильности. Рассматриваются особенности субъектов соответствующих конституционно-правовых рисков, проблема обеспечения единства правоприменительного пространства, вопросы конституционной заданности начал правоприменения и прямого действия Конституции Российской Федерации, специфика механизма уменьшения неопределенности при принятии рискованного решения различными субъектами данной правоприменительной деятельности. Обосновывается риск-ориентированный подход к характеристикам личности субъекта применения норм Конституции Российской Федерации с учетом того факта, что в настоящее время взаимодействие между индивидуальными и общественными конституционными ценностями является сложной для индивидуального восприятия смысловой средой.

Ключевые слова: социально-политические риски, применение норм конституции, единство правоприменительного пространства, личность субъекта правоприменения, культура правоприменителя

Для цитирования: Киреев В.В., Киреева Е.А. Социально-политические риски, обусловленные применением норм Конституции Российской Федерации // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2024. N 4 (70). С. 19-28.

Socio-political risks associated with applying the norms of the Constitution of the Russian Federation

Valery V. Kireev,

Doctor of Legal Sciences, Associate Professor, South Ural State University (National Research University), Chelyabinsk, Russia, valerijkireev9@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-6384-3839>

Elena A. Kireeva,

Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, South Ural State University National Research University, Chelyabinsk, Russia, kireevaelena2110@gmail.com

Abstract. The article considers the problems of socio-political riskiness of applying the norms of the Constitution of the Russian Federation. The quality of application of the norms of the Constitution of the Russian Federation as a factor of ensuring the socio-political stability is analyzed in view of the value-semantic content of these norms. The features of the subjects of the relevant constitutional-legal risks, as well as the problem of ensuring the unity of law-enforcement space, the issues of both the constitutional predetermination of law enforcement principles and the direct application of the Constitution of the Russian Federation, also the specificity of the mechanism of reducing uncertainty

© Киреев В.В., Киреева Е.А., 2024

when making risky decisions by various subjects of this law enforcement activity are considered. The risk-oriented approach to the personality characteristics of the subject of the constitutional norms' application is substantiated in view of the fact that at present the interaction between the individual and public constitutional values is a complex semantic environment for individual perception.

Keywords: socio-political risks, application of the constitutional norms, unity of law-enforcement space, personality of the law-enforcement subject, culture of law enforcer

For citation: Kireev V.V., Kireeva E.A. Socio-political risks associated with applying the norms of the Constitution of the Russian Federation // Legal Science and Law Enforcement Practice. 2024. No. 4 (70). P. 19-28.

Введение

Применение норм Конституции Российской Федерации (далее – Конституция РФ, Конституция), рассматриваемое с позиции соответствующих рисков, представляет собой сложную для исследования сферу. Во-первых, границы изучения соответствующих явлений и процессов определяются как объемом самого понятия «правоприменение», соотношением его с понятиями «правотворчество», «реализация права», являющимися предметом дискуссий представителей теоретической юриспруденции, так и многообразием факторов, детерминирующих применение норм права, в том числе значением личности правоприменителя. Причем на применение норм Конституции РФ особое влияние оказывают социально-политические условия, которые, в том числе и в субъективном преломлении через сознание и волю правоприменителя, влияя на его усмотрение, могут формировать широкое поле соответствующих рисков.

Учитывая властный характер применения рассматриваемых норм, следует отметить, что широкий перечень субъектов конституционного права, в частности указанное в ст. 114 Конституции РФ гражданское общество, не могут быть правоприменителями. Более того, употребляемый для характеристики правоприменения термин «государственно-властный» нуждается в уточнении, исходя из современной легальной трактовки понятия «система публичной власти». При этом определяющим критерием будет являться не сама принадлежность к этой системе, а обладание властными полномочиями в сфере правоприменения, которые выражаются в статусе соответствующих органов и лиц.

Во-вторых, речь идет о применении Конституции РФ с учетом того, что указанные нормы могут иметь особую структуру и содержание, Конституция является актом прямого действия, а содержание положений этого основополагающего акта может быть подвергнуто официальному толкованию, производимому Конституционным Судом Российской Федерации, решения которого относятся к источникам конституционного права современной России.

И, наконец, в-третьих, указанные выше положения фокусируются на относительно самостоятельной области познания – конституционно-правовых рисках, причем более конкретно на такой их разновидности, как правореализационные конституционно-правовые риски, и в итоге на правоприменительных конституционно-правовых рисках. Сложность этой сферы предполагает определенную конвергенцию отраслей научного познания, включающую представления, выработанные общей теорией рисков, теорией правовых рисков, исследованиями в сфере конституционно-правовых рисков.

Основная часть

Многомерность и сложность факторов, формирующих социально-политические риски применения норм Конституции РФ, являются очевидными. При этом решающее значение имеет методологический подход к изучению этой сложной правовой материи. В.Д. Зорькин обоснованно отмечает, что задача правоприменения – это не задача из области взаимно однозначных соответствий между правом и правоприменением. Это и с идеологической, и с прагматической точки зрения гораздо более сложная задача. И если мы ошибемся методологически, решая эту задачу, то не обеспечим приемлемых прак-

тических результатов [1, с. 21]. С учетом этого важного суждения можно отметить, что особую значимость имеют три аспекта.

Первый из них охватывает определение социально-политических рисков, под которыми можно понимать угрозу дестабилизации политической сферы общества. А.С. Семченков правомерно указывает на то, что социально-политическая стабильность обычно трактуется как состояние политической системы общества, при котором сохраняется ее качественная определенность в виде устойчивости режима и формы правления, защищенности конституционного строя государства, сохранения гражданского мира и согласия в стране [2, с. 20-21]. Одним из факторов обеспечения такой стабильности является качество применения норм Конституции РФ, особое значение которого обусловлено:

1) масштабом воздействия на наиболее фундаментальные общественные отношения этого основополагающего нормативного правового акта;

2) спецификой содержания ряда ее положений, в том числе охватывающих ценностные и оценочные установления;

3) всеобъемлющим характером конституционно-правовых рисков, их влиянием на все системы российского общества.

Рассматриваемые социально-политические риски воздействуют на общественную сферу, в которой проявляются как позитивные, так и негативные последствия соответствующих правоприменительных рискованных решений. Учитывая частоту и определенную повторяемость актов применения норм Конституции, указанные риски могут иметь высокую динамику накопления и способны формировать угрожающие тенденции в тех сферах общественной жизни, на которые воздействуют конкретные правоприменительные акты.

Второй аспект выражается в понятии «правоприменительная деятельность», объем и содержание которого прямо влияют на определение круга субъектов применения норм Конституции РФ. И.Я. Дюрягин еще в 1973 году справедливо отмечал, что именно своим содержанием правоприменительная деятельность отличается от действий граждан, заключающихся в осуществлении субъективных прав, соблюдении и исполнении юридических обязанностей.

Своим содержанием применение отличается также и от правотворческой деятельности. При правотворчестве создаются новые нормы права, которые автоматически распространяются на каждого, кто является участником общественных отношений, предусмотренных данными правовыми нормами, тогда как посредством применения общие предписания существующих норм права специально, целенаправленно адресуются компетентными органами персонально определенным субъектам [3, с. 11]. С учетом указанных теоретических посылок можно сделать вывод о субъектах применения норм Конституции РФ, исходя из их соотношения с перечнем субъектов конституционно-правовых отношений.

С.А. Авакьян обоснованно выделяет следующих субъектов конституционно-правовых отношений: народ, население, нация (народность, этническая общность), государство, органы государственной власти, иные государственные органы, органы местного самоуправления, участники избирательных правоотношений, в том числе избирательные комиссии, граждане Российской Федерации, иностранные граждане, лица без гражданства, российские соотечественники за рубежом, общественные объединения, и прежде всего такая их разновидность, как политические партии, религиозные группы и религиозные организации [4, с. 40-54]. Каждый из этих субъектов является субъектом конституционно-правовых рисков, однако далеко не все они наделены возможностью применять нормы Конституции РФ и участие в управлении рисками со стороны многих из них основывается на реализации принадлежащих им прав. Представляется, что даже факт обладания властью и наличие суверенитета не всегда дают основания для отнесения участников конституционно-правовых отношений к субъектам правоприменения.

В связи с этим субъектами применения норм Конституции РФ не могут быть народ, население, нация (народность, этническая общность), государство как таковое, граждане Российской Федерации, иностранные граждане, лица без гражданства, российские соотечественники за рубежом, а также общественные объединения, если возможность вынесения

правоприменительных актов им не делегирована государством в какой-либо части. Таким образом, круг субъектов применения норм Конституции ограничивается органами и лицами, обладающими публичной властью, причем в системном ее виде. Эта системность находит выражение в ч. 3 ст. 132 Конституции РФ, согласно которой органы местного самоуправления и органы государственной власти входят в единую систему публичной власти в Российской Федерации и осуществляют взаимодействие для наиболее эффективного решения задач в интересах населения, проживающего на соответствующей территории.

Данное положение детализируется в ст. 2 Федерального закона от 8 декабря 2020 г. N 394-ФЗ «О Государственном Совете Российской Федерации»*, согласно которой под единой системой публичной власти понимаются федеральные органы государственной власти, органы государственной власти субъектов Российской Федерации, иные государственные органы, органы местного самоуправления в их совокупности, осуществляющие в конституционно установленных пределах на основе принципов согласованного функционирования и устанавливаемого на основании Конституции РФ и в соответствии с законодательством организационно-правового, функционального и финансово-бюджетного взаимодействия, в том числе по вопросам передачи полномочий между уровнями публичной власти, свою деятельность в целях соблюдения и защиты прав и свобод человека и гражданина, создания условий для социально-экономического развития государства. Согласованное функционирование элементов публичной власти предполагает издание ими правоприменительных актов. При этом согласование позиций субъектов, применяющих нормы Конституции РФ, также должно являться одной из характеристик системного единства публичной власти. В этом контексте можно говорить об обеспечении единства правоприменительного пространства в современной России, основанного на единообразном понимании

применяемых положений Конституции и представляющего собой важное условие минимизации рассматриваемых рисков.

Третий аспект охватывает необходимость обеспечения единства правоприменительного пространства, и это предполагает обращение к вопросам моделирования правоприменительной деятельности, выражающего ее основные параметры. Р.Р. Палеха, рассматривая модель деятельности государственного аппарата управления, которая, по мнению указанного автора, полностью соответствует модели правоприменительной деятельности, наряду с другими параметрами, обоснованно включает в ее состав информационные параметры – законы и подзаконные акты, определяющие цели, задачи, субъективные права и юридические обязанности субъектов управления (правоприменения); акты толкования-разъяснения, источники и носители информации о состоянии объекта управления (правоприменения), а также познавательные-оценочные параметры – общую и правовую культуру субъектов управления (правоприменения), профессиональные знания, умения и навыки, правовое и нравственное сознание [5, с. 72], имеющие, как представляется, особое значение для единообразного применения норм Конституции РФ. Можно предположить, что эффективность информационного воздействия положений Конституции РФ, актов ее толкования на правовую культуру, правовое сознание субъектов применения ее норм является ключевым условием, без которого немислимо это желаемое единство.

Данный промежуточный вывод предполагает обращение к конституционной заданности начал правоприменения и субъектным характеристикам правоприменителя. Прямая обусловленность содержания правоприменительных актов содержанием норм Конституции РФ не вызывает сомнений. С.С. Алексеев обоснованно указывает на то, что если органы правотворчества закладывают в правовую систему общие программы поведения участников общественных отношений, то органы применения права в оптимальном случае продолжают «дело», начатое правотворчеством. Они призваны обеспечить проведение в жизнь юридических норм,

* Собр. законодательства Рос. Федерации. 2020. N 50 (ч. III). Ст. 8039.

выраженных в них общих программ поведения, конкретизированное их воплощение в реальных жизненных процессах с учетом особенностей той или иной ситуации [6, с. 366]. При этом в конституционном праве влияние правотворчества на правоприменение имеет особенности, обусловленные уникальным по объему и содержанию ценностно-смысловым наполнением. В нормах Конституции РФ закреплены многообразные социально-политические ценности, и этими формализованными ценностями субъект применения норм конституционного права должен руководствоваться, исполняя обязанность соблюдать Конституцию и законы (ч. 2 ст. 15 Конституции РФ).

Вопрос заключается в том, как правоприменителем воспринимаются объем и содержание конституционных ценностей. Прежде всего, искажения их восприятия и, соответственно, пороки применения могут быть обусловлены влиянием неправовых факторов — различного рода сведений об этих ценностях, исходящих из неофициальных источников информации, включая геополитических противников. Что касается ценностей, закрепленных в Конституции РФ, то, во-первых, трудно установить их исчерпывающий перечень и, во-вторых, с позиции юридической техники конституционное выражение социально-политических ценностей может иметь частично определенные объем и содержание. Указанная неопределенность формирует некоторую часть конституционно-правовых рисков, так как субъекту предстоит принятие рискованного конституционно-правового правоприменительного решения в условиях неопределенности, устранение которой далеко не всегда является возможным.

С позиции существования механизма уменьшения такой неопределенности всех субъектов применения норм Конституции РФ можно подразделить на две неравномерные группы: 1) суды; 2) другие правоприменители. Эта неравномерность обусловлена различиями в обеспечении единства правоприменительной деятельности. Согласно ст. 3 Федерального конституционного закона от 31 декабря 1996 г. N 1-ФКЗ «О судебной системе Рос-

сийской Федерации»* единство судебной системы обеспечивается, в частности, путем применения всеми судами Конституции РФ, федеральных конституционных законов, федеральных законов, общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров Российской Федерации, а также конституций (уставов) и других законов субъектов Российской Федерации.

При этом согласно ст. 5 Федерального конституционного закона от 5 февраля 2014 г. N 3-ФКЗ «О Верховном Суде Российской Федерации»** Пленум Верховного Суда Российской Федерации рассматривает материалы анализа и обобщения судебной практики и дает судам разъяснения по вопросам судебной практики в целях обеспечения единообразного применения законодательства Российской Федерации. В этом контексте показательным является постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 31 октября 1995 г. N 8 «О некоторых вопросах применения судами Конституции Российской Федерации при осуществлении правосудия»*** (далее — Постановление), содержащее соответствующие разъяснения. Причем возможность уменьшения рисков, и в частности устранения неопределенности, предусмотрена п. 3 Постановления. Для решения вопроса о том, соответствует ли Конституции подлежащий применению по конкретному делу закон, суд обращается в Конституционный

* О судебной системе Российской Федерации: федер. конституционный закон от 31 дек. 1996 г. N 1-ФКЗ: ред. от 16 апр. 2022 г. // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1997. N 1. Ст. 1; Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru>

** О Верховном Суде Российской Федерации: федер. конституционный закон от 5 февр. 2014 г. N 3-ФКЗ: ред. от 14 июля 2022 г. // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2014. N 6. Ст. 550; Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru>

*** О некоторых вопросах применения судами Конституции Российской Федерации при осуществлении правосудия: постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 31 окт. 1995 г. N 8: ред. от 3 марта 2015 г. // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 1996. N 2; 2015. N 5.

Суд Российской Федерации с запросом о конституционности этого закона.

Иным образом складывается ситуация по отношению к другим субъектам применения норм Конституции РФ. И если на федеральном уровне риски таких субъектов минимизируются наличием экспертных, консультативных органов высокого уровня, то по нисходящей степень минимизации рисков уменьшается. Вместе с тем можно предположить, что чем ниже в иерархии субъектов правоприменения находятся органы или должностные лица, тем большее количество правоприменительных актов ими издается за определенный временной период.

Существующее положение усугубляется тем, что Конституция РФ имеет прямое действие, которое, с точки зрения С.А. Авакьяна, заключается прежде всего в том, что она *учреждает соответствующие общественно-политические, экономические, социальные и государственно-властные отношения. Это есть высший смысл конституционного правоприменения* [7, с. 43]. При этом Е.С. Аничкин и Т.И. Ряховская оправданно обращают внимание на то, что прямое действие норм Конституции РФ — это юридическое свойство ее норм, имеющее легальный характер, выражающее правило действия и реализации норм Конституции независимо от наличия конкретизирующих их нормативных правовых актов. Данное свойство ничем не ограничено, то есть даже если необходима конкретизация норм Конституции, это не является его исключением, так как сама конкретизация создается на основе конституционно-правовых предписаний и лишь развивает их с целью реализации, а не устанавливает. Применение Конституции РФ, особенно в деятельности судов, — это процесс, посредством которого обеспечивается данное свойство [8, с. 37].

Если предположить, что наиболее широкий и находящийся за пределами федеральных органов круг правоприменителей вынужден применять выражающие ценностные основы нормы Конституции РФ непосредственно, без их конкретизации в текущем законодательстве, то это может формировать критические конституционные правоприменительные риски. Высокая рискогенность такого рода

действий обусловлена отсутствием конкретизирующих норм, которые могут детализировать информацию о реализации конституционных ценностей в правоприменительных актах и тем самым формировать правильный вектор правоприменительной деятельности. Это создает широкие возможности для усмотрения субъекта правоприменительной деятельности. Положение усугубляется тем, что в сознании правоприменителя возможен конфликт между ценностями, выраженными в Конституции РФ, и прежде всего между индивидуальными и общественными ценностями, соотношение и взаимодействие которых, особенно в связи с новейшими изменениями Конституции РФ, представляет собой сложную для исследования и индивидуального восприятия среду.

Исходя из приведенных выше аргументов можно сделать вывод о том, что в настоящее время проблему минимизации социально-политических рисков применения норм Конституции РФ подавляющим большинством субъектов правоприменительной деятельности трудно признать окончательно решенной. Подход, который можно было бы распространить на применение норм Конституции РФ указанными выше субъектами, выражен в ст. 47 Федерального закона от 31 июля 2020 г. N 248-ФЗ «О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации»* (далее — Федеральный закон «О государственном контроле»), которой установлена необходимость обобщения правоприменительной практики для решения таких задач, как:

1) обеспечение единообразных подходов к применению контрольным (надзорным) органом и его должностными лицами обязательных требований, законодательства Российской Федерации о государственном контроле (надзоре), муниципальном контроле;

2) выявление типичных нарушений обязательных требований, причин, факто-

* О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации: федер. закон от 31 июля 2020 г. N 248-ФЗ; ред. от 8 авг. 2024 г. // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2020. N 31 (ч. 1). Ст. 5007; Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru>

ров и условий, способствующих возникновению указанных нарушений;

3) анализ случаев причинения вреда (ущерба) охраняемым законом ценностям, выявление источников и факторов риска причинения вреда (ущерба);

4) подготовка предложений об актуализации обязательных требований;

5) подготовка предложений о внесении изменений в законодательство Российской Федерации о государственном контроле (надзоре), муниципальном контроле.

Следует отметить, что в Федеральном законе «О государственном контроле» применяется риск-ориентированный подход – глава 5 данного нормативного правового акта посвящена управлению рисками причинения вреда (ущерба) охраняемым законом ценностям при осуществлении государственного контроля (надзора), муниципального контроля.

Особого внимания заслуживают личностные характеристики субъекта применения норм Конституции РФ. В.Н. Синюков обоснованно обращает внимание на весьма важный фактор, влияющий на применение норм Конституции РФ различными субъектами, – из структур политической системы исходят идеологические проекты, задающие практике долговременную политико-идеологическую динамику [9, с. 304-305]. Воздействие этого фактора на субъектов указанного правоприменения является бесспорным. В равной степени бесспорной представляется и необходимость конкретизации пределов административного усмотрения в части толкования идейно-политического, ценностного содержания норм Конституции РФ. В связи с этим вывод С.А. Авакьяна о том, что ценности и идеи Конституции не могут быть отданы «на откуп» органам и должностным лицам, применяющим ее положения и позволяющим себе такую ее трактовку, которую они считают более реалистичной и удобной [10, с. 197], может выступать в качестве отправной точки определения подхода к минимизации рассматриваемых социально-политических рисков.

При этом необходимость в вышестоящих руководящих разъяснениях по социально-политическим аспектам применения норм конституционного права отсутствует.

Во-первых, это недостижимо с позиции существующего разделения ветвей власти, а также различных уровней власти. Во-вторых, невозможно учесть все многообразие рискованных правоприменительных ситуаций, по которым необходимы разъяснения, что, однако, не исключает необходимости детализации положений Конституции в текущем законодательстве. В-третьих, попытки такого рода разъяснений всегда будут создавать политическую уязвимость правоприменителя, возможность обвинения его в политической ангажированности. По этой причине совершенствование общей, правовой и политической культуры правоприменителя в настоящее время особенно значимо для уменьшения возможных неблагоприятных социально-политических последствий издания правоприменительных актов в условиях конституционно-правового риска.

Характеристики личности субъекта, имеющие значение для применения им норм Конституции РФ, представляют собой сложное сочетание индивидуальных качеств. Л.О. Мурашко, анализируя конституционное правоприменение, справедливо акцентирует внимание на том, что правоприменение является прежде всего компетентной властной деятельностью, отмечая и такие характеристики данной деятельности, как творчество, профессионализм, мастерство и другие, этические, аксиологические грани деятельности, а также присутствие ей эстетические стороны, которые выражаются в превосходных степенях мастерства, профессионализма и т.д. Сравнительные степени, позволяющие оценивать мастерство, творчество, профессионализм и другие ценностно-оценочные характеристики правоприменительной деятельности, обуславливаются ее субъектом [11, с. 4]. Подобные характеристики могут быть дополнены еще и таким признаком, как отношение к риску.

А.И. Орлов и О.В. Пугач обоснованно полагают, что в понятии «риск» целесообразно выделить три составляющие. Необходимо разделить событие, в котором реализуется нежелательная возможность, другими словами, опасность (анализ риска), оценку этого события (оценка риска, оценка выраженности и серьезности опасности) и возможные действия по уменьше-

нию нежелательных последствий (управление риском с помощью тех или иных управленческих решений) [12, с. 49]. В связи с этим деятельность правоприменителя неизбежно должна базироваться на его социально-политических представлениях, оценке значительности риска возможных неблагоприятных последствий издания правоприменительного акта, определении тех мер, которые необходимо будет принимать при возникновении неблагоприятных последствий. Социально-политические факторы правоприменения имеют и более глубокое выражение, которое охватывает риски, связанные с соответствием норм конституционного права интересам граждан.

Конечно, можно исправлять недостатки правового регулирования посредством применения норм, пытаясь минимизировать соответствующие риски в допустимых рамках усмотрения правоприменителя, однако это будет генерировать новые риски, обусловленные расхождением между императивным правоприменением, навязыванием государственной воли и представленными в обществе интересами, позициями. Данную проблему отличает еще один аспект. Правоприменитель осуществляет деятельность в обществе, которое может выражать различные социально-политические идеи, создающие эклектичную информационную среду, неизбежно влияющую на деятельность правоприменителя. В связи с этим всегда существует угроза вынесения правоприменительных актов на основе текущей социально-политической конъюнктуры.

Заключение

Исследование проблем, охватываемых названием статьи, позволило сформулировать следующие выводы:

1. Под социально-политическими рисками можно понимать угрозу дестабилизации политической сферы нашего общества.

2. Одним из факторов, влияющих на обеспечение социально-политической стабильности, является качество применения норм Конституции РФ, особое значение которого обусловлено: а) масштабом воздействия на наиболее фундаментальные общественные отношения этого осново-

полагающего нормативного правового акта; б) спецификой содержания ряда ее положений, в том числе охватывающих ценностные и оценочные установления; в) всеобъемлющим характером конституционно-правовых рисков, их влиянием на все системы российского общества.

3. В свою очередь, в применении норм Конституции РФ особое значение имеют сами социально-политические условия, которые, в субъективном преломлении через сознание и волю субъекта правоприменительной деятельности, влияют на его усмотрение и могут формировать широкое поле правоприменительных рисков.

4. Для отнесения лица или органа к субъектам применения норм Конституции РФ определяющим критерием является не сама принадлежность к единой системе публичной власти, а обладание конкретными властными полномочиями в сфере правоприменения, выражающееся в их статусах.

5. Согласование позиций субъектов, применяющих нормы Конституции РФ, должно являться одной из характеристик системного единства публичной власти, обеспечивающего единство правоприменительного пространства в современной России, основанного на единообразном понимании применяемых положений Конституции и представляющего собой важное условие минимизации соответствующих рисков.

6. Эффективность информационного воздействия положений Конституции РФ, актов ее толкования на правовую культуру, правовое сознание субъектов применения ее норм является ключевым условием достижения единства правоприменительного пространства.

7. В Конституции РФ закреплены многообразные социально-политические ценности, и этими формализованными ценностями субъект применения ее норм должен руководствоваться, исполняя обязанность соблюдать Конституцию и законы. При этом искажения восприятия таких ценностей и, соответственно, пороки правоприменения могут быть обусловлены влиянием неправовых факторов – различного рода сведений об этих ценностях, исходящих из неофициальных источников информации, в том числе от геополитических противников.

8. Трудности определения исчерпывающего перечня социально-политических ценностей, имеющих не вполне определенные объем и содержание, выражают неопределенность, формирующую некоторую часть поля конституционно-правовых рисков, обусловленных предстоящим принятием субъектом рискованного конституционно-правового правоприменительного решения в условиях такой неопределенности, устранение которой далеко не всегда является возможным.

9. Основываясь на наличии механизма уменьшения указанной неопределенности, всех субъектов применения норм Конституции РФ можно подразделить на две неравномерные группы: 1) суды; 2) другие правоприменители. Эта неравномерность обусловлена различиями в обеспечении единства правоприменительной деятельности.

10. В условиях прямого действия Конституции РФ применение ее норм без уче-

та их конкретизации в текущем законодательстве может формировать критические конституционные правоприменительные риски. При этом в сознании правоприменителя возможен конфликт между ценностями, выраженными в Конституции РФ, и прежде всего между индивидуальными и общественными ценностями, соотношение и взаимодействие которых, особенно в связи с новейшими изменениями Конституции, представляют собой сложную для исследования и индивидуального восприятия среду.

11. Частичному решению проблемы минимизации социально-политических рисков применения норм Конституции РФ могло бы способствовать распространение на указанную сферу подхода, выраженного в сфере государственного контроля (надзора) и муниципального контроля в Российской Федерации, предусматривающего необходимость обобщения правоприменительной практики для решения соответствующих задач.

Список источников

1. Зорькин В.Д. Правоприменение как стратегическая проблема // Право и правоприменение в России: междисциплинарные исследования / под ред. В.В. Волкова. Москва: Статут, 2011. С. 15-24.
2. Семченков А.С. Социально-политическая стабильность в доктринальных документах национальной безопасности России // Философия и общество. 2016. N 2. С. 20-38.
3. Дюрягин И.Я. Применение норм советского права. Теоретические вопросы. Свердловск: Средне-Уральское кн. изд-во, 1973. 248 с.
4. Авакьян С.А. Конституционное право России: учебный курс: учебное пособие: в 2 т. Т. 1. 4-е изд., перераб. и доп. Москва: Норма: Инфра-М, 2010. 864 с.
5. Палеха Р.Р. К вопросу о субъектах правоприменительной деятельности // Вестник Омского университета. Сер.: Право. 2008. N 4. С. 68-74.
6. Алексеев С.С. Право: азбука – теория – философия: Опыт комплексного исследования. Москва: Статут, 1999. 712 с.
7. Авакьян С.А. Конституционное правоприменение: некоторые проблемы теории и практики // Юридический вестник Дагестанского государственного университета. 2018. Т. 28. N 4. С. 43-48.
8. Аничкин Е.С., Ряховская Т.И. Прямое действие и применение норм Конституции РФ: к вопросу о разграничении понятий // Правоприменение. 2018. Т. 2. N 1. С. 31-39.
9. Синюков В.Н. Российская правовая система. Введение в общую теорию. 2-е изд., доп. Москва: Норма, 2014. 672 с.
10. Авакьян С.А. Конституция России: природа, эволюция, современность. 2-е изд. Москва: РЮИД, Сашко, 2000. 528 с.
11. Мурашко Л.О. Конституционное правоприменение и его ценностная составляющая // Мониторинг правоприменения. 2018. N 3. С. 4-8.
12. Орлов А.И., Пугач О.В. Подходы к общей теории риска // Управление большими системами. 2012. N 40. С. 49-82.

References

1. Zor'kin V.D. Law enforcement as a strategic problem. Law and Law enforcement in Russia: interdisciplinary studies. Moscow, Statut Publ., 2011. Pp. 15-24. (In Russ.).
2. Semchenkov A.S. Socio-political stability in the doctrinal documents of national security of Russia. Philosophy and Society, 2016. no. 2, pp. 20-38. (In Russ.).

3. Dyuryagin I.Ya. Application of the norms of Soviet law. Theoretical questions. Sverdlovsk, Sredne-Uralsky Book Publishing House, 1973. 248 p. (In Russ.).
4. Avak'yan S.A. Constitutional law of Russia. Training course. In 2 volumes. Vol. 1. Moscow, Norma: Infra-M Publ., 2010. 864 p. (In Russ.).
5. Palekh R.R. On the issue of subjects of law enforcement activity. Bulletin of Omsk University. Series: Law, 2008, no. 4, pp. 68-74. (In Russ.).
6. Alekseev S.S. Law: ABC – theory – philosophy: The experience of complex research. Moscow, Statute Publ., 1999. 712 p. (In Russ.).
7. Avak'yan S.A. Constitutional law enforcement: some problems of theory and practice. Legal Bulletin of Dagestan State University, 2018, vol. 28, no. 4, pp. 43-48. (In Russ.).
8. Anichkin E.S., Ryakhovskaya T.I. Direct action and application of the norms of the Constitution of the Russian Federation: on the issue of differentiation of concepts. Law enforcement, 2018, vol. 2, no. 1, pp. 31-39. (In Russ.).
9. Sinyukov V.N. The Russian legal system. An introduction to general theory. Moscow, Norma Publ., 2014. 672 p. (In Russ.).
10. Avak'yan S.A. The Constitution of Russia: nature, evolution, modernity. Moscow, RUID, Sashko Publ., 2000. 528 p. (In Russ.).
11. Murashko L.O. Constitutional law enforcement and its value component. Monitoring of law enforcement, 2018, no. 3, pp. 4-8. (In Russ.).
12. Orlov A.I., Pugach O.V. Approaches to the general theory of risk. Management of large systems, 2012, no. 40, pp. 49-82. (In Russ.).

Вклад авторов:

Киреев В.В. – идея, сбор и обработка материала, формулирование основных направлений исследования, разработка теоретических предпосылок, написание статьи, формулирование итоговых выводов;

Киреева Е.А. – написание статьи, анализ правоприменительной практики, обоснование социально-политического содержания рисков, формулирование общих выводов.

Contribution of the authors:

Kireev V.V. – idea, collecting and processing of the material, formulation of the main research directions, development of theoretical assumptions, writing the article, formulation of the final conclusions;

Kireeva E.A. – writing the article, analysis of law enforcement practice, justification of the socio-political content of risks, formulation of the general conclusions.

Раздел 3. Административное право и деликтология

Научная специальность 5.1.2

Принципы административного права: содержание и особенности реализации

Олег Иванович Бекетов,

доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации, Омская академия Министерства внутренних дел Российской Федерации, Омск, Россия, ol_beketov@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3965-9219>

Вадим Игоревич Сургутсков,

кандидат юридических наук, доцент, Омская академия Министерства внутренних дел Российской Федерации, Омск, Россия, surgutskov55@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4695-7919>

Аннотация. Предметом рассмотрения в статье являются отдельные принципы материальной отрасли административного права, отраженные в современном российском законодательстве. Авторами была поставлена цель рассмотреть и проанализировать принципы административного права Российской Федерации, выявить различные проявления их реализации в правоприменительной и судебной деятельности. Определено содержание принципов законности, добросовестности (*bonafides*), публичности, самостоятельности, типичности, соразмерности, однократности привлечения к административной ответственности (*non bis in idem*). Авторы статьи полагают, что рассмотренные принципы могут быть учтены в российском административном и судебно-административном законодательстве, а также в практике его применения.

Ключевые слова: принцип административного права, законность, добросовестность, публичность, самодостаточность, типичность, пропорциональность, однократность административной ответственности

Для цитирования: Бекетов О.И., Сургутсков В.И. Принципы административного права: содержание и особенности реализации // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2024. N 4 (70). С. 29-37.

Administrative law principles: content and peculiarities of implementation

Oleg I. Beketov,

Doctor of Legal Sciences, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation, Omsk Academy of the Ministry of the Interior of the Russian Federation, Omsk, Russia, ol_beketov@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3965-9219>

Vadim I. Surgutskov,

Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, Omsk Academy of the Ministry of the Interior of the Russian Federation, Omsk, Russia, surgutskov55@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4695-7919>

Abstract. The article centers around the individual principles of the substantive branch of administrative law, reflected in the modern Russian legislation. The authors of the article pursued the aim to consider and analyze the principles of administrative law of the Russian Federation, as well as to identify various manifestations of their implementation in law enforcement and judicial activities. The content of the principles of legality, conscientiousness (*bonafides*), publicity, independence, typicality, proportionality, single bringing to administrative responsibility (*non bis in idem*) is determined. The authors of the article believe that these principles can be taken into account in the Russian administrative and judicial-administrative legislation, as well as in the practice of its implementation.

Keywords: administrative law principle, legality, conscientiousness, publicity, self-sufficiency, typicality, proportionality, singleness of administrative responsibility

For citation: Beketov O.I., Surgutskov V.I. Administrative law principles: content and peculiarities of implementation // Legal Science and Law Enforcement Practice. 2024. No. 4 (70). P. 29-37.

Введение

В философском и научном дискурсе принципы традиционно выступают в качестве основополагающих, фундаментальных, мировоззренческих идей, на которых построена какая-либо деятельность, теория. Юридическая наука использует термин «принцип» на всех уровнях правового регулирования.

Принципы права в отечественной правовой доктрине — это нормативные положения, которые выводятся из правовой отрасли и выполняют три фундаментальные роли: (1) они служат основой определенной правовой системы; (2) выступают в качестве вспомогательного герменевтического руководства для применения правовых норм; (3) в случаях конкретной нормативной недостаточности используются в качестве интегрирующего источника права. В принципах содержание права, всей правовой системы раскрывается углубленно: в них непосредственно выявляются сущность права, его основы, закономерности общественной жизни, ее тенденции и потребности [1, с. 98].

Доктрина административного права показывает, что принципы выполняют интегрирующую функцию, поскольку берут на себя роль формального источника права в случае возникновения правового вакуума, нормативной недостаточности или, когда правовые предписания «неоправданно “размыты” и не содержат четких ориентиров для выбора решения, создаются благоприятные возможности для различного рода злоупотреблений и совершения ошибок» [2, с. 20].

Применительно к административному праву принципы отражают его происхождение, источники, причины выделения в системе отраслей, фундамент и специфику в той мере, в какой они устанавливаются и поддерживают основные критерии и структурные столпы указанной отрасли, которые, в свою очередь, предназначены гарантировать основные права человека при разрешении административных дел (вопросов) той или иной категории.

К признакам системы принципов административного права следует отнести:

1) постоянство и стабильность принципов, изменчивость способов их осуществления [3, с. 8]; 2) взаимодействие между принципами внутри системы не является взаимоисключающим; 3) принципы обязательны для всех участников административно-правовых отношений, которые применяют их комплексно; 4) равноправие принципов в системе, они не могут подменять или каким-либо образом негативно влиять друг на друга.

Основная часть

Система принципов административного права возглавляется **принципом законности**, поскольку он является основополагающим для административного правопорядка. Данный принцип подразумевает полное подчинение закону субъекта административного правоприменения. Еще античный философ Платон видел в законности повиновение правильным законам [4, с. 429]. В правовом государстве публичная администрация обязана полностью соотносить свои действия с законом и не имеет возможности осуществлять какие-либо действия, не отнесенные к ее компетенции нормами права. Французский ученый-административист Г. Брэбан рассматривает законность как взаимосвязь двух неотъемлемых элементов: обязанности действовать в соответствии с законом и обязанности проявлять инициативу для обеспечения выполнения закона [5, с. 171].

Конституция Российской Федерации* (далее — Конституция РФ) в статье 15 устанавливает обязанность органов государственной власти и местного самоуправления, должностных лиц, граждан и их объединений соблюдать Конституцию РФ и законы.

Особая связь с законом публичной администрации известна как доктрина позитивной связи, в противоположность идее негативной связи, свойственной гражда-

* Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 дек. 1993 г., с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 г.) // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru>

нам и всем частным субъектам вообще, в силу которой последние могут делать все, что не запрещает закон, в то время как администрация для совершения конкретного действия нуждается в юридическом разрешении. Иными словами, публичная администрация может делать только то, что ей разрешает закон.

Таким образом, принцип законности означает, что действия и поведение публичной администрации должны быть оправданы предшествующим законом предпочтительно, но не обязательно общего характера. В первую очередь это касается Конституции РФ, но также и остальных элементов правовой системы, нормативных актов, издаваемых самой публичной администрацией, совокупность которых составляет так называемый блок законности. *Legalitas regnorum fundamentum* — законность — основа государства.

В главе 1 КоАП РФ «Задачи и принципы законодательства об административных правонарушениях» в ст.ст. 1.4, 1.5, 1.6 говорится о принципах равенства перед законом, презумпции невиновности, обеспечения законности при применении мер административного принуждения в связи с совершением административного правонарушения. Из норм законодательства об административных правонарушениях можно вывести множество иных принципов, так или иначе раскрывающих принцип законности при применении административных наказаний. Это одно из фундаментальных правил правового регулирования общественных отношений, «возникающих по поводу и в связи с привлечением физических и юридических лиц к административной ответственности, на основе которых должны формироваться и применяться нормы административного права, определяющие основания и порядок применения административных наказаний» [6, с. 285].

Доктрина административного права в юрисдикционных отношениях предусматривает, что административные наказания могут назначаться только тогда, когда они прямо предусмотрены федеральным законом или законом субъекта Российской Федерации в соответствии с процедурой, установленной российским законом.

Как доктрина, так и судебная практика на протяжении длительного времени

стремились установить конкретные пределы полномочий публичной администрации по назначению административных наказаний, основываясь преимущественно на принципе законности. Последний в вопросах назначения административных наказаний выступает особым выражением принципа верховенства права, из которого вытекают требования применения закона (существующие законы подлежат применению) и запрет отклонения (от положений законов нельзя отклоняться).

В настоящее время публичная администрация имеет четкие правовые рамки в вопросах привлечения лиц к административной и дисциплинарной ответственности.

Первоначально выражение *nullum crimen, nulla poena sine praevia lege* (нет преступления, нет наказания без предварительного установления законом) относилось лишь к уголовной ответственности. В настоящее время оно в равной степени относится к административно-деликтному (или шире — к административно-санкционному) и уголовному праву, хотя они защищают разные правовые объекты.

Данное выражение распространяется и на дисциплинарные взыскания, применяемые к государственным служащим, на которых возлагаются обязанности и запреты, которые они должны соответственно выполнять и соблюдать. На область дисциплинарной ответственности служащих также распространяется «санкционная» власть государства, реализуемая в рамках предусмотренной нормативной процедуры.

Принцип законности можно описать схематически. Во-первых, он подразумевает по меньшей мере существование писаного закона (*lex scripta*), во-вторых, закон должен быть предшествующим (*lex praevia*), и, в-третьих, закон четко описывает конкретную фактическую ситуацию (*lex certa*). Эти характеристики первоначально приписывались уголовному законодательству, но постепенно распространились на санкционное (карательное) право в целом.

Конституционные суды многих стран, в том числе и Российской Федерации, считают принципы уголовного права релевантными к административно-санкционному правоприменению. В то же время принципы, свойственные уголовному праву, не могут в административно-санкционном

праве применяться автоматически. Административная ответственность, как правило, применяется за правонарушения с формальным составом, не предполагающим конкретного материального ущерба. Таким образом проявляется очевидная превентивная функция административно-санкционного права, направленного на предотвращение фактического ущерба правовым интересам, которые оно защищает.

Суть рассматриваемого принципа в административно-деликтном праве состоит в том, что никто не может быть наказан за действия или бездействие, не предусмотренные в качестве административного правонарушения или дисциплинарного проступка в ранее принятых законах. Это же правило относится к административным наказаниям и дисциплинарным взысканиям.

Bona fides — общеизвестное латинское выражение, которое закрепляет **принцип добросовестности** и подразумевает презумпцию доверия управляемому лицу. Эта юридическая конструкция использовалась римскими юристами для того, чтобы разрешать споры исходя из доброй воли сторон [7, с. 12].

Принцип добросовестности представляет собой общий принцип права, приобретающий трансцендентное значение в административно-правовой сфере, поскольку он соответствует отношениям между управляющим и управляемым. Он тесно связан с признанием человеческого достоинства, прав граждан и государственных служащих, ценности, лояльности и взаимного доверия. Содержание данного принципа вытекает из Конституции РФ и ряда законов. В частности, согласно ст. 2 Конституции РФ «человек, его права и свободы являются высшей ценностью. Признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина — обязанность государства». В соответствии со ст. 4 Федерального закона от 27 июля 2024 г. N 79-ФЗ «О государственной гражданской службе Российской Федерации»* одним из принципов гражданской службы является приоритет прав и свобод человека и гражданина. В статье 3 Феде-

рального закона от 26 декабря 2008 г. N 294-ФЗ «О защите прав юридических лиц и индивидуальных предпринимателей при осуществлении государственного контроля (надзора) и муниципального контроля»** особо выделяется принцип презумпции добросовестности юридических лиц, индивидуальных предпринимателей.

Таким образом, принцип добросовестности, который регулирует действия как публичной власти, так и частных лиц, имеет конституционное происхождение и его дальнейшее утверждение в административно-публичной деятельности соответствует развитию гарантий прав, направленных на укрепление доверия, правовой определенности, авторитета, лояльности, презумпции законности как основных правил сосуществования людей в рамках политического сообщества, на понимание того, что недоверие и нелояльность не могут быть общими правилами отношения общества к гражданам, и наоборот. Принцип добросовестности не может рассматриваться как простой моральный постулат, он является руководящей нормой, включенной в административно-правовую систему. Добросовестность презюмируется, тогда как недобросовестность должна быть доказана. Следует отметить, что в юридическом сообществе высказывалось предложение о закреплении в полицейском законодательстве принципа презумпции доверия к действиям сотрудника полиции [8; 9; 10].

Принцип добросовестности обнаруживается в доверии, выраженном в действиях и решениях государства и государственного служащего, а также в действиях индивида по отношению к органам публичной власти; он требует, чтобы публичная деятельность осуществлялась в атмосфере взаимного доверия публичной власти и частных лиц. Суть принципа добросовестности состоит также в том, что публичная администрация в любом ее проявлении должна руководить своими действиями с лояльностью по отношению к тем, кем она управляет. Лояльность же граждан проявляется, например, в их патриотизме, доверии и поддержке институ-

* Собр. законодательства Рос. Федерации. 2004. N 31. Ст. 3215.

** Там же. 2008. N 52 (ч. 1). Ст. 6249.

тов государственной власти. В частности, лояльность иностранного гражданина, прибывшего в Российскую Федерацию и подавшего заявление о выдаче разрешения на временное проживание, проверяется путем предоставления им документа, подтверждающего владение русским языком, знание истории и основ законодательства России [11, с. 19].

В то же время применение принципа добросовестности не выступает инструментом для смягчения или неприменения административных наказаний или ограничений. Применение рассматриваемого принципа, как и других, подчинено принципу законности.

По общему правилу, деятельность администрации является публичной, если только отдельные законы не ограничивают ее. Акты органов государства, их основания и процедуры, в соответствии с которыми они принимаются, должны быть известны общественности, а не являться секретными, зарезервированными, скрытыми. Иными словами, любое лицо должно иметь доступ к такой информации.

Именно такой порядок имманентен демократическому правовому государству. **Принцип публичности** (прозрачности, транспарентности) распространяется на все государственные органы, а не только на те из них, которые составляют государственную администрацию. «Этот принцип направлен на оптимизацию форм и методов сотрудничества всех органов публичной власти и реализацию публичных интересов тех, в чью компетенцию входит их осуществление» [12, с. 33].

Тем не менее, если принцип публичности — это общее правило, то необходимо признать, что оно не является абсолютным, а допускает исключения, связанные с конфиденциальностью той или иной информации.

Наиболее известным примером выступает институт государственной тайны, основанный на Законе Российской Федерации от 21 июля 1993 г. N 5485-1 «О государственной тайне»*. В соответствии с указанным законом государственная тайна — это защищаемые государством сведения, распространение которых может нанести

ущерб безопасности России. При этом секретность оправданна лишь в исключительных случаях и только по прямому решению компетентного органа.

Прежде всего, принцип публичности предоставляет гарантию заинтересованному лицу быть полностью осведомленным относительно обоснования осуществляемого разбирательства, получения доказательств, тех или иных особенностей судебного или административного процесса, оснований для принятия решений.

Таким образом, принцип публичности должен применяться органом власти во всех ее отношениях с частными лицами, а также во всех своих действиях, за исключением отдельных ограничений, предусмотренных законом.

Принцип самодостаточности (императивности, принудительности, авторитарности) — это принцип, наиболее характерный для административного права. Он служит исключительной гарантией исполнения административных функций. Публичная администрация принимает акты, влекущие правовые последствия для граждан и организаций, и вправе исполнять свои собственные решения самостоятельно, без обращения в суд.

Данный принцип наделяет органы публичной администрации, осуществляющие материальные административные функции, правом обеспечивать их исполнение без вмешательства суда, в исключительных случаях прибегая к применению мер принуждения в пределах, установленных правовой системой. С.И. Котюргин среди принципов административного процесса выделяет принцип авторитарности, суть которого сводится к тому, что должностные лица на всех стадиях производства по делам об административных правонарушениях должны проявлять активность в достижении цели привлечения лица к административной ответственности [13, с. 41].

Принцип самодостаточности можно также назвать принципом самозащиты, поскольку он заключается, в частности, в способности публичной администрации осуществлять защиту своих интересов самостоятельно, без необходимости обращения в судебные или любые другие государственные органы.

* Рос. газ. 1993. 21 сент.

Следует помнить, что государственная функция предназначена прежде всего для удовлетворения интересов общества. Это делает рассматриваемый принцип основополагающим принципом административной деятельности. Административное право руководствуется критерием «приоритет общего интереса над частным». В связи с этим любая задержка в выполнении законно изданных актов нежелательна, поскольку может воспрепятствовать достижению цели, которую они преследуют.

Nullum crimen, sine praevia lege — латинское выражение, которое переводится как «нет преступления без предварительно установленного законом». **Принцип типичности** выступает частью принципа надлежащей правовой процедуры, хотя в делах об административных правонарушениях он не требует такой же степени определенности и строгости, как в уголовных делах. В равной степени он применим к сфере административных наказаний.

Согласно ч. 1 ст. 2.1 КоАП РФ административным правонарушением признается противоправное, виновное действие (бездействие) физического или юридического лица, за которое указанным Кодексом или законами субъектов Российской Федерации об административных правонарушениях установлена административная ответственность.

В соответствии со ст.ст. 3.1 и 3.2 КоАП РФ конкретные виды административных наказаний также устанавливаются данным Кодексом и законами субъектов Российской Федерации об административных правонарушениях.

Принцип типичности понимается как требование о том, чтобы правонарушающее поведение определялось нормами права четко, а не в расплывчатых общих формулировках. Следует признать, что данный принцип не имеет абсолютного признания в дисциплинарном праве в силу специфики построения его норм. Типичность, таким образом, выступает требованием, предъявляемым к публичной администрации, чтобы конкретные, точно определенные административные правонарушения и административные наказания были установлены до осуществления субъектом порицаемого поведения.

Принцип типичности можно назвать также принципом правовой определенности, который наряду с принципом надлежащей правовой процедуры в обязательном порядке должен пронизывать различные сферы применения санкций. Принцип типичности не позволяет органам публичной власти при осуществлении своих юрисдикционных полномочий опираться на произвольные субъективные оценки норм, стремясь превратить какое-либо действие или бездействие в административное правонарушение.

Рассматриваемый принцип направлен на то, чтобы правоприменитель не смог выйти за пределы условий закона и применить его к случаям, которые в законе не предусмотрены, поскольку это явно нарушит принцип законности, в том числе принцип законности применения санкций. Последний предписывает, что любое наказание должно основываться на предшествующем законе. Именно в этом и состоит типичность.

Публичная администрация обязана наложить на лицо, виновное в совершении административного правонарушения, административное наказание справедливым и соразмерным образом. «Главная идея принципа пропорциональности заключается в возможности внутренней дифференциации управленческого воздействия. Другими словами, административный акт рассматривается как синтетическое (а не синкретическое) правовое явление, которое может быть подвергнуто внешней проверке» [14, с. 12].

Принцип соразмерности (пропорциональности) приобретает весомое значение в области административного права, поскольку он представляет собой эффективный инструмент, защищающий права лица, в отношении которого ведется производство по делу об административном правонарушении, в условиях усмотрения органа административной юрисдикции при назначении административных наказаний.

Этот принцип утверждает необходимость сбалансированного применения полномочий органами административной юрисдикции, требуя от последних обеспечить, чтобы назначение административных наказаний было не произвольным, а спра-

ведливым и соразмерным по отношению к объективным и субъективным обстоятельствам административного правонарушения, за совершение которого они налагаются. При этом публичная администрация должна подчиняться объективным, а не субъективным (или произвольным) критериям.

Данные критерии следуют не автоматически из системы административных наказаний (это было бы утопией для законодателя), а из правильного применения оценочных критериев, чтобы иметь возможность корректно определить уровень санкций. Градация административных наказаний выступает частью принципа пропорциональности, но их выбор обязательно должен быть продуман и осуществлен с максимально полным учетом объективных и субъективных обстоятельств совершенного административного правонарушения.

Следование принципу пропорциональности предполагает фокусировку правоприменителя на значимости противоправного деяния, наличии и характере умысла, биографических сведениях о правонарушителе (участие в специальной военной операции, наличие или отсутствие судимости, совершение ранее административных правонарушений и др.), причиненном ущербе, обстоятельствах, смягчающих и отягчающих ответственность, и многом другом. Учитывая перечисленное, публичная администрация определит конкретные санкции, которые будут применены в рамках установленного диапазона.

Необходимо учитывать, что в процессе назначения административных наказаний не может применяться какой-либо один принцип, поскольку лишь сочетание всех принципов составляет надлежащую правовую процедуру.

При осуществлении дискреционных полномочий во всех случаях необходимо взвесить и учесть все обстоятельства дела для достижения должной соразмерности между вменяемыми фактами и мерами административной ответственности.

Non bis in idem — латинское выражение из римского права, означающее «не дважды за одно и то же». Подразумевается, что лицо не может быть наказано дважды за одно и то же правонарушение. Это осно-

вополагающий принцип в вопросах назначения административных наказаний, который признает право лица, в отношении которого ведется производство по делу об административном правонарушении, не быть наказанным дважды за одно и то же правонарушение (на основании одних и тех же фактов). «Принцип однократности административной ответственности — это совокупность нормативных требований материального и процессуального характера, предъявляемых к субъектам административной юрисдикции, направленных на достижение задач производства, выражающее запрет на повторное назначение административного наказания за совершение тождественного противоправного деяния, а также недопустимость повторного производства об административном правонарушении в отношении одних и тех же обстоятельств, если решениями субъектов административной юрисдикции уже осуществлена их правовая оценка» [15, с. 17].

Однако в целях правильного применения рассматриваемого принципа необходимо сочетание идентичности субъекта, факта и основания. Под субъектом следует понимать физическое или юридическое лицо, в отношении которого было возбуждено предыдущее производство по делу об административном правонарушении и предполагается возбудить новое производство. Факты и основание, на которых базируется возможность дублирования административных наказаний, должны соответствовать конкретному, индивидуально определенному административному правонарушению.

Подводя итог вышеизложенному, важно указать, что административно-публичный орган, назначая административное наказание или дисциплинарное взыскание предполагаемому правонарушителю, должен учитывать, что правонарушающее поведение, которое заслуживает наказания, должно быть предварительно ясно и четко определено в законе, чтобы те, на кого распространяются санкции, с уверенностью знали, в чем именно заключается противоправное поведение.

Заключение

Несмотря на научную привлекательность правовой категории «принципы», следует констатировать проблему отсут-

ствия их единообразного понимания и толкования в теории и практике административного права. Проблема эффективной реализации принципов в названной отрасли российского права до настоящего времени комплексно и обстоятельно не исследована, хотя они (принципы) оказывают существенное влияние на правоприменительную и судебную деятельность в сфере публичного управления.

Проблема определения принципов административного права является одной из основных, однако не единственной стоящей на пути формирования российского административного законодательства. Несмотря на прямое закрепление отдельных принципов в законе, вопрос об их составе и системе до сих пор остается открытым. Каждый принцип нуждается в дополнительном обстоятельном изучении.

Результаты проведенного исследования подтвердили актуальность проблемы разработки системы принципов административного права и позволили сформулировать ряд выводов и положений, имеющих важное теоретико-прикладное значение для совершенствования деятельности публичной администрации и судебных органов.

Очевидно, что исследование этой темы может осуществляться и в дальнейшем, поскольку не все аспекты проблемы затронуты в настоящей работе. При этом авторы не претендуют на бесспорность своих суждений и полагают, что критический анализ проведенного исследования позволит сделать еще один шаг в правильном направлении на пути осмысления природы и роли, которую играют принципы административного права.

Список источников

1. Алексеев С.С. Общая теория права: в 2 т. Т. 1. Москва, 1981. 360 с.
2. Черников В.В. Актуальные вопросы качества полицейского законодательства России // Административное право и процесс. 2021. N 7. С. 16-27.
3. Хабриева Т.Я. Конституция Российской Федерации: самобытность, стабильность и развитие (к 30-летию Основного Закона России) // Журнал российского права. 2023. Т. 27. N 12. С. 5-21.
4. Платон. Диалоги. Москва, 2000. 607 с.
5. Брэбан Г. Французское административное право / пер. с фр. под ред. и со вступ. ст. С.В. Боботова. Москва, 1988. 488 с.
6. Кононов П.И. Актуальные проблемы административного права: учебник. Москва, 2023. 312 с.
7. Кучеренко А.В. Добросовестность в публичном праве // Хозяйство и право. 2022. N 6. С. 12-26.
8. Соловей Ю.П. Новый Федеральный закон «О полиции» (проект) // Законодательство и практика. 2002. N 1. С. 68-99.
9. Борисов С.В., Вилинский Г.О. Критерии доверия сотруднику органов внутренних дел и военной полиции в аспекте противодействия экстремистской деятельности и ее финансированию // Право в Вооруженных Силах. 2018. N 7. С. 109-113.
10. Футо С.Р. К 10-летию Федерального закона «О полиции»: некоторые аспекты истории создания и принятия // Административное право и процесс. 2021. N 5. С. 14-27.
11. Васильева Т.А. Натурализация мигрантов: современные тенденции // Закон. 2024. N 3. С. 16-26.
12. Тимофеев Н.С. Местное самоуправление в системе единой публичной власти // Вестник Московского университета. Сер. 11. Право. 2023. N 2. С. 24-49.
13. Котюргин С.И. Понятие, принципы и формы административно-процессуальной деятельности милиции: лекция. Омск, 1973. 73 с.
14. Давыдов К.В. Принцип пропорциональности в российском административном праве: проблемы и перспективы развития // Административное право и процесс. 2021. N 12. С. 12-15.
15. Нобель А.Р. Реализация принципа non bis in idem при привлечении к публично-правовой ответственности // Актуальные проблемы российского права. 2022. Т. 17. N 3. С. 11-18.

References

1. Alekseev S.S. General Theory of Law. In 2 volumes. Vol. 1. Moscow, 1981. 360 p. (In Russ.).
2. Chernikov V.V. Actual issues of the quality of police legislation of Russia. Administrative Law and Process, 2021, no. 7, pp. 16-27. (In Russ.).
3. Khabrieva T.Ya. Constitution of the Russian Federation: identity, stability and development (to the 30th anniversary of the Basic Law of Russia). Journal of Russian Law, 2023, vol. 27, no. 12, pp. 5-21. (In Russ.).
4. Platon. Dialogues. Moscow, 2000. 607 p. (In Russ.).

5. Brabant G. French administrative law. Moscow, 1988. 488 p. (In Russ.).
6. Kononov P.I. Actual problems of administrative law. Moscow, 2023. 312 p. (In Russ.).
7. Kucherenko A.V. Good faith in public law. *Economy and Law*, 2022, no. 6, pp. 12-26. (In Russ.).
8. Solovey Yu.P. New Federal Law "On Police" (draft). *Legislation and Practice*, 2002, no. 1, pp. 68-99. (In Russ.).
9. Borisov S.V., Vilinsky G.O. Criteria of trust to an employee of internal affairs bodies and military police in the aspect of countering extremist activity and its financing. *Law in the Armed Forces*, 2018, no. 7, pp. 109-113. (In Russ.).
10. Futo S.R. To the 10th anniversary of the Federal Law "On Police": some aspects of the history of creation and adoption. *Administrative Law and Process*, 2021, no. 5, pp. 14-27. (In Russ.).
11. Vasil'eva T.A. Naturalization of migrants: modern trends. *Law*, 2024, no. 3, pp. 16-26. (In Russ.).
12. Timofeev N.S. Local self-government in the system of unified public power. *Bulletin of Moscow University. Series 11. Law*, 2023, no. 2, pp. 24-49. (In Russ.).
13. Kotyurgin S.I. Notion, principles and forms of administrative and procedural activity of the police. Omsk, 1973. 73 p. (In Russ.).
14. Davydov K.V. Principle of proportionality in Russian administrative law: problems and prospects of development. *Administrative Law and Process*, 2021, no. 12, pp. 12-15. (In Russ.).
15. Nobel' A.R. Realization of the principle of non bis in idem in bringing to public-law responsibility. *Actual problems of Russian law*, 2022, vol. 17, no. 3, pp. 11-18. (In Russ.).

Вклад авторов:

Бекетов О.И. — идея, постановка научных задач, написание статьи, формулирование предложений по решению выявленных проблем системы принципов административного права;

Сургутсков В.И. — анализ юридической литературы по теме, на основе которой сделаны выводы о современных принципах административного права России и особенностях их реализации, написание статьи.

Contribution of the authors:

Beketov O.I. — idea, formulation of scientific tasks, writing the article, formulation of the proposals for addressing the identified problems of the system of administrative law principles;

Surgutskov V.I. — analysis of legal literature on the topic, upon which the conclusions about modern principles of administrative law of Russia and the peculiarities of their implementation are made, writing the article.

Научная специальность: 5.1.2

Цифровизация контрольно-надзорной деятельности Госавтоинспекции МВД России: проблемы и перспективы

Владимир Иванович Майоров,

доктор юридических наук, профессор, Тюменский институт повышения квалификации сотрудников Министерства внутренних дел Российской Федерации, Тюмень, Россия, 1955715@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6490-3546>

Светлана Владимировна Полякова,

Южно-Уральский государственный университет (национальный исследовательский университет), Челябинск, Россия, vip.polyakovasv@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0003-5194-5565>

Аннотация. Статья посвящена исследованию цифровизации федерального государственного контроля (надзора) в области безопасности дорожного движения. На основе анализа статистических данных показано, что на современном этапе цифровизации использование дистанционных форм взаимодействия органов контроля (надзора) и контролируемых лиц приводит к ухудшению показателей состояния безопасности дорожного движения. Авторы анализируют причины негативных тенденций. Рассмотрены основные направления и перспективы цифровизации контрольно-надзорной деятельности Госавтоинспекции МВД России с точки зрения повышения ее эффективности. Определен ряд сложностей внедрения цифровых технологий в процесс обеспечения безопасности дорожного движения в целом и в деятельность осуществляющих его субъектов в частности. Аргументируется необходимость принятия новой Стратегии безопасности дорожного движения, в которую следует включить раздел, посвященный цифровизации деятельности по обеспечению безопасности дорожного движения. Для научно обоснованного наполнения указанного раздела требуется всестороннее изучение цифровой трансформации в области обеспечения безопасности дорожного движения, формулирование ее цели, задач, принципов и направлений развития.

Ключевые слова: цифровизация, безопасность дорожного движения, контроль (надзор), Госавтоинспекция, цифровые технологии, электронные сервисы, информационная система

Для цитирования: Майоров В.И., Полякова С.В. Цифровизация контрольно-надзорной деятельности Госавтоинспекции МВД России: проблемы и перспективы // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2024. N 4 (70). С. 38-47.

Digitalization of the control and supervisory activities of the State Traffic Inspectorate of the Russian Interior Ministry: problems and prospects

Vladimir I. Mayorov,

Doctor of Legal Sciences, Professor, Tyumen Advanced Training Institute of the Ministry of the Interior of the Russian Federation, Tyumen, Russia, 1955715@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6490-3546>

Svetlana V. Polyakova,

South Ural State University (National Research University), Chelyabinsk, Russia, vip.polyakovasv@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0003-5194-5565>

Abstract. The article is devoted to the study of digitalization of the federal state control (supervision) in the field of road safety. Based on the analysis of statistical data, it is shown that at the current stage of digitalization the use of distance forms of interaction between the control (supervision) bodies and controlled persons leads to deterioration in the road safety situation. The reasons for negative tendencies are analyzed by the authors. The main directions and prospects of digitalization of the control and supervisory activities of the State Traffic Inspectorate of the Russian Interior Ministry are considered in terms of increasing its efficiency. Some difficulties in introduction of digital technologies

in the process of ensuring the road safety and in the activities of the bodies responsible for supervising are identified. The authors substantiate the need for a new Road Safety Strategy, which should include a section devoted to digitalization of the road safety activities. It is stated that scientifically sound filling of this section requires a comprehensive study of the digital transformation in the field of road safety and formulation of its goals, objectives, principles and development directions.

Keywords: digitalization, road safety, control (supervision), State Traffic Inspectorate, digital technologies, electronic services, information system

For citation: Mayorov V.I., Polyakova S.V. Digitalization of the control and supervisory activities of the State Traffic Inspectorate of the Russian Interior Ministry: problems and prospects // Legal Science and Law Enforcement Practice. 2024. No. 4 (70). P. 38-47.

Ключевой характеристикой современного мира является ускоренное развитие информационных технологий и их внедрение во все сферы жизнедеятельности общества и человека, получившее наименование цифровизации. С момента зарождения (70-е годы XX в.) цифровизация прошла несколько стадий развития, а с 2013 года начался качественно новая стадия, характеризующаяся распространением цифровых моделей на принципы экономики, производства, бизнеса, управления, инфраструктуры и др.

В работе Л.Н. Даниловой, Т.В. Ледовской, Н.Э. Солянина и А.М. Ходырева отмечается, что в отечественной науке не сложилось единого понятия, но есть авторские трактовки в соответствии с областями знаний и часто «информатизация» и «цифровизация» используются как синонимы. Однако со всей очевидностью можно выделить два основных подхода к пониманию цифровизации: оцифровка данных и стратегия интеграции цифровых технологий в повседневную жизнь общества [1, с. 7].

В последние два десятилетия в Российской Федерации был принят ряд нормативных правовых актов, направленных на внедрение информационных технологий*, защиту информации, ведение документооборота и др. В настоящее время в контексте долгосрочного планирования на период 2017-2030 годы государственная политика Российской Федерации направ-

* См., например: Об информации, информационных технологиях и о защите информации: федер. закон от 27 июля 2006 г. N 149-ФЗ; ред. от 8 авг. 2024 г. // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2006. N 31 (ч. I). Ст. 3448; Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru>

лена на полномасштабное формирование и развитие информационного общества**. Стратегия развития информационного общества определяет цели и задачи внешней и внутренней политики Российского государства, которые направлены на обеспечение национальных интересов, формирование цифровой экономики, повышение качества жизни граждан.

Функционирование информационного общества базируется на положениях Конституции Российской Федерации, ст. 29 которой гарантирует, что «каждый имеет право свободно искать, получать, передавать, производить и распространять информацию любым законным способом». Информация может максимально быстро и без искажений передаваться «по вертикали», включая обратную связь «снизу вверх»: государственная власть (на основе разделения на законодательную, исполнительную, судебную) – организация (юридическое лицо) – гражданин. Кроме того, доступна передача информации «по горизонтали», включая межведомственные связи и обращения граждан.

Как отмечает Э.В. Талапина, развитие цифровой реальности формирует новые способы функционирования государственной власти (опубликование нормативных правовых актов, предоставление государственных услуг в электронном виде и др.), а также новые механизмы участия граждан в государственном управлении в системе координат «открытого правительства». С одной стороны, это свидетельствует о дальнейших процессах демократизации

** О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017-2030 годы: указ Президента Российской Федерации от 9 мая 2017 г. N 203 // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2017. N 20. Ст. 2901.

государственного управления, сокращении дистанции между государством и гражданином. С другой стороны, «цифровизация» общественных отношений изменяет управленческие приемы воздействия на них [2, с. 94-95].

Одной из важнейших функций государственного управления является осуществление государственного контроля и надзора. По мнению С.А. Агамагомедовой, указанная область управленческой деятельности также подвергается активной цифровизации, в максимальной степени это касается автоматизации процедурных форм, в то время как содержательная сущность контрольно-надзорного воздействия сохраняется. Ключевым ресурсом контрольно-надзорной деятельности является информация, следовательно, процедурные элементы включают сбор, предоставление, анализ соответствия принятой модели (стандарту, нормативу) и передачу обратной информации (решения) [3, с. 3-4].

На основе научного обзора законодательства, устанавливающего главные направления и принципы внедрения новых информационных технологий в деятельность органов исполнительной власти, осуществляющих функции контроля и надзора, представленного А.В. Мартыновым [4, с. 10-11], можно констатировать, что информация: 1) выступает основанием инициирования контрольно-надзорных мероприятий; 2) служит поводом вынесения решений по их результатам; 3) обуславливает изменение управленческой стратегии (репертуар действий) контролирующего органа. В рамках отдельных элементов или этапов контрольно-надзорного воздействия, а именно действия или решения контролирующего субъекта, происходит замена на действие или решение, осуществленное или принятое автоматически, то есть без участия должностного лица административного органа.

В конечном итоге цифровизация государственного контроля и надзора направлена на автоматизацию надзорной деятельности, когда необходимость контроля обусловлена категорией риска (риск-ориентированный подход). С формально-процедурной точки зрения с цифровизацией связаны экономия времени,

средств, затрат человеческого труда, максимальное снижение коррупционных возможностей «давления» на бизнес и предпринимательство и др.

Все вышеуказанное в полной мере относится к осуществлению федерального государственного контроля (надзора) в области безопасности дорожного движения, что является одним из важных направлений обеспечения безопасности дорожного движения, так как эта сфера сопряжена с многочисленными рисками (дорожные, инфраструктурные, транспортные, социальные), которые необходимо «предупреждать».

Сфера безопасности дорожного движения в течение последних двух десятилетий оставалась в «зоне повышенного внимания» государственной политики и управления. Реализация двух федеральных целевых программ «Повышение безопасности дорожного движения» (на 2006-2012 годы и 2013-2020 годы) позволила значительно снизить количество дорожно-транспортных происшествий и человеческих жертв. В настоящее время подводятся итоги реализации Стратегии безопасности дорожного движения в Российской Федерации на 2018-2024 годы*, доктринальные векторы которой разработаны на основе риск-ориентированного подхода. На основе принципов риск-ориентированного подхода с 2015 года в Российской Федерации осуществляется реформа государственного контроля и надзора, в том числе в сфере безопасности дорожного движения [5, с. 155].

Важнейшее значение в современной государственной политике Российской Федерации имеет реализация долгосрочных (2019-2030 годы) проектов, направленных на коренное преобразование автомобильных дорог федерального, регионального и местного сообщения, — это национальный проект «Безопасные качественные дороги», включающий шесть федеральных проектов, в том числе федеральный проект «Безопасность дорожного движения».

* Об утверждении Стратегии безопасности дорожного движения в Российской Федерации на 2018-2024 годы: распоряжение Правительства Российской Федерации от 8 янв. 2018 г. N 1-р // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru>

Это в полной мере согласуется с национальным развитием Российской Федерации до 2030 года по созданию безопасной и комфортной среды во всех сферах жизнедеятельности граждан*.

Действительно, информационно-аналитические обзоры дорожно-транспортной аварийности, ежегодно публикуемые Научным центром безопасности дорожного движения МВД России, показывают последовательную динамику снижения всех основных показателей аварийности за последние пять лет, в том числе смертности в результате дорожно-транспортных происшествий (далее – ДТП). В частности, в 2022 году на дорогах страны погибло 14 тыс. человек, что на 65 % меньше, чем в 2005 году, до начала реализации федеральной целевой программы. Однако вышеуказанная тенденция планомерного снижения смертности в ДТП в 2023 году впервые изменилась: количество ДТП с ранеными и погибшими по сравнению с 2022 годом увеличилось на 4,5 % (132 466)**, количество погибших в результате ДТП – на 2,3 % (14 504), раненых – на 4,3 % (166 500). Рост основных показателей аварийности и смертности в дорожном движении свидетельствует о недостаточной эффективности применяемых в этой сфере мер.

Федеральный государственный контроль (надзор) в области безопасности дорожного движения (далее – федеральный надзор) осуществляется Госавтоинспекцией МВД России (далее – Госавтоинспекция) в отношении зарегистрированных в установленном порядке юридических лиц и индивидуальных предпринимателей:

- 1) осуществляющих эксплуатацию автомобильных дорог;
- 2) осуществляющих эксплуатацию транспортных средств;
- 3) предоставляющих услуги по техническому обслуживанию транспортных средств;

* О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года: указ Президента Российской Федерации от 21 июля 2020 г. N 474 // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2020. N 30. Ст. 4884.

** Дорожно-транспортная аварийность в Российской Федерации в 2023 году: информационно-аналитический обзор. М.: НЦ БДД МВД России, 2024. С. 4.

4) участвующих в государственной регистрации транспортных средств;

5) являющихся изготовителями государственных регистрационных знаков транспортных средств;

6) являющихся операторами технического осмотра транспортных средств.

Для хозяйствующих субъектов каждого вида установлены обязательные требования, соблюдение которых является предметом федерального надзора.

За последние годы использование цифровых технологий в контрольно-надзорной деятельности Госавтоинспекции увеличилось, что привело к изменениям в процессе проверки обязательных требований. Основными направлениями внедрения данных технологий являются следующие:

1. *Использование электронного (цифрового) документооборота.* Многие виды документов уже длительное время формируются в электронном виде, и эта практика постоянно развивается.

Электронный документооборот является частью Единой системы информационно-аналитического обеспечения деятельности (далее – ИСОД) МВД России, которая объединяет несколько видов сервисов: прикладные, направленные на обеспечение повседневной деятельности сотрудников ведомства (включая электронную почту, документооборот, ведомственный информационно-справочный портал, систему видео-конференц-связи); сервисы оперативно-служебной деятельности, межведомственного взаимодействия и оказания государственных услуг.

В настоящее время электронные документы могут использоваться не только государственными органами, но и хозяйствующими субъектами. Например, получают распространение электронные перевозочные документы, введенные на основании ст. 18.1 Федерального закона от 8 ноября 2007 г. N 259-ФЗ «Устав автомобильного транспорта и городского наземного электрического транспорта»***. Создание и развитие государственной информационной системы электронных перевозочных документов является одним из направлений цифровой трансформа-

*** Собр. законодательства Рос. Федерации. 2007. N 46. Ст. 5555.

ции транспортной отрасли в государственной программе Российской Федерации «Развитие транспортной системы».

2. Развитие цифровых сервисов и платформ. В качестве общих сервисов, используемых в деятельности контрольно-надзорных органов, необходимо назвать: 1) Единый реестр видов контроля; 2) «Инспектор» — мобильное приложение, предназначенное для проведения оценки соответствия и контрольных (надзорных) мероприятий в дистанционном режиме; 3) реестр обязательных требований; 4) реестры лицензий и разрешений; 5) «кабинет» контролируемого лица.

Работу Госавтоинспекции обеспечивает федеральная информационная система Госавтоинспекции (далее — ФИС ГИБДД-М), состоящая из следующих подсистем: «Транспортные средства», «Водительские удостоверения», «Административные правонарушения», «Специальная продукция», «Получение и предоставление сведений», «Оперативная выборка данных», «Надзор ГИБДД», «Витрина данных ГИБДД».

Подсистема «Надзор ГИБДД» предназначена для автоматизации процесса осуществления федерального надзора и была введена с 10 июня 2022 г.*

Подсистема «Надзор ГИБДД» содержит информацию:

1) об объектах контроля и связанных с ними контролируемых лицах;

2) о соблюдении (несоблюдении) контролируемыми лицами обязательных требований;

3) взаимодействию при организации и осуществлении государственного контроля (надзора) с контролируемыми лицами, органами прокуратуры, иными гражданами и организациями, государственными органами, органами местного самоуправления;

4) планировании и (или) проведении профилактических мероприятий и контрольных (надзорных) мероприятий;

* См.: О внесении изменений в приказ МВД России от 5 февраля 2016 г. N 60 «О порядке эксплуатации специального программного обеспечения федеральной информационной системы Госавтоинспекции»: приказ МВД России от 22 дек. 2021 г. N 1085 // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru>

5) действиях и решениях, принимаемых при организации и осуществлении государственного контроля (надзора);

6) результатах проведения профилактических мероприятий, контрольных (надзорных) мероприятий;

7) пресечении выявленных нарушений обязательных требований, об устранении их последствий и (или) о восстановлении правового положения, существовавшего до таких нарушений**.

В транспортной области также действует ряд специализированных сервисов и систем. Например, ЕАИСТО — единая автоматизированная информационная система технического осмотра, содержащая сведения об электронных диагностических картах — документах, подтверждающих допуск транспортных средств к участию в дорожном движении (на основе оценки их соответствия обязательным требованиям безопасности транспортных средств).

3. Межведомственное взаимодействие на основе цифровых технологий. Правовой основой организации электронного межведомственного взаимодействия служит Постановление Правительства Российской Федерации от 17 февраля 2022 г. N 198 «Об утверждении Положения об информационной системе обеспечения внутриведомственного и межведомственного документооборота и контроля исполнения поручений, в том числе с использованием облачных сервисов»***.

В ФИС ГИБДД-М подсистема «Витрина данных ГИБДД» используется для предоставления данных по компетенции Госавтоинспекции, используемых при осуществлении межведомственного обмена в целях оказания государственных и муниципальных услуг и исполнения государственных и муниципальных функций и передаваемых в подсистему информационно-аналитического обеспечения федеральной государственной информационной системы «Единая информационная

** О порядке эксплуатации специального программного обеспечения федеральной информационной системы Госавтоинспекции: приказ МВД России от 5 февр. 2016 г. N 60. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

*** Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru>

платформа национальной системы управления данными».

4. Развитие досудебного обжалования в электронном виде. Система досудебного обжалования за последние годы была существенно модернизирована: 1) в 2022 году появилась возможность подачи жалоб на нарушение моратория на проверки, внедрена функция подачи заявлений о продлении срока устранения нарушений, выявленных контрольным органом; 2) в 2023 году стало возможным обжалование категорий риска, а сам механизм досудебного обжалования начал применяться и в сфере разрешительной деятельности.

5. Профилактика рисков причинения вреда (ущерба) охраняемым законом ценностям. При осуществлении федерального надзора могут проводиться следующие виды профилактических мероприятий: 1) информирование; 2) обобщение правоприменительной практики; 3) объявление предостережения; 4) консультирование; 5) профилактический визит.

Цифровые технологии позволяют сотрудникам Госавтоинспекции проводить профилактические мероприятия в удаленном формате: использовать сеть «Интернет» для распространения нужных сведений в рамках информирования, осуществлять дистанционные профилактические визиты и др.

На основании вышеизложенного следует сформулировать позитивные и проблемные аспекты:

– во-первых, цифровизация контрольно-надзорной деятельности направлена на уменьшение взаимодействия с хозяйствующими субъектами и перевод его в дистанционный формат; в рамках приоритета профилактики количество контрольных (надзорных) мероприятий уменьшается, а профилактических (в цифровой форме) – увеличивается;

– во-вторых, действительно достигаются цели реформы контрольно-надзорной деятельности в виде снижения административной нагрузки на бизнес, сокращения затрат ресурсов органов контроля и надзора, перехода от «наказательной» модели к модели «предупреждения» нарушений, что соответствует современной концепции всей правоохранительной деятельности;

– в-третьих, несмотря на важность профилактики, в тех сферах, в которых несоблюдение обязательных требований имеет высокий риск причинения вреда здоровью и жизни граждан (учитывая ежедневную массовость участия граждан в дорожном движении), переход к преимущественно дистанционным формам взаимодействия сложно назвать оправданным;

– в-четвертых, в сфере обеспечения безопасности дорожного движения ослабление надзора способно значительно замедлить достижение поставленных на государственном уровне задач сокращения смертности и травматизма, повышения условий комфортной и безопасной среды для жизни граждан как национальной цели.

В качестве примера следует рассмотреть статистические данные, характеризующие направления федерального надзора, оказывающие наибольшее влияние на состояние безопасности дорожного движения. В 2023 году признаки нарушения обязательных требований к эксплуатационному состоянию и обустройству автомобильных дорог были установлены на местах 39 628 ДТП, в которых погибло 4011 человек*.

Оценка соблюдения указанных обязательных требований осуществляется в ходе дорожного надзора. К объектам дорожного надзора относятся автомобильные дороги, дороги и улицы, железнодорожные переезды, линии электрического транспорта, дорожные сооружения, элементы обустройства. Ежегодно происходит увеличение количества таких объектов: в 2023 году протяженность автомобильных дорог увеличилась на 0,3 %, количество дорожных знаков на них – на 1,6 %, светофорных объектов – на 3 %, пешеходных переходов – на 2,9 %**.

В 2023 году в рамках дорожного надзора было проведено 96,5 тыс. контрольных (надзорных) мероприятий, в том числе 62,5 тыс. выездных обследований,

* Дорожно-транспортная аварийность в Российской Федерации в 2023 году. С. 21.

** Правоприменительная деятельность в области безопасности дорожного движения в 2023 году: информационно-аналитический обзор / К.С. Баканов, П.В. Ляхов, М.М. Исаев [и др.]. М.: НЦ БДД МВД России, 2024. С. 58.

33,4 тыс. наблюдений за соблюдением обязательных требований, 267 выездных проверок и 221 документарная проверка, 119 инспекционных визитов. По результатам более четверти (27 449) контрольных (надзорных) мероприятий выявлены нарушения обязательных требований в области безопасности дорожного движения при содержании дорог.

При этом в отношении хозяйствующих субъектов и их должностных лиц в рассматриваемом году возбуждено лишь около 8 тыс. дел об административных правонарушениях, что меньше показателя предшествующего года в 3,5 раза. Существенное снижение показателей обусловлено тем, что после внесения в законодательство изменений дело об административном правонарушении*, выражающемся в несоблюдении обязательных требований, может быть возбуждено только после проведения контрольного (надзорного) мероприятия во взаимодействии с контролируемым лицом. Вследствие этого даже при выявлении на месте ДТП нарушений обязательных требований сотрудники Госавтоинспекции не вправе возбудить дело об административном правонарушении.

Указанное обстоятельство привело к тому, что в 2023 году разница между количеством ДТП, в которых установлены признаки нарушения обязательных требований к эксплуатационному состоянию и обустройству автомобильных дорог, и возбужденных дел по ст. 12.34 КоАП РФ (несоблюдение обязательных требований при осуществлении дорожной деятельности) составила 5,5 раз, что является максимальным значением за последние семь лет.

Эффективность дорожного надзора, которая уже становилась предметом исследований одного из авторов настоящей статьи, по-прежнему остается невысокой — нарушения обязательных требований обнаруживаются уже по факту совершенных

ДТП, а выявленные нарушения своевременно не устраняются, несмотря на внесение и выдачу соответствующих предписаний (представлений) [6, с. 25].

Для надзора в области эксплуатации транспортных средств, включая грузовые и пассажирские перевозки (далее — надзор за эксплуатацией транспортных средств), статистические данные демонстрируют рост основных показателей аварийности с участием грузовых транспортных средств, который наблюдается впервые за последние шесть лет. Количество ДТП в 2023 году увеличилось на 6,2 % (18 657), количество погибших — на 9,9 % (4457), раненых — на 5,1 % (23 457)**. Кроме того, на 8,1 % (7750) возросло количество ДТП с участием автобусов. В результате таких ДТП погибло 590 человек.

Несмотря на значительное количество поднадзорных объектов, в рамках надзора за эксплуатацией транспортных средств контрольные (надзорные) мероприятия в 2023 году практически не проводились. Всего было осуществлено 1990 контрольных (надзорных) мероприятий, основную часть (93 %) которых составило наблюдение за соблюдением обязательных требований***.

Основным инструментом для проверки обязательных требований стал специальный режим контроля (надзора) — рейд, заключающийся в постоянном нахождении инспекторов в пунктах контроля и (или) перемещении инспекторов по определенной территории в целях предупреждения, выявления и пресечения нарушений обязательных требований.

В ходе мероприятий постоянного рейда в 2023 году выявлено свыше 220 тыс. нарушений обязательных требований, что втрое больше по сравнению с предшествующим годом. Наибольшее количество нарушений допущено хозяйствующими субъектами, осуществляющими перевозку грузов и регулярные пассажирские перевозки.

Приведенные данные свидетельствуют о том, что недостаточное внимание к

* О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях и статью 1 Федерального закона «О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях»: федер. закон от 14 июля 2022 г. N 90-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2022. N 29 (ч. III). Ст. 5257.

** Дорожно-транспортная аварийность в Российской Федерации в 2023 году. С. 58-60.

*** Правоприменительная деятельность в области безопасности дорожного движения в 2023 году. С. 66.

сфере перевозок со стороны контрольно-надзорных органов провоцирует рост нарушений и, как следствие, аварийности и смертности в ДТП.

Также необходимо выделить направление надзора за деятельностью операторов технического осмотра транспортных средств. В 2023 году технические неисправности, при наличии которых запрещена эксплуатация транспортных средств, установлены в 5149 ДТП, в результате которых погиб 851 человек*.

В указанном году должностными лицами МВД России в отношении операторов технического осмотра транспортных средств проведено 7562 контрольных (надзорных) мероприятия, в том числе 7436 (98,3 %) — наблюдение за соблюдением обязательных требований. Было выявлено 2929 нарушений обязательных требований в области безопасности дорожного движения, наиболее распространенным среди них стала передача в ЕАИСТО сведений о проведении технического осмотра транспортного средства, в отношении которого технический осмотр не проводился (39 %, или 1149)**.

Можно констатировать, что федеральный надзор имеет значительный масштаб, от его эффективности зависит соответствие дорожно-транспортной инфраструктуры и участвующих в дорожном движении транспортных средств требованиям безопасности дорожного движения.

Объекты федерального надзора в рамках п. 3 ч. 1 ст. 16 Федерального закона от 31 июля 2020 г. N 248-ФЗ «О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации»*** (к ним относятся автомобильные дороги, дороги и улицы, железнодорожные переезды, линии электрического транспорта, дорожные сооружения,

элементы обустройства; транспортные средства; государственные регистрационные знаки) обладают рядом специфических черт:

- повсеместность наличия;
- протяженность участков улиц и дорог;
- разнообразие объектов, к которым предъявляются собственные обязательные требования;
- включенность в процесс дорожного движения, участие в котором характеризуется наличием постоянного риска, исходящего от источников повышенной опасности — транспортных средств;
- наличие на государственном уровне целей повышения безопасности дорожного движения, требующих снижения риска участия в дорожном движении, которое достигается, в частности, за счет соблюдения обязательных требований;
- ключевые показатели федерального надзора в виде социального и транспортного риска (количество погибших в ДТП на 100 тыс. населения и 10 тыс. транспортных средств соответственно);
- межведомственный характер деятельности в области дорожного движения и др.

На основе вышеизложенного представляется целесообразным сформулировать несколько перспективных предложений по повышению эффективности контроля (надзора) в области безопасности дорожного движения в контексте цифровой трансформации деятельности:

- во-первых, исходя из особенностей федерального государственного контроля (надзора) в области безопасности дорожного движения, важной задачей его цифровизации является не только предупреждение нарушений обязательных требований, но в первую очередь их своевременное выявление и устранение. Для этого необходимо расширять возможности средств фотовидеофиксации нарушений, например, с использованием полученных фото- и видеоматериалов для выявления нарушений в области дорожной деятельности. Перспективной формой надзора является воздушный надзор, осуществляемый с помощью беспилотных воздушных судов, которые позволяют фиксировать дорожную обстановку на протяженных участ-

* Правоприменительная деятельность в области безопасности дорожного движения в 2023 году. С. 79.

** Там же. С. 66.

*** О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации: федер. закон от 31 июля 2020 г. N 248-ФЗ // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru>

ках улично-дорожной сети, могут стать дополнительным средством наблюдения при осуществлении постоянного рейда;

– во-вторых, следует использовать возможности искусственного интеллекта для выявления нарушений: например, анализа и сопоставления данных о проводимых технических осмотрах в системе ЕАИСТО с пропускной способностью пунктов технического осмотра. Выявление несоответствия и выдачи большего количества диагностических карт, чем позволяют параметры пункта технического осмотра, может стать поводом для применения профилактических или проверочных мероприятий;

– в-третьих, необходимо развитие такого инструмента, как индикаторы риска нарушений обязательных требований при осуществлении федерального государственного контроля (надзора) в области безопасности дорожного движения. Перечень данных индикаторов утвержден приказом МВД России от 13 декабря 2021 г. N 1025*, который в 2023 году был дополнен новыми индикаторами риска. Цифровые технологии должны максимально автоматизировать выявление наличия таких

индикаторов в деятельности хозяйствующих субъектов и на находящихся в их собственности объектах контроля;

– в-четвертых, следует отметить, что единые правовые, научные, организационные основы для цифровизации деятельности по обеспечению безопасности дорожного движения в настоящее время не сформированы. Имеющиеся документы стратегического планирования затрагивают лишь отдельные аспекты использования цифровых технологий в дорожном движении. Общее понимание роли и места данных технологий в процессе обеспечения безопасности дорожного движения, принципы их использования и другие вопросы, имеющие как теоретическую, так и практическую значимость, в настоящее время почти не исследованы. Все это затрудняет внедрение цифровых технологий в процесс обеспечения безопасности дорожного движения в целом и в деятельность осуществляющих его субъектов в частности;

– в-пятых, представляется необходимым принятие в 2025 году новой Стратегии безопасности дорожного движения, в которой цифровизации деятельности по обеспечению безопасности дорожного движения был бы отведен отдельный раздел. Для его наполнения необходима научная разработка вопросов цифровой трансформации в области обеспечения безопасности дорожного движения, формулирование ее цели, задач, принципов и направлений развития.

* Об утверждении перечня индикаторов риска нарушения обязательных требований при осуществлении федерального государственного контроля (надзора) в области безопасности дорожного движения: приказ МВД России от 13 дек. 2021 г. N 1025: ред. от 25 мая 2023 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Список источников

1. Основные подходы к пониманию цифровизации и цифровых ценностей / Л.Н. Данилова, Т.В. Ледовская, Н.Э. Солынин, А.М. Ходырев // Вестник Костромского государственного университета. Сер.: Педагогика. Психология. Социокинетика. 2020. N 2. С. 5-12.
2. Талапина Э.В. Государственное управление в информационном обществе (правовой аспект): монография. Москва: Юриспруденция, 2015. 192 с.
3. Агагомедова С.А. Цифровизация государственного контроля и надзора: административно-процедурное содержание // Административно-правовые формы реализации исполнительной власти в условиях цифровизации государственного управления. Проблемы реформирования законодательства об административных правонарушениях: сборник научных статей. Москва: Московский гос. юрид. ун-т им. О.Е. Кутафина (МГЮА), 2020. С. 3-8.
4. Мартынов А.В. Обзор законодательства, устанавливающего основные направления и принципы внедрения новых информационных технологий в деятельность органов исполнительной власти, осуществляющих функции контроля и надзора в России // Актуальные вопросы контроля и надзора в социально значимых сферах деятельности общества и государства: материалы IV Всерос. науч.-практ. конф., посвященной 90-летию профессора И.А. Склярова / отв. ред. А.В. Мартынов. Нижний Новгород, 2018. С. 8-81.

5. Обеспечение безопасности участников дорожного движения в России на основе риск-ориентированного подхода / В.И. Майоров, П.В. Волошин, С.В. Полякова, О.Н. Дунаева // Вестник Института законодательства и правовой информации Республики Казахстан. 2021. N 1. С. 152-159.

6. Майоров В.И., Понежина Л.Ю. О роли дорожного надзора Госавтоинспекции в обеспечении безопасности дорожного движения // Юристъ-Правоведъ. 2021. N 4. С. 22-28.

References

1. Danilova L.N., Ledovskaya T.V., Solynin N.E., Khodyrev A.M. Basic approaches to understanding digitalization and digital values. Bulletin of Kostroma State University. Series: Pedagogy. Psychology. Sociokinetics, 2020, no. 2, pp. 5-12. (In Russ.).

2. Talapina E.V. Public administration in the information society (legal aspect). Moscow, Yurisprudentsiya Publ., 2015. 192 p. (In Russ.).

3. Agamagomedova S.A. Digitalization of state control and supervision: administrative and procedural content. Administrative and legal forms of implementation of executive power in the context of digitalization of public administration. Problems of reforming legislation on administrative offenses. Moscow, O.E. Kutafin Moscow State Law University (MGUA), 2020. Pp. 3-8. (In Russ.).

4. Martynov A.V. Review of legislation establishing the main directions and principles of introducing new information technologies into the activities of executive authorities performing control and supervision functions in Russia. Current issues of control and supervision in socially significant areas of society and state activity. Nizhny Novgorod, 2018. Pp. 8-81. (In Russ.).

5. Mayorov V.I., Voloshin P.V., Polyakova S.V., Dunaeva O.N. Ensuring the safety of road users in Russia based on a risk-based approach. Bulletin of the Institute of Legislation and Legal Information of the Republic of Kazakhstan, 2021, no. 1, pp. 152-159. (In Russ.).

6. Mayorov V.I., Ponezhina L.Yu. On the role of traffic supervision of the State Traffic Inspectorate in ensuring road safety. Jurist-Pravoved, 2021, no. 4, pp. 22-28. (In Russ.).

Вклад авторов:

Майоров В.И. — идея, постановка научных задач, написание статьи, формулирование предложений по решению выявленных проблем в области цифровизации контрольно-надзорной деятельности Госавтоинспекции МВД России;

Полякова С.В. — анализ юридической литературы по теме, изучение информационно-статистических источников, на основе которого сделаны выводы о состоянии цифровизации контрольно-надзорной деятельности Госавтоинспекции МВД России и проблемах ее функционирования, написание статьи.

Contribution of the authors:

Mayorov V.I. — idea of the study, formulation of scientific tasks, writing the article, formulation of proposals for solving the identified problems in the field of digitalization of control and supervisory activities of the State Traffic Inspectorate of the Russian Interior Ministry;

Polyakova S.V. — analysis of legal literature on the topic, study of various sources of statistical information upon which the conclusions about both the state of digitalization of control and supervisory activities of the State Traffic Safety Inspectorate of the Russian Interior Ministry and the problems of its functioning are made, writing the article.

Раздел 4. Уголовный закон

Научная специальность: 5.1.4

Отграничение вымогательства от смежных составов преступлений

Денис Евгеньевич Некрасов,

кандидат юридических наук, доцент, Рязанский филиал Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, Рязань, Россия, d_e_nekrasov@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0001-0127-4447>

Игорь Павлович Напханенко,

кандидат юридических наук, доцент, Ростовский государственный университет путей сообщения, Ростов-на-Дону, Россия, Nip1966@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6250-9625>

Сергей Михайлович Сергеев,

кандидат экономических наук, доцент, Восточно-Сибирский университет МВД России, Иркутск, Россия, ssmirk@mail.ru

Аннотация. В статье рассматриваются актуальные вопросы, связанные с отграничением вымогательства от смежных составов преступлений, таких как разбой, грабеж, самоуправство и принуждение к заключению сделки. Аргументированы и изложены основные отличия признаков указанных составов преступлений, позволяющие осуществлять отграничение. Даны соответствующие практические рекомендации, адресованные правоприменителю, по разграничению преступлений, а также установлению обстоятельств совокупности преступлений при расследовании уголовных дел. Авторами статьи затрагиваются проблемные вопросы, связанные с недостаточностью законодательного определения способов и средств, направленных вымогателем на побуждение потерпевшего выполнить его незаконное требование, сформулировано предложение по решению данных вопросов посредством внесения изменения в статью 163 Уголовного кодекса Российской Федерации

Ключевые слова: вымогательство, квалификация преступлений, разграничение преступлений, грабеж, разбой, самоуправство, принуждение к заключению сделки

Для цитирования: Некрасов Д.Е., Напханенко И.П., Сергеев С.М. Отграничение вымогательства от смежных составов преступлений // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2024. N 4 (70). С. 48-55.

Delimitation of extortion from other related crimes

Denis E. Nekrasov,

Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, Ryazan Branch of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation named after V.Ya. Kikot, Ryazan, Russia, d_e_nekrasov@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0001-0127-4447>

Igor P. Napkhanenko,

Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, Rostov State University of Railway Engineering, Rostov-on-Don, Russia, Nip1966@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6250-9625>

Sergey M. Sergeev,

Candidate of Economic Sciences, Associate Professor, East Siberian University of the Ministry of the Interior of the Russian Federation, Irkutsk, Russia, ssmirk@mail.ru

Abstract. The article considers the relevant issues associated with the delimitation of extortion from other related crimes, such as robbery, burglary, arbitrariness and coercion to enter into a transaction. The main differences in the elements of these crimes, which allow to distinguish them, are substantiated and outlined. Some appropriate practical recommendations for law enforcers on the

delimitation of crimes, as well as on the establishment of the circumstances of cumulative crimes in criminal investigations, are provided. The article covers the problematic issues related to insufficiency of the legislative determination of the methods and means used by the extortionist to induce the victim to comply with his unlawful demand. It is proposed to amend Article 163 of the Criminal Code of the Russian Federation in order to address these issues.

Keywords: extortion, qualification of crimes, delimitation of crimes, robbery, burglary, arbitrariness, coercion to enter into a transaction

For citation: Nekrasov D.E., Napkhanenko I.P., Sergeev S.M. Delimitation of extortion from other related crimes // Legal Science and Law Enforcement Practice. 2024. No. 4 (70). P. 48-55.

Неоднократное использование в Уголовном кодексе Российской Федерации (далее — УК РФ) одного и того же термина в различных нормах, как правило, всегда вызывает вопросы при их применении, обуславливает сложности квалификации, принятия решения в рамках правовой оценки конкретного деяния. Термин «вымогательство» в указанном нормативном правовом акте используется 28 раз. Из них 3 раза в Общей части УК РФ (в ч. 2 ст. 20), 25 раз в Особенной части УК РФ: 3 раза непосредственно в ст. 163 при определении признаков вымогательства как преступления против собственности, 15 раз при формулировании признаков других преступлений, ответственность за совершение которых закреплена в нормах разных глав, и 7 раз в примечаниях к статьям — при определении специальных условий освобождения от уголовной ответственности.

Таким образом, примерно половина случаев использования указанного термина в уголовном законе напрямую связана с вопросами определения признаков конкретного преступления при решении задач квалификации преступлений. При этом основные группы проблем отграничения вымогательства от иных преступлений очевидны. Прежде всего, они связаны с многообъектностью уголовно наказуемого деяния, предусмотренного ст. 163 УК РФ: оно посягает как на отношения собственности, так и на общественные отношения, обеспечивающие безопасность личности, ее жизнь и здоровье, иные интересы.

Следует отметить, что вынудить потерпевшего совершить какие-либо действия в пользу субъекта преступления — один из распространенных способов достижения противоправных целей разного рода. Это подтверждается современными

научными исследованиями. В некоторых из них обосновывается возможность терминологического использования применительно в подобным актам понятия «склоняющее воздействие» [1, с. 3-4]. Фактическая распространенность этого воздействия во многом обуславливает проблемный характер вопросов точного установления признаков объективной стороны вымогательства в контексте осуществления отграничения от составов со схожими признаками, характеризующими внешнюю сторону склоняющего воздействия. Правильное решение вопросов отграничения необходимо для недопущения случаев ошибочной правовой оценки общественно опасных деяний и их пере-квалификации.

Актуальность затрагиваемых вопросов возрастает в условиях продолжающегося увеличения количества зарегистрированных преступлений, предусмотренных ст. 163 УК РФ. В частности, в 2021 году их количественный прирост составил 8,2 %, в 2022 году — 25 %, в 2023 году — 9,1 % (всего в последнем отчетном периоде в количестве 8939 преступлений)*. Даже исходя из этих данных можно сделать вывод о необходимости интенсификации научного обеспечения практики противодействия вымогательствам. Следует отметить, что количество научных исследований соответствующих проблем в последние несколько лет существенно снизилось. В настоящей научной статье рассмотрены наиболее распространенные проблемы отграничения, внимание сосредоточено на авторском видении условий их разрешения.

* Состояние преступности в России за январь — декабрь 2023 года. М.: ГИАЦ МВД России, 2024.

Ситуации, в которых необходимо принимать решение о правовой оценке деяния в рамках отграничения вымогательских действий от разбоя и грабежа, совершаемых с применением насилия или угрозой его применения, чаще всего имеют место в практике квалификации корыстно-насильственных преступлений, объединенных единством объекта посягательства.

Основное отличие заключается в том, что при разбое и грабеже насилие направлено на немедленное завладение имуществом. При вымогательстве угроза насилием или непосредственно осуществляемое насилие и устанавливаемый в требовании момент, в который субъект желает получить вымогаемое, имеют временной промежуток, отстоят друг от друга. На это указала высшая судебная инстанция в одном из своих постановлений, обращая особое внимание, что умысел виновного направлен на получение требуемого в будущем*. Изъятие имущества при разбое или насильственном грабеже происходит одновременно с применяемым насилием или выражаемой угрозой. При вымогательстве передача имущества, права на имущество или совершение действий имущественного характера отдалено по времени от выдвигаемого соответствующего требования, уточняется в нем и вместе с тем при наличии всех необходимых уголовно-правовых признаков окончено в момент его предъявления. Момент передачи требуемого при вымогательстве может либо выражаться каким-то конкретным временным моментом (например, сопровождаться такими словами, как «через час», «завтра в 15 часов» и т.д.), либо не иметь «конкретики», но в любом случае может подразумеваться в будущем (например, обозначаться словами «когда вернусь», «при первой же встрече» и т.д.).

Таким образом, обозначаемый субъектом преступления в своем требовании момент изъятия чужого имущества является одним из главных критериев, отгра-

ничивающих вымогательские действия с применением насилия от совершения насильственного грабежа или разбоя. Дополнительным выводом является то, что при грабеже и разбое субъект ожидает, что имущество как предмет посягательства имеется при потерпевшем и при наличии имущества непосредственно осуществляет его изъятие.

Обоснованным представляется предложение внести изменения в ст. 163 УК РФ в части криминализации принуждения к бездействию имущественного характера, причиняющего ущерб потерпевшему [2, с. 9]. При этом внесение указанных изменений не будет вызывать вопросы о необходимости отграничения исследуемого рода.

Отличия также имеются в виде и характере применяемого насилия. В случае разбоя и грабежа насилие применяется только как средство, направленное на преодоление сопротивления потерпевшего для немедленного завладения имуществом, его изъятия и удержания. Насилие при вымогательстве служит для устрашения, подкрепления незаконных требований в условиях отсутствия признаков немедленного изъятия имущества потерпевшего. При этом следует выразить несогласие с точкой зрения, в соответствии с которой насилие при вымогательстве может применяться в качестве мести за отказ удовлетворить их [3, с. 141]. В указанном случае субъект преступления должен осознавать, что его требование не выполнено, он явно отказывается от получения требуемого и применяет насилие, посягая уже только на отношения, обеспечивающие телесную неприкосновенность личности в качестве возмездия, воздаяния (мести) за недостигнутую цель. Если насилие применяется в условиях продолжения реализации умысла на завладение требуемым предметом преступления, то верно утверждать о совершении насильственных действий, направленных на обеспечение исполнения ранее предъявленных требований, невыполненных потерпевшим, образующих продолжаемое преступление. Применительно к последнему случаю в характеристике вида мотива термин «месть» следует исключить. Мотив по-прежнему остается корыстным.

* О судебной практике по делам о вымогательстве (статья 163 Уголовного кодекса Российской Федерации): постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 17 дек. 2015 г. N 56 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2016. N 2.

В вымогательстве помимо отмеченных форм воздействия возможны угроза уничтожения или повреждения имущества, угроза распространения сведений, позорящих потерпевшего и его близких, а равно иных сведений, которые могут причинить существенный вред правам и законным интересам потерпевшего и его близких. При этом проблемные вопросы, связанные с недостаточностью законодательно-определенных этих способов, активно разрабатываются современной наукой [4, с. 143]. Например, денежные средства могут вымоститься под угрозой злоупотребления правом, удерживания другого имущества (без его повреждения), причинения потерпевшему различных неудобств социального плана, других нежелательных для него действий, не указанных в диспозиции ст. 163 УК РФ, при этом не снижая заложенной в норму характеристики общественной опасности вымогательства. Решение этой проблемы связано с необходимостью включения в указанную норму, наряду с существующими, универсального признака, охватывающего разнообразные средства, направленные на побуждение потерпевшего выполнить незаконное требование. Например, в такой формулировке, как «с использованием других противоправных форм воздействия».

При разбое физическое или психическое насилие является признаком основного состава (и должно быть связано с его опасным видом для жизни или здоровья), при грабеже физическое или психическое насилие является признаком только квалифицированного (при условии отсутствия опасности для жизни или здоровья), а при вымогательстве психическое насилие является признаком основного его состава, физическое насилие является квалифицирующим и особо квалифицирующим признаком и может быть как опасным, так и неопасным для указанных ценностей, являющихся дополнительным объектом посягательства.

Применительно к угрозе применения насилия при разбое и грабеже у потерпевшего имеются основания опасаться его безотлагательного применения в случае невыполнения требований незамедлительно передать имущество или не препятствовать его изъятию. В случае вымога-

тельства с основным составом характерно обещание в будущем исполнить конкретную угрозу, если не последует решение потерпевшего о передаче требуемого. При этом возможны ситуации осуществления угрозы незамедлительного применения насилия для получения согласия выполнить требования вымогателя, например, в случае получения отказа его выполнения. Но она не должна быть связана с немедленным изъятием имущества.

Характеризуя способы исследуемых преступлений, авторы с учетом появления новых форм криминального склонения отмечают, что грабеж и разбой совершаются только в непосредственном контакте с потерпевшим, вымогательство может быть совершено с использованием современных приемов дистанционного общения и воздействия [5, с. 193].

Таким образом, в случае возникновения вопросов об отграничении вымогательства от действий виновного при совершении грабежа или разбоя следует исходить из того, что насилие при вымогательстве является средством для побуждения потерпевшего к выполнению требования в будущем, а при грабеже или разбое насилие является средством завладения имуществом одновременно либо сразу после совершения насильственных действий. При этом в п. 10 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 17 декабря 2015 г. N 56 обращается внимание на то, что в случаях, когда вымогательство сопряжено с непосредственным изъятием имущества потерпевшего, при наличии реальной совокупности преступлений эти действия в зависимости от характера примененного насилия должны дополнительно квалифицироваться как грабеж или разбой*.

Отличия имеются и в предмете преступления. К предмету грабежа и разбоя законодатель относит чужое имущество; предметом вымогательских действий со стороны виновного субъекта может выступать помимо имущества, не принадлежа-

* О судебной практике по делам о вымогательстве (статья 163 Уголовного кодекса Российской Федерации): постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 17 дек. 2015 г. N 56 // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2016. N 2.

щего виновному, право на имущество, а также действия имущественного характера. При грабеже и разбое предметом хищения не может быть право на имущество (например, недвижимость) и действия имущественного характера (например, ремонт помещения, транспортного средства, выполнение оплачиваемых работ за вымогателя заведомо без получения вознаграждения и т.д.).

В ситуациях умышленного причинения смерти потерпевшему или его близким при осуществлении в отношении его вымогательских действий с применением насилия данные действия виновного субъекта необходимо квалифицировать по совокупности: по п. «з» ч. 2 ст. 105 и п. «в» ч. 3 ст. 163 УК РФ. В аргументации этой позиции следует согласиться с В.В. Хилюттой, поскольку жизнь потерпевшего при осуществлении в отношении его вымогательских действий в качестве дополнительного непосредственного объекта в указанной норме явно не предусмотрена [6, с. 43].

Аналогичные сложности возникают при отграничении вымогательских действий от насильственного самоуправства (ч. 2 ст. 330 УК РФ), то есть от самовольного, вопреки установленному законом или иным нормативным правовым актом порядку совершения каких-либо действий, правомерность которых оспаривается организацией или гражданином, если такими действиями причинен существенный вред, с применением насилия или угрозой применения насилия.

Основным признаком, позволяющим разграничивать указанные преступления, является объект посягательства. Непосредственный объект самоуправства – общественные отношения, обеспечивающие основанный на нормативных правовых актах порядок совершения каких-либо действий. Применительно к рассматриваемым случаям разграничения общественные отношения собственности в самоуправстве выступают дополнительным объектом.

Разграничение составов данных преступлений также следует производить по их объективной стороне. Как самоуправство по ч. 2 ст. 330 УК РФ должно квалифицироваться применение насилия или угроза его применения, сопровождаемые требованием передачи имущества либо

совершения какого-либо действия имущественного характера в счет исполнения имущественных обязательств (например, получение вознаграждения за выполненные работы, условия которых относительно основания или размера оспариваются потерпевшим, возвращение долга и т.д.). При совершении противоправных действий, связанных с самоуправством, оспаривание потерпевшим требований и соотносимых с ними действий виновного субъекта является обязательным признаком. Оспаривание заключается в двустороннем предположении о наличии действительного или предполагаемого права. Виновный должен полагать, что выдвигаемым требованием, подкрепленным насилием или угрозой его применения, обеспечиваются свои имущественные права. Суть самоуправства как преступления заключается в том, что виновный избирает насильственный способ защиты нарушенных гражданских прав и обеспечения исполнения обязательств, а не тот, который предусмотрен законом.

В отличие от самоуправства, при осуществлении вымогательства требование виновного субъекта непосредственно связано с ценностями и благами, на которые он заведомо не имеет права, они ему не принадлежат без каких-либо дополнительных условий, без наличия споров о его принадлежности виновному.

Если требование является безусловно правомерным, не вызывает возражений у лица, которому оно предъявляется, но сопровождается насильственными действиями, то такие действия не образуют исследуемые составы преступлений и квалифицируются исходя из основного объекта посягательства (например, как угроза убийством, причинение вреда здоровью и т.д.).

При вымогательстве виновный всегда совершает активные действия, направленные на реализацию преступного умысла. При самоуправстве оспариваемое право может быть приобретено путем бездействия субъекта (например, когда лицо обязано было действовать согласно правовому акту или договору, однако никаких действий не совершило, в результате чего приобрело какое-либо оспариваемое право), но в контексте отграничения

от вымогательства обеспечение наличия у виновного такого права всегда будет в виде его действий по применению насилия или угроз его применения (например, по удержанию имущества, право на которое он получил путем бездействия).

При самоуправстве применяется вид насилия, по назначению отличный от вымогательства. Насилие при самоуправстве является средством реализации своего действительного или предполагаемого права, а при вымогательстве — незаконных требований виновного. По смыслу ч. 2 ст. 330 УК РФ самоуправные действия могут сопровождаться физическим насилием любого вида или угрозой его применения. Вымогатель же, помимо этого, может сопровождать свои требования угрозами иного рода, указанными в ст. 163 УК РФ.

Проблемные вопросы возникают также в процессе отграничения вымогательства от принуждения к совершению сделки или к отказу от ее совершения (ст. 179 УК РФ).

В соответствии со ст. 153 ГК РФ сделка — действия граждан и юридических лиц, направленные на установление, изменение или прекращение гражданских прав и обязанностей. С учетом этого определения можно сделать вывод, что преступления, указанные в ст.ст. 163 и 179 УК РФ, формально содержат признаки понуждения к совершению однородных действий.

Однако отграничение также следует осуществлять прежде всего по основному объекту уголовно-правовой охраны. Статья 179 УК РФ направлена на охрану общественных отношений в сфере экономической деятельности, обеспечивающих свободу участия в сделках. При этом предметом указанного преступления выступает именно сделка в ее гражданско-правовом понятии [7, с. 14].

Объективная сторона данного состава преступления предполагает создание условий для побуждения потерпевшего с использованием способов, указанных в ст. 179 УК РФ, заключить сделку или отказаться от нее. Применительно к вопросам исследуемого отграничения они возникают только тогда, когда сделка связана с совершением действий имущественного характера. Принуждение к совершению

сделок другого рода вопросы по разграничению не порождает.

Важно, что в ст. 179 УК РФ содержится так называемый негативный признак: эти действия не должны содержать признаков вымогательства. Таким образом, признаки объективной стороны также являются ключевыми с точки зрения практики квалификации преступлений. Используемый законодателем прием юридической техники обязывает правоприменителя обязательно осуществлять процедуру отграничения принуждения к сделке от вымогательства. При отображении результатов правовой оценки в процессуальной документации обязательно необходимо указывать этот факт.

Основной признак объективной стороны вымогательства — требование передачи чужого имущества или права на него или совершения действий имущественного характера. Основной признак, предусмотренный ст. 179 УК РФ, представляющий интерес с точки зрения отграничения, — действия по принуждению к совершению сделки. По форме незаконного понуждения в ст. 163 УК РФ употребляется термин «требование», а в ст. 179 УК РФ используется термин «принуждение», который по смыслу шире первого, что также необходимо учитывать в решении вопроса об отграничении.

Высшая судебная инстанция уточнила, что сделкой является волеизъявление, направленное на установление, изменение или прекращение гражданских прав и обязанностей (например, гражданско-правовой договор, выдача доверенности, признание долга, заявление о зачете, односторонний отказ от исполнения обязательства, согласие физического или юридического лица на совершение сделки)*. Таким образом, в отличие от вымогательства, при принуждении к сделке виновный субъект вопреки воле потерпевшего желает, чтобы последний заключил сделку с условием соблюдения всех других требований, предъявляемых к ней (относительно

* О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации: постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 23 июня 2015 г. N 25 // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2015. N 8.

содержания сделки, способности сторон к совершению сделки, формы сделки). В том числе должно обеспечиваться гражданско-правовое оформление действий. По сути, ст. 179 УК РФ может применяться в условиях, когда потерпевший принуждается к заключению даже выгодной для него сделки (например, виновным под угрозой применения насилия приобретает предмет коллекционирования, который не желал продавать потерпевший). Нарушается только свобода заключения сделки способами, запрещенными уголовным законом.

Совершая противоправные деяния, связанные с принуждением к сделке, виновный субъект стремится непосредственно к заключению сделки. И она должна быть обеспечена выполнением предусмотренных в ней требований, например, по передаче денежных средств за приобретаемое имущество в соответствии с принятыми стоимостными размерами. Признак безвозмездности, характерный для вымогательства, отсутствует. При совершении вымогательских действий виновный субъект предъявляет требования, связанные с возникновением имущественных прав на безвозмездной основе (без осуществления соответствующих денежных выплат потерпевшему, равноценного обмена имуществом и т.д.). Таким образом, вымогательству присуща корыстная цель, тогда как при принуждении к сделке корыстная цель отсутствует. Прямой имущественной выгоды лица, которое принуждает к совершению сделки, получаемой за счет действий потерпевшего, не имеется. Обоснованной представляется позиция, согласно которой для устранения конкуренции анализируемых составов преступлений следует применять объектно-целевой критерий, ориентируясь не только на расположение

соответствующих норм в структуре уголовного закона, но и на отсутствие корыстной цели преступника в последнем случае [8, с. 26].

В научных исследованиях на основе анализа практики правоприменения приводятся примеры ситуаций, в которых возможна реальная совокупность рассматриваемых преступлений. Например, когда субъект преступления совершает противоправные действия, направленные на принуждение потерпевшего к договору аренды, однако по истечении некоторого времени виновный принимает решение безвозмездно забрать арендуемое имущество при помощи вымогательских действий, указанных в ст. 163 УК РФ [9, с. 88].

Таким образом, вымогательство имеет свои характерные черты, позволяющие отграничить его от других смежных преступлений. В процессе рассмотрения уголовных дел о вымогательстве чаще всего возникают проблемы по поводу отграничения его от преступлений со схожими признаками, относящихся к корыстно-насильственной группе. Требуют внимания новые способы противоправного склоняющего воздействия, появляющиеся в условиях развития экономических отношений и информационно-коммуникационных технологий.

Среди основных признаков, позволяющих осуществить отграничение исследованных составов преступлений друг от друга, следует выделить признаки объекта и предмета преступления, а также признаки объективной стороны, непосредственно связанные с механизмом реализации понуждения потерпевшего к действиям, совершаемым в пользу виновного лица, спецификой вымогательских требований, в том числе моментом окончания преступления.

Список источников

1. Кокунов А.И. Уголовно-правовой запрет склоняющего воздействия: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2023. 34 с.
2. Никитин Ю.А. Уголовно-правовая характеристика вымогательства: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Омск, 2016. 23 с.
3. Чхвимиани Э.Ж. Отграничение вымогательства от смежных составов преступлений: вопросы теории и правоприменительной практики // Общество и право. 2010. N 2. С. 141-147.
4. Овсяков Д.А. Использование информационно-телекоммуникационных сетей при совершении вымогательства // Актуальные проблемы российского права. 2021. N 2. С. 140-145.
5. Голуб П.А. Актуальные вопросы отграничения вымогательства от смежных составов преступлений // Молодой ученый. 2022. N 16. С. 191-194.

6. Хилюта В.В. Как разграничить разбой и вымогательство? // Законность. 2017. N 3. С. 42-43.
7. Курсаев А.В. Отграничение принуждения к совершению сделки или к отказу от ее совершения от вымогательства // Уголовное право. 2023. N 9. С. 11-26.
8. Лавицкая М.И., Ефремова О.В. К вопросу об отграничении вымогательства от смежных составов преступлений // Российская юстиция. 2020. N 1. С. 24-27.
9. Кочои С.М. Ответственность за корыстные преступления против собственности. Москва, 2000. 288 с.

References

1. Kokunov A.I. Criminal law prohibition of inducing influence. Autoabstract Cand. Diss. Saratov, 2023. 34 p. (In Russ.).
2. Nikitin Yu.A. Criminal-legal characteristics of extortion: abstract. diss. for the job application. Autoabstract Cand. Diss. Omsk, 2016. 23 p. (In Russ.).
3. Chkhvimiani E.Zh. Distinction between extortion and related crimes: issues of theory and law enforcement practice. Society and Law, 2010, no. 2, pp. 141-147. (In Russ.).
4. Ovsyukov D.A. Use of information and telecommunication networks in committing extortion. Actual problems of Russian law, 2021, no. 2, pp. 140-145. (In Russ.).
5. Golub P.A. Actual issues of distinguishing extortion from related crimes. Young scientist, 2022, no. 16, pp. 191-194. (In Russ.).
6. Khilyuta V.V. How to distinguish between robbery and extortion? Legality, 2017, no. 3, pp. 42-43. (In Russ.).
7. Kursaev A.V. Distinction between coercion to conclude a transaction or to refuse to conclude it from extortion. Criminal law, 2023, no. 9, pp. 11-26. (In Russ.).
8. Lavitskaya M.I., Efremova O.V. On the issue of distinguishing extortion from related crimes. Russian justice, 2020, no. 1, pp. 24-27. (In Russ.).
9. Kochoi S.M. Liability for acquisitive crimes against property. Moscow, 2000. 288 p. (In Russ.).

Вклад авторов:

Некрасов Д.Е. — осуществлена постановка основных проблем по вопросам, связанным с отграничением вымогательства от смежных составов преступлений, таких как разбой, грабеж, самоуправство и принуждение к заключению сделки, формулирование общих выводов;

Напханенко И.П. — исследованы проблемные вопросы, связанные с недостаточностью законодательного определения способов и средств, используемых вымогателем, направленных на побуждение потерпевшего выполнить его незаконное требование, сформулировано предложение по их решению посредством внесения изменения в ст. 163 УК РФ, формулирование общих выводов;

Сергеев С.М. — анализ юридической литературы по теме, разработка теоретических предпосылок, формулирование основных направлений исследования, написание статьи, формулирование общих выводов.

Contribution of the authors:

Nekrasov D.E. — statement of the main problems regarding the delimitation of extortion from other related crimes, such as robbery, burglary, arbitrariness and coercion to enter into a transaction; formulation of general conclusions;

Napkhanenko I.P. — study of the problematic issues related to insufficiency of the legislative determination of the methods and means used by the extortionist to induce the victim to comply with his unlawful demand; formulation of the proposal for amending Article 163 of the Criminal Code of the Russian Federation in order to address these issues; formulation of general conclusions;

Sergeev S.M. — analysis of legal literature on the topic, development of theoretical premises, formulation of the main directions of the research, writing the article, formulation of general conclusions.

Научная специальность: 5.1.4

К вопросу о нормативно-правовом регулировании оборота оружия в Российской Федерации

Сергей Дмитриевич Захарчук,

кандидат юридических наук, Тюменский институт повышения квалификации сотрудников Министерства внутренних дел Российской Федерации, Тюмень, Россия, sergey-zahar@mail.ru

Елена Валерьевна Матвеева,

Тюменский институт повышения квалификации сотрудников Министерства внутренних дел Российской Федерации, Тюмень, Россия, elena_pestova04@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0007-5202-6711>

Аннотация. В статье рассмотрены подходы к отечественному нормативно-правовому регулированию оборота оружия. Определена актуальность исследуемого вопроса с позиции криминологической ситуации, связанной с оборотом оружия. Отмечается, что наличие у населения большого количества оружия представляет угрозу не только конкретным лицам, но и общественной безопасности в целом. Акцентировано внимание на незаконном обороте оружия. Проанализированы последние внесенные в Уголовный кодекс Российской Федерации изменения и дополнения, касающиеся ответственности за незаконный оборот оружия. Сформулирована и обоснована авторская позиция относительно данных изменений. В завершение статьи предложены меры по совершенствованию нормативных правовых актов.

Ключевые слова: незаконный оборот оружия, огнестрельное оружие, общественная безопасность, уголовная ответственность

Для цитирования: Захарчук С.Д., Матвеева Е.В. К вопросу о нормативно-правовом регулировании оборота оружия в Российской Федерации // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2024. N 4 (70). С. 56-65.

On the issue of legal regulation of arms trafficking in the Russian Federation

Sergey D. Zakharchuk,

Candidate of Legal Sciences, Tyumen Advanced Training Institute of the Ministry of the Interior of the Russian Federation, Tyumen, Russia, sergey-zahar@mail.ru

Elena V. Matveeva,

Tyumen Advanced Training Institute of the Ministry of the Interior of the Russian Federation, Tyumen, Russia, elena_pestova04@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0007-5202-6711>

Abstract. The article deals with the approaches to the domestic legal regulation of arms trafficking. The relevance of the issue under study is determined from the position of the criminological situation related to arms trafficking. It is noted that the availability of a large amount of arms held by the population poses a threat not only to specific individuals, but also to public safety in general. Special attention is focused on illicit arms trafficking. The latest amendments and additions to the Criminal Code of the Russian Federation regarding the liability for illicit arms trafficking are analyzed. The authors' position concerning these amendments is formulated and substantiated. In conclusion some measures to improve regulatory legal acts are proposed.

Keywords: illicit arms trafficking, firearms, public safety, criminal liability

For citation: Zakharchuk S.D., Matveeva E.V. On the issue of legal regulation of arms trafficking in the Russian Federation // Legal Science and Law Enforcement Practice. 2024. No. 4 (70). P. 56-65.

В связи с проведением специальной военной операции в Российской Федерации возросла актуальность вопросов, связанных с незаконным изготовлением и оборотом оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств. Во многом это обусловлено тем, что преступность в указанной сфере трансформировалась, стала приобретать новые формы, направленные, в частности, на совершение преступлений террористической направленности.

Незаконный оборот оружия выступает в качестве одного из существенных факторов, влияющих на ухудшение криминогенной обстановки, рост организованной преступности, терроризма в стране, и представляет реальную угрозу государственной и общественной безопасности. При этом ученые отмечают, что «значительную проблему представляет то обстоятельство, что в настоящее время у граждан скопилось большое количество огнестрельного оружия. Это не только не отвечает социально приемлемым целям, но и создает угрозу общественной безопасности» [1, с. 44].

По данным МВД России, в 2023 году в Российской Федерации зарегистрировано 19 371 преступление, связанное с незаконным оборотом оружия (-12,8 % по сравнению с 2022 годом). Более того, в период с 2020 по 2023 год наметилась тенденция к снижению количества таких преступлений (с 24 792 в 2020 году до 19 371 в 2023 году). Однако необходимо отметить, что в этот же период значительно возросло количество преступлений, совершаемых с использованием взрывчатых веществ и взрывных устройств (со 175 до 694; +124,6 %)*.

Кроме того, в 2023 году по сравнению с 2022 годом в двух федеральных округах Российской Федерации следует констатировать значительный прирост преступлений, совершенных с применением оружия: Центральный федеральный округ – 2394 преступления (+30,5 %), Северо-Кавказский федеральный округ – 415 (+8,6 %). В целом в Российской Федерации в 2023 году увеличилось ко-

личество убийств и покушений на убийство, совершенных с применением оружия (1213; +46,1 %), фактов умышленного уничтожения или повреждения имущества (830; +174,8 %) и террористических актов (228; +470 %).

Также следует учитывать, что в условиях близости к зоне проведения специальной военной операции наибольший рост количества преступлений, связанных с незаконным оборотом оружия, отмечался в 2023 году в Белгородской области, где было зарегистрировано 227 таких преступлений (+40,1 %). По этой же причине значительно увеличилось количество преступлений, совершенных с применением оружия, в Белгородской (986; +960 %), Брянской (291; +609 %) и Курской (314; +398,4 %) областях**.

Анализ криминологических исследований показывает, что в условиях проведения специальной военной операции преступления, связанные с незаконным оборотом оружия, становятся одним из значимых факторов, способствующих росту организованной преступности и ухудшению криминогенной обстановки в Российской Федерации, выступая реальной угрозой для государства и общества. Данное утверждение подтверждается и позицией ученых, которые указывают на то, что преступления, связанные с незаконным оборотом оружия, представляют значительную угрозу как правам отдельно взятого человека, так и в целом безопасности государства [2, с. 92].

В связи с этим в качестве задачи государственной политики в области достижения целей обеспечения государственной и общественной безопасности названа борьба с преступлениями в сфере незаконного оборота указанных предметов (подп. 15 п. 47 Стратегии национальной безопасности Российской Федерации)***.

** Комплексный анализ состояния преступности в Российской Федерации по итогам 2023 года и ожидаемые тенденции ее развития: Аналитический обзор. Москва: ВНИИ МВД России, 2024. С. 43-44.

*** Стратегия национальной безопасности Российской Федерации: утв. Указом Президента Российской Федерации от 2 июля 2021 г. N 400 // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru>

* Состояние преступности в России за январь – декабрь 2023 года. Москва: ГИАЦ МВД России, 2024. С. 30.

Регламентация оборота оружия, а также уголовной ответственности за его незаконный оборот в Российской Федерации имеет длительную историю. В то же время в условиях активного развития новых общественных отношений возникает необходимость исследования нормативно-правового регулирования оборота оружия. При этом одной из главных целей нормативных правовых актов, регламентирующих оборот оружия, должно являться определение пределов данного оборота для обеспечения надлежащей охраны прав и законных интересов личности, общества и государства.

Следует отметить динамичность принятия в современных условиях нормативных правовых актов в сфере оборота оружия. Не являются исключением и нормы УК РФ, предусматривающие уголовную ответственность за незаконный оборот оружия.

В настоящее время основным нормативным правовым актом, регламентирующим вопросы, связанные с оборотом оружия, является Федеральный закон от 13 декабря 1996 г. N 150-ФЗ «Об оружии»* (далее – ФЗ «Об оружии»). С момента вступления ФЗ «Об оружии» в силу в него были внесены изменения 72 федеральными законами. Кроме того, относительно содержания ФЗ «Об оружии» был осуществлен конституционный контроль**.

Изменения, вносимые в ФЗ «Об оружии», как правило, имеют комплексный характер и затрагивают широкий круг общественных отношений, связанных с оборотом оружия. При этом нормативно-правовое регулирование общественных отношений в сфере оборота оружия носит системный характер и строится на основе преемственности федерального законодательства и подзаконных нормативных правовых актов.

* Собр. законодательства Рос. Федерации. 1996. N 51. Ст. 5681.

** По делу о проверке конституционности положения части десятой статьи 13 Федерального закона «Об оружии» в связи с жалобами граждан Г.В. Белокриницкого и В.Н. Тетерина: постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 29 июня 2012 г. N 16-П // Вестник Конституционного Суда Российской Федерации. 2012. N 5.

Следует выделить три уровня системы нормативно-правового регулирования в сфере оборота оружия в Российской Федерации:

1. Конституция Российской Федерации (далее – Конституция РФ). Она имеет высшую юридическую силу (ч. 1 ст. 15 Конституции РФ). Нормы, закрепленные в Конституции РФ, являются основой и исходным началом для формирования и издания иных нормативных правовых актов, составляющих систему права Российской Федерации. Следовательно, Конституция РФ обладает большей юридической силой по сравнению с ФЗ «Об оружии», а ее положения являются ориентирами для формирования норм, регламентирующих оборот оружия в Российской Федерации, и правоприменительной практики, так как положения Конституции РФ имеют прямое действие. Несмотря на то, что в ФЗ «Об оружии» отсутствуют ссылки на нормы Конституции РФ, ее положения учтены в тексте ФЗ «Об оружии», об этом свидетельствует содержание преамбулы закона.

О значении норм Конституции РФ для формирования законодательства, регламентирующего оборот оружия, может свидетельствовать и постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 29 июня 2012 г. N 16-П, в котором указано на необходимость обязательного учета норм Конституции РФ.

Конституционные нормы являются принципами оборота оружия. Их учет необходим ввиду наличия различного рода правоотношений, связанных с оборотом оружия, и обширности нормативных правовых актов, регламентирующих оборот оружия.

2. Федеральные законы. Как уже отмечалось, основным нормативным правовым актом, регламентирующим вопросы, связанные с оборотом оружия, является ФЗ «Об оружии». Анализ содержания данного закона позволяет говорить о том, что ряд его норм носят бланкетный характер, то есть отсылают к иным нормативным правовым актам, среди которых можно выделить: Закон Российской Федерации от 11 марта 1992 г. N 2487-1 «О частной детективной и охранной деятельности в Российской Федерации»***; За-

*** Ведомости СНД РФ и ВС РФ. 1992. N 17. Ст. 888.

кон Российской Федерации от 15 апреля 1993 г. N 4804-1 «О вывозе и ввозе культурных ценностей»*; Федеральный закон от 26 мая 1996 г. N 54-ФЗ «О Музейном фонде Российской Федерации и музеях в Российской Федерации»**; Федеральный закон от 27 декабря 2002 г. N 184-ФЗ «О техническом регулировании»***; Федеральный закон от 4 мая 2011 г. N 99-ФЗ «О лицензировании отдельных видов деятельности»****; Федеральный закон от 21 июля 2011 г. N 256-ФЗ «О безопасности объектов топливно-энергетического комплекса»***** и др.

Следует отметить, что предметы регулирования данных федеральных законов различаются, для эффективного функционирования норм ФЗ «Об оружии» необходим учет его положений в других федеральных законах в случаях, если наблюдается пересечение предметов правового регулирования.

Например, Закон Российской Федерации от 11 марта 1992 г. N 2487-1 «О частной детективной и охранной деятельности в Российской Федерации» устанавливает требования, предъявляемые к работе негосударственных охранных и детективных предприятий, предусматривает для частных охранников при осуществлении ими своих обязанностей право применять огнестрельное оружие, в соответствии с которым они должны проходить периодическую проверку на пригодность к действиям в условиях применения специальных средств и огнестрельного оружия. Однако указанные нормы гармонично вписаны в содержание ФЗ «Об оружии».

Кроме того, можно выделить ряд федеральных законов, которые распространяют свое действие в том числе на общественные отношения, связанные с оборотом оружия, но при этом ссылка на них в ФЗ «Об оружии» отсутствует. К ним следует отнести федеральные за-

коны, регламентирующие оборот оружия (ГК РФ, Закон Российской Федерации от 7 февраля 1992 г. N 2300-1 «О защите прав потребителей»), а также устанавливающие ответственность в случае нарушения порядка осуществления оборота оружия (КоАП РФ, УК РФ).

Как отмечает Д.М. Кокин, «Уголовный кодекс РФ не ставит перед собой задачи регулирования отношений в той или иной сфере оборота какого-либо имущества. Не регулирует он и отношения, предметом которых выступает оружие различных видов. Тем не менее, устанавливая запреты на те или иные действия относительно оружия, осуществляется воздействие на поведение участников данных отношений. Это учитывается законодателем и правоприменительной практикой, что выражается в том, что положения кодекса и иных законодательных актов рассматриваются во взаимозависимой системе, общим результатом которой и является правомерное поведение человека и правопорядок в целом» [3, с. 61].

В связи с этим особое внимание следует уделить УК РФ, а именно положениям, регламентирующим вопросы, связанные с незаконным оборотом оружия. В юридической науке проблемы ответственности за незаконный оборот указанных предметов стали предметом изучения многих специалистов по уголовному праву и криминологии [4; 5]. Анализ юридической литературы уголовно-правовой тематики показал отсутствие единства мнений среди специалистов по уголовному праву относительно статей Особенной части УК РФ, которыми охватываются составы преступлений в анализируемой сфере. Представляется, что в современных условиях к данному перечню преступлений следует относить не только составы преступлений, предусмотренных ст.ст. 222-226.1 УК РФ, но и составы преступлений, предусмотренных ст.ст. 348-349, 355 УК РФ.

Результаты криминологических исследований свидетельствуют, что в ближайшей перспективе в Российском государстве возможно увеличение числа как преступлений, связанных с незаконным изготовлением и оборотом оружия, так и преступлений, совершаемых с использова-

* Ведомости СНД РФ и ВС РФ. 1993. N 20. Ст. 718.

** Собр. законодательства Рос. Федерации. 1996. N 22. Ст. 2591.

*** Там же. 2002. N 52 (ч. I). Ст. 5140.

**** Там же. 2011. N 19. Ст. 2716.

***** Там же. 2011. N 30 (ч. I). Ст. 4604.

нием оружия*. С учетом этого возрастает значимость комплексных научных исследований вопросов применения уголовно-правовых средств противодействия незаконному изготовлению и обороту указанных предметов, и прежде всего с учетом дальнейшего реформирования российского уголовного законодательства в данной сфере.

За последние три года большинство составов рассматриваемых преступлений, предусмотренных нормами гл. 24 УК РФ, подверглось существенным изменениям, которые в целом характеризуются дифференциацией ответственности за совершение преступлений в сфере незаконного изготовления и оборота анализируемых предметов в сторону ее усиления. Например, в июле 2021 года в нормы УК РФ, предусматривающие ответственность за незаконное изготовление и оборот оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств, внесены следующие изменения:

1) криминализирован ряд деяний: а) незаконная пересылка огнестрельного оружия, его основных частей и боеприпасов к нему (ч. 1 ст. 222 УК РФ); б) незаконная пересылка взрывчатых веществ и взрывных устройств (ч. 1 ст. 222.1 УК РФ); в) незаконный сбыт основных частей гражданского огнестрельного гладкоствольного длинноствольного оружия и патронов к нему, основных частей огнестрельного оружия ограниченного поражения и патронов к нему, пневматического оружия с дульной энергией свыше 7,5 Дж (ч. 7 ст. 222 УК РФ); г) незаконное изготовление пневматического оружия с дульной энергией свыше 7,5 Дж (ч. 4 ст. 223 УК РФ);

2) содержание УК РФ дополнено самостоятельным составом преступления (ст. 222.2 УК РФ)**;

* Комплексный анализ состояния преступности в Российской Федерации по итогам 2023 года и ожидаемые тенденции ее развития: аналитический обзор. Москва: ВНИИ МВД России, 2024. С. 45.

** Статьей установлена уголовная ответственность за незаконные приобретение, передачу, сбыт, хранение, перевозку, пересылку или ношение крупнокалиберного огнестрельного оружия, его основных частей и боеприпасов к нему.

3) одно из альтернативных действий (сбыт), ранее указывавшееся в ч. 1 ст. 222 и ч. 1 ст. 222.1 УК РФ, закреплено в качестве самостоятельного состава преступления***;

4) усилена уголовная ответственность за совершение преступлений, предусмотренных ст.ст. 222, 222.1, 223, 223.1 УК РФ, в части увеличения нижнего и верхнего предела срока лишения свободы, в ряде составов преступлений верхний предел срока лишения свободы был увеличен, что повлекло в том числе изменение категории преступлений на более тяжкую;

5) в ст.ст. 222 и 222.1 УК РФ установлены дополнительные квалифицирующие признаки составов преступлений, а также усилена ответственность за их совершение;

6) ограничены условия освобождения от уголовной ответственности за совершение преступлений, предусмотренных ст.ст. 222, 222.1, 222.2, 223, 223.1 УК РФ, при добровольной сдаче предметов, указанных в статьях (п. 1 примечания к ст. 222 УК РФ)****.

В теории уголовного права и криминалистике повышенный интерес вызывают новые положения отдельных уголовно-правовых норм об ответственности за незаконное изготовление и оборот указанных предметов. В частности, в пп. 2 и 3 примечаний к ст.ст. 222 и 222.1 УК РФ и в п. 2 примечания к ст. 222.2 УК РФ закреплены определения понятий, составляющих предмет данных преступлений.

При этом п. 2 примечания к ст. 222 УК РФ, в котором закреплено понятие огнестрельного оружия, дословно повторяет определение понятия огнестрельного оружия, закрепленное в ст. 1 ФЗ «Об оружии».

Изначально диспозиция ч. 1 ст. 222 УК РФ сформулирована как бланкетная. Следовательно, для уяснения ее содержа-

*** Незаконный сбыт огнестрельного оружия, его основных частей и боеприпасов к нему (ч. 2 ст. 222 УК РФ); незаконный сбыт взрывчатых веществ и взрывных устройств (ч. 2 ст. 222.1 УК РФ).

**** О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: федер. закон от 1 июля 2021 г. N 281-ФЗ // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru>

ния в части уточнения признаков предмета преступления правоприменительная практика и наука уголовного права исходили из необходимости обращения к содержанию ФЗ «Об оружии».

Представляется, что в настоящее время отсутствует необходимость закрепления признаков предмета преступления в примечании к статье. Более того, отсутствие определения понятия огнестрельного оружия в содержании ст. 222 УК РФ не вызывало вопросов у правоприменителей. Они в своей деятельности руководствовались нормами ФЗ «Об оружии» и разъяснениями, содержащимися в пп. 1 и 2 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 12 марта 2002 г. N 5 «О судебной практике по делам о хищении, вымогательстве и незаконном обороте оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств»* (далее – Постановление Пленума ВС РФ N 5).

В литературе отмечается, что применение в тексте УК РФ терминов иных отраслей права является распространенной практикой. Однако данный подход применяется в случаях, когда содержание терминов, используемых в уголовном законе, имеет самостоятельное специфическое значение [6, с. 10]. Более того, в теории уголовного права выработан самостоятельный подход к применению терминов, суть которого заключается в построении уголовно-правовой дефиниции в случаях наличия противоречий в правоприменительной практике и науке относительно используемой терминологии в целях единого толкования понятий. Однако данный подход не учтен относительно включения в УК РФ определения понятия огнестрельного оружия.

Что касается предложенного определения понятия «боеприпасы», то оно отличается по содержанию от понятия, сформулированного в ФЗ «Об оружии». В частности, в определении понятия боеприпасов, изложенного в ФЗ «Об оружии», слово

«патроны» не включено, хотя в соответствии с разъяснениями Постановления Пленума ВС РФ N 5 патроны отнесены к боеприпасам. Более того, в определении понятия «боеприпасы», сформулированном в УК РФ, указано на способы их изготовления (промышленный или самодельный). Кроме того, следует отметить наличие «оговорки» при формулировании рассматриваемой дефиниции о том, что для целей данной статьи и других статей уголовного закона указанные предметы признаются боеприпасами «независимо от калибра». В то же время, исходя из содержания п. 2 примечания к ст. 222.2 УК РФ, калибр боеприпасов имеет значение (боеприпасы к крупнокалиберному огнестрельному оружию).

Далее, в п. 2 примечания к ст. 222.1 УК РФ введено определение понятия «взрывчатое вещество» («под взрывчатыми веществами понимаются химические соединения или смеси веществ, способные под влиянием внешних воздействий к быстрому самораспространяющемуся химическому превращению (взрыву)»), которое дословно повторяет определение, содержащееся в п. 5 Постановления Пленума ВС РФ N 5. Аналогичным образом понятие «взрывное устройство» в п. 3 примечания к ст. 222.1 УК РФ («промышленные или самодельные изделия, содержащие взрывчатое вещество, функционально предназначенные для производства взрыва и способные к взрыву») не отличается от данного Пленумом Верховного Суда Российской Федерации в том же пункте названного постановления. Существование правовых позиций высшей судебной инстанции относительно содержания понятий взрывчатого вещества и взрывного устройства, закрепленных в Постановлении Пленума ВС РФ N 5, не оставляет сомнений в том, что судебной практикой выработано единообразное понимание данных терминов, поэтому включение указанных дефиниций в уголовный закон не было необходимым.

Кроме того, УК РФ дополнен ст. 222.2**, которая содержит норму, рас-

* О судебной практике по делам о хищении, вымогательстве и незаконном обороте оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств: постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 12 марта 2002 г. N 5 // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2002. N 5.

** Статья 222.2 УК РФ «Незаконные приобретение, передача, сбыт, хранение, перевозка, пересылка или ношение крупнокалиберного огнестрельного оружия, его основных частей и боеприпасов к нему».

крывающую признаки понятия крупнокалиберного огнестрельного оружия, — п. 2 примечания к ст. 222.2 УК РФ*. На этом основании можно сделать вывод, что к крупнокалиберному огнестрельному оружию (в уголовно-правовом смысле) следует относить минометы, артиллерийские орудия, гранатометы и т.п.

Между тем анализ юридической литературы показывает, что законодательная трактовка понятия крупнокалиберного огнестрельного оружия в п. 2 примечания к ст. 222.2 УК РФ не в полной мере соответствует криминалистическим критериям такого огнестрельного оружия [6, с. 11]. Суть проблемы состоит в том, что в криминалистических классификациях ручное огнестрельное оружие подразделяется по калибру на следующие виды: крупнокалиберное (свыше 9 мм), среднекалиберное (до 9 мм) и малокалиберное (до 6,5 мм) [7, с. 76; 8, с. 134].

Согласно пояснительной записке к проекту федерального закона, направленного на внесение изменений в УК РФ в целях усиления ответственности за совершение преступлений, связанных с незаконным изготовлением и оборотом оружия, повышенная степень общественной опасности незаконного изготовления и оборота крупнокалиберного огнестрельного оружия аргументируется тем, что такое оружие обладает повышенным поражающим воздействием, а боеприпасы к нему фактически являются взрывными устройствами**. При этом не учитывается то, что эти свойства могут быть присущи и боеприпасам специального назначения к оружию калибра менее 20 мм (зажигательным, бронебойным и разрывным пулям

* «Для целей настоящей статьи и других статей настоящего Кодекса под крупнокалиберным огнестрельным оружием понимается огнестрельное оружие (за исключением гражданского огнестрельного оружия и служебного огнестрельного оружия) калибра от 20 мм и более».

** Пояснительная записка к проекту федерального закона «О внесении изменений в Уголовный кодекс в целях усиления ответственности за совершение преступлений, связанных с незаконным оборотом оружия» // Система обеспечения законодательной деятельности: сайт. URL: <https://sozd.duma.gov.ru>

калибра 7,62, 7,92, 12,7 и 14,5 мм). Однако в этом случае, согласно анализируемому положению п. 2 примечания к ст. 222.2 УК РФ, указанное оружие и боеприпасы не могут быть отнесены к крупнокалиберному огнестрельному оружию, его основным частям и боеприпасам к нему. Например, в уголовно-правовом смысле нельзя отнести к анализируемому виду оружия противотанковое ружье Дегтярева (калибра 14,5 мм), а также боеприпасы к нему.

Перечисленные выше вопросы могут привести к неправильной квалификации совершенного деяния в сфере незаконного изготовления и оборота оружия и боеприпасов по причине несоответствия криминалистического и уголовно-правового содержания понятия крупнокалиберного огнестрельного оружия. В качестве примера следует привести приговор суда, которым гражданин А. был признан виновным в совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 222.2 УК РФ, то есть в незаконном хранении боеприпасов для крупнокалиберного огнестрельного оружия. Основным доводом сторона обвинения назвала заключение эксперта, в котором было указано, что представленные на баллистическую экспертизу боеприпасы (патроны), изъятые у А., являются боевыми патронами, пригодными для стрельбы из 12,7-мм крупнокалиберных пулеметов и (или) 12,7-мм крупнокалиберной винтовки***. В криминалистическом смысле с выводами эксперта можно согласиться, однако в соответствии с п. 2 примечания к ст. 222.2 УК РФ огнестрельное оружие калибра 12,7 мм не может быть отнесено к крупнокалиберному. Таким образом, правоприменители (следователь и суд) неправильно квалифицировали преступные действия А., основываясь только на изложенных в указанном заключении эксперта выводах без их уголовно-правовой оценки.

В связи с этим в основу криминализации незаконного изготовления и оборота крупнокалиберного огнестрельного оружия целесообразно закладывать не только его калибр, но и повышенные по-

*** Приговор Львовского районного суда Курской области от 29 июля 2022 г. по делу N 1-116/2022 // Судебные и нормативные акты РФ: сайт. URL: <https://sudact.ru>

ражающие свойства данного оружия, его основных частей и боеприпасов к нему.

3. Подзаконные нормативные правовые акты. Этот уровень нормативного правового регулирования оборота оружия в Российской Федерации является самым объемным. В него включаются постановления Правительства Российской Федерации, а также нормативные правовые акты федеральных органов исполнительной власти.

В подзаконных нормативных правовых актах более детально раскрывается содержание основных положений ФЗ «Об оружии», а также устанавливаются для субъектов определенные требования и регламентация процедур, связанных с оружием.

В частности, Постановлением Правительства Российской Федерации от 21 июля 1998 г. N 814 «О мерах по регулированию оборота гражданского и служебного оружия и патронов к нему на территории Российской Федерации»* утверждены Правила оборота гражданского и служебного оружия и патронов к нему на территории Российской Федерации. Данные Правила в соответствии с ФЗ «Об оружии» регулируют оборот гражданского и служебного оружия, основных частей огнестрельного оружия и патронов (составных частей патронов) к нему, включая производство, торговлю, продажу, передачу, приобретение, коллекционирование, экспонирование, учет, хранение, ношение, перевозку, транспортирование, использование, изъятие, уничтожение, ввоз в Российскую Федерацию и вывоз из Российской Федерации.

В настоящее время в соответствии с п. 1 Положения о Федеральной службе войск национальной гвардии Российской Федерации, утвержденного Указом Президента Российской Федерации от 30 сентября 2016 г. N 510** (далее – Положение) Федеральная служба войск национальной гвардии Российской Федерации (Росгвардия) является федеральным органом исполнительной власти, осуществляющим функции по выработке и реализации государственной политики и нормативно-правовому регулированию в сфере деятельности войск национальной гвардии

Российской Федерации (далее – войска национальной гвардии), в сфере оборота оружия, частной охранной деятельности, частной детективной деятельности, вневедомственной охраны, а также обеспечения общественной безопасности в пределах своих полномочий.

Более того, в соответствии с подп. 9 п. 2 Положения одной из основных задач Росгвардии является осуществление федерального государственного контроля (надзора) за оборотом оружия (различных видов) и юридическими лицами, деятельность которых связана с его оборотом.

В рамках осуществления лицензионно-разрешительной работы Росгвардией оказывается 25 видов государственных услуг, в том числе 24 – в электронном виде. Следовательно, для каждой государственной услуги разрабатывается самостоятельный нормативный правовой акт. На официальном сайте Росгвардии в разделе «Оружейная грамотность» приведен Перечень правовых актов, регламентирующих вопросы оборота оружия на территории Российской Федерации***.

В связи с вышеизложенным является справедливой научная позиция о том, что «оборот оружия на протяжении последних более чем двадцати лет остается очень злободневной темой в российском обществе. Это обусловлено рядом обстоятельств. Во-первых, оружие, по сравнению с временами Советского Союза, стало гораздо чаще использоваться при совершении преступлений, во-вторых, использованием рядом общественных деятелей вопроса о либерализации правил оборота оружия для улучшения своего политического имиджа, в-третьих, легальный оборот оружия является довольно высоким источником доходов лиц, занимающихся оружейным бизнесом» [4, с. 122].

В развитие приведенной выше позиции следует отметить, что вопрос, связанный с оборотом оружия, периодически поднимается во время проведения политических дебатов, особенно в предвыборный период. При этом в законодательстве

* Собр. законодательства Рос. Федерации. 1998. N 32. Ст. 3878.

** Там же. 2016. N 41. Ст. 5802.

*** Федеральная служба войск национальной гвардии Российской Федерации (Росгвардия): официальный сайт. URL: <https://rosguard.gov.ru/>

за последнее время установлены дополнительные требования для лиц, претендующих на получение оружия различных видов, что направлено на обеспечение общественной безопасности и прав участников общественных отношений.

Однако, несмотря на это, для уменьшения угрозы правам лиц, а также безопасности государства следует разработать дополнительные механизмы по ограничению возможностей получения гражданского огнестрельного оружия для отдельных категорий лиц в случаях, если имеется вероятность незаконного или неумелого использования ими оружия.

С точки зрения исследователей, достичь данный результат возможно путем усложнения процедур, связанных с получением оружия, расширения перечня оснований для изъятия оружия и упрощения процедуры изъятия оружия в случае нарушения порядка, связанного с обращением с оружием [1, с. 48].

В то же время проведенный анализ криминологических и уголовно-правовых аспектов незаконного изготовления и оборота оружия, боеприпасов, взрывчатых ве-

ществ и взрывных устройств в современных условиях позволяет сделать следующие основные выводы:

1. Предлагается:

– исключить пп. 2 и 3 примечания к ст. 222, пп. 2 и 3 примечания к ст. 222.1 УК РФ;

– дополнить определение понятия «огнестрельное оружие», изложенное в ст. 1 ФЗ «Об оружии», указанием на новые виды оружия, а также дополнить чч. 1 и 2 ст. 222 УК РФ указанием на огнеметное оружие;

– изменить ч. 1 ст. 222.2 УК РФ, предусмотрев в диспозиции ответственность за незаконное изготовление и оборот крупнокалиберного огнестрельного оружия не только с учетом его калибра, но и повышенных поражающих свойств данного оружия, его основных частей и боеприпасов к нему.

2. Необходимо привести постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 12 марта 2002 г. N 5 «О судебной практике по делам о хищении, вымогательстве и незаконном обороте оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств» в соответствие с новыми редакциями статей 222-223.1 УК РФ.

Список источников

1. Бикеев И.И., Нафиков И.С. Уменьшение доступности оружия как один из факторов предупреждения массовых убийств и других насильственных преступлений // Законность. 2023. N 5. С. 44-49.
2. Погадаева Я.М., Шеншин В.М. Преступления в сфере незаконного оборота оружия (статья 222 Уголовного кодекса Российской Федерации) как угроза национальной безопасности России // Право в Вооруженных Силах. 2022. N 7. С. 90-93.
3. Кокин Д.М. Некорыстный оборот оружия: уголовно-правовая и криминологическая характеристика: дис. ... канд. юрид. наук. Санкт-Петербург. 2015. 182 с.
4. Муркштис М.И. Противодействие незаконному обороту оружия: уголовно-правовое и криминологическое исследование: дис. ... д-ра юрид. наук. Москва, 2019. 570 с.
5. Робак В.А. Борьба с криминальным рынком оружия в России: вопросы теории и практики: дис. ... д-ра юрид. наук. Москва, 2024. 384 с.
6. Егорова Н.А., Егоров А.Г. Новое в уголовном законодательстве об ответственности за незаконный оборот оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ, взрывных устройств // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2022. N 1. С. 10-11.
7. Криминалистика: учебник / под общ. ред. В.А. Жбанкова. Москва: Изд-во Российской таможенной академии, 2012. 512 с.
8. Криминалистика: учебник для вузов / под науч. ред. В.Н. Карагодина, Е.В. Смахина. 2-е изд. Москва: Юрайт; Тюмень: Изд-во Тюменского гос. ун-та, 2019. 487 с.

References

1. Bikeev I.I., Nafikov I.S. Reducing the availability of weapons as one of the factors in preventing mass killings and other violent crimes. *Legality*, 2023, no. 5, pp. 44-49. (In Russ.).
2. Pogadaeva Ya.M., Shenshin V.M. Crimes in the field of illegal arms trafficking (Article 222 of the Criminal Code of the Russian Federation) as a threat to Russia's national security. *Law in the Armed Forces*, 2022, no. 7, pp. 90-93. (In Russ.).
3. Kokin D.M. Non-profit arms trafficking: criminal law and criminological characteristics: Cand. Diss. St. Petersburg, 2015. 182 p. (In Russ.).

4. Murkshtis M.Y. Countering illegal arms trafficking: criminal law and criminological research. Doct. Diss. Moscow, 2019. 570 p. (In Russ.).
5. Robak V.A. The fight against the criminal arms market in Russia: issues of theory and practice. Doct. Diss. Moscow, 2024. 384 p. (In Russ.).
6. Egorova N.A., Egorov A.G. New in criminal legislation on liability for illegal trafficking in weapons, ammunition, explosives, explosive devices. Bulletin of the Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2022, no. 1, pp. 10-11. (In Russ.).
7. Criminalistics. Moscow, Publishing House of the Russian Customs Academy, 2012. 512 p. (In Russ.).
8. Criminalistics. Moscow, Yurait; Tyumen, Tyumen State University Publishing House. 487 p. (In Russ.).

Вклад авторов:

Захарчук С.Д. — идея, постановка научных задач, написание статьи, формулирование предложений по решению выявленных проблем в области установления уголовной ответственности за незаконный оборот оружия;

Матвеева Е.В. — анализ юридической литературы по теме, изучение информационно-статистических источников, на основе которых сделаны выводы о состоянии криминализации незаконного оборота оружия, анализ нормативных правовых актов, регламентирующих оборот оружия, написание статьи.

Contribution of the authors:

Zakharchuk S.D. — idea, formulation of scientific tasks, writing the article, formulation of proposals for solving the identified problems in the field of criminalizing illicit arms trafficking;

Matveeva E.V. — analysis of legal literature on the topic, study of various sources of statistical information upon which the conclusions about the state of criminalization of illicit arms trafficking are made, analysis of normative legal acts regulating arms trafficking, writing the article.

Раздел 5. Совершенствование правоохранительной практики

Научная специальность: 5.1.1

Превентивные меры полиции в сфере обеспечения безопасности участников дорожного движения

Виктория Владимировна Казаченок,

кандидат юридических наук, доцент, Казанский юридический институт Министерства внутренних дел Российской Федерации, Казань, Россия, kazachenokv@mail.ru

Аннотация. В статье исследуются современные подходы к проблеме предупреждения дорожно-транспортных происшествий и правонарушений. Используя статистические показатели аварийности, автор определяет характерные признаки лиц, виновных в совершении дорожно-транспортных происшествий, акцентирует внимание на незащищенности отдельных участников дорожного движения и несовершенстве системы безопасности. Рассмотрена система мер предупреждения дорожно-транспортных происшествий и правонарушений, применяемых в деятельности полиции, определены субъекты реализации превентивных мер. Обозначена ведущая роль мер предупреждения в достижении эффективности существующего комплекса мероприятий по обеспечению безопасности дорожного движения, подчеркнута значимость активной позиции граждан в предупреждении дорожно-транспортных правонарушений. Сделан вывод о необходимости использования комплексного подхода к обеспечению безопасности участников дорожного движения.

Ключевые слова: безопасность дорожного движения, правила дорожного движения, дорожно-транспортное происшествие, мера предупреждения

Для цитирования: Казаченок В.В. Превентивные меры полиции в сфере обеспечения безопасности участников дорожного движения // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2024. N 4 (70). С. 66-73.

Preventive police measures in the field of ensuring the safety of road users

Victoriya V. Kazachenok,

Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, Kazan Law Institute of the Ministry of the Interior of the Russian Federation, Kazan, Russia, kazachenokv@mail.ru

Abstract. The article examines some modern approaches to the problem of preventing traffic accidents and offences. Using the statistical indicators of accidents, the characteristic features of persons guilty of committing traffic accidents are determined. The attention is focused on both vulnerability of individual road users and imperfection of the safety system. The system of measures to prevent traffic accidents and offences, applied by the police, is considered. The author identifies the subjects of implementation of preventive measures. The leading role of preventive measures in achieving effectiveness of the existing set of measures to ensure road safety is outlined. The importance of citizens' active position in preventing traffic offences is emphasized. The author comes to the conclusion about the need to use an integrated approach to ensuring the safety of road users.

Keywords: road safety, traffic rules, traffic accident, preventive measure

For citation: Kazachenok V.V. Preventive police measures in the field of ensuring the safety of road users // Legal Science and Law Enforcement Practice. 2024. No. 4 (70). P. 66-73.

Введение

Автомобильный транспорт в Российской Федерации стремительно развивается. В настоящее время он активно используется как в личных целях, так и для перевозки грузов и пассажиров, что тре-

бует обеспечения его безопасной эксплуатации. Обеспечение безопасности является одной из приоритетных задач государства, так как напрямую связано с сохранением жизни и здоровья граждан. Следует отметить, что проблема безопасности дорож-

ного движения сохраняет свою остроту. Показатели уровня аварийности в Российской Федерации нестабильны. Например, в 2023 году произошло 132 466 дорожно-транспортных происшествий (далее – ДТП), что свидетельствует об увеличении данного показателя по сравнению с 2022 годом, в котором было зарегистрировано 126 705 ДТП. Несмотря на то, что в 2024 году по сравнению с предыдущим годом количество ДТП сократилось, проблема остается нерешенной в связи с их высоким уровнем и значительным числом жертв. В частности, по состоянию на 1 октября 2024 г. совершено 96 389 ДТП (за аналогичный период 2023 года – 97 936), в которых погибло 10 422, ранено 120 152 человека. В том числе совершено:

– 23 942 ДТП с пострадавшими пешеходами, в которых погибло 2240, ранено 22 620 человек;

– 14 213 ДТП с пострадавшими в возрасте до 16 лет, в которых погибло 436 несовершеннолетних, ранен 15 581;

– 18 053 ДТП с пострадавшими в возрасте до 18 лет, в которых погибло 630, ранено 20 129 несовершеннолетних;

– 85 460 ДТП из-за нарушения ПДД водителями транспортных средств, в которых погиб 9051, ранено 109 876 пострадавших;

– 7637 ДТП из-за выезда на полосу, предназначенную для встречного движения, в которых погибло 2604, ранено 13 135 пострадавших*.

Анализ статистических сведений о ДТП показывает, что пешеходы и дети по-прежнему остаются самыми незащищенными участниками дорожного движения. Согласно Стратегии безопасности дорожного движения в Российской Федерации на 2018-2024 годы** более 85 % ДТП происходит по причине нарушения правил дорожного движения (далее – ПДД) водителями транспортных средств.

* Показатели состояния безопасности дорожного движения // Госавтоинспекция: официальный сайт. URL: <http://stat.gibdd.ru/>

** Стратегия безопасности дорожного движения в Российской Федерации на 2018-2024 годы: утв. распоряжением Правительства Российской Федерации от 8 янв. 2018 г. N 1-р // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2018. N 5. Ст. 774.

Наряду с такими основными факторами, влияющими на безопасность дорожного движения, как техническое состояние транспортных средств, психофизиологическое состояние водителей, погодные условия, важное значение имеет состояние дорожно-транспортной инфраструктуры. Государственная политика в сфере безопасности дорожного движения направлена на повышение эффективности функционирования транспортной системы Российской Федерации и ее субъектов, а для этого требуется в первую очередь улучшение дорожно-транспортной инфраструктуры. Согласно национальному проекту «Безопасные качественные дороги», принятому в 2019 году и включающему в себя шесть федеральных проектов, предполагается следующее:

1) удовлетворенность качеством и доступностью автомобильных дорог повысится с 50 % в 2024 году до 60 % в 2030 году;

2) удовлетворенность безопасностью дорожного движения повысится с 49 % в 2024 году до 58 % в 2030 году, а количество погибших в ДТП на 100 тыс. населения снизится с 8,4 человек в 2024 году до 4 человек в 2030 году;

3) доля транспортных средств в городских агломерациях (автобусы, трамваи, троллейбусы, пригородный железнодорожный подвижной состав), обновленных в рамках федерального проекта и имеющих срок эксплуатации не старше нормативного, увеличится с 11,4 % в 2024 году до 16,9 % в 2030 году;

4) доля контрактов жизненного цикла, предусматривающих выполнение работ по строительству, реконструкции, капитальному ремонту автомобильных дорог регионального (межмуниципального) значения увеличится с 30 % в 2024 году до 40 % в 2030 году;

5) увеличится доля автомобильных дорог Минобороны России, соответствующих нормативным требованиям, с 60 % в 2024 году до 85 % в 2030 году;

6) увеличится протяженность построенных и реконструированных федеральных автомобильных дорог***.

*** Национальный проект «Безопасные качественные дороги»: официальный сайт. URL: <https://bkdrf.ru/>

Вместе с тем в условиях урегулирования процессов взаимодействия всех участников дорожного движения особую важность приобретает деятельность Государственной инспекции безопасности дорожного движения Министерства внутренних дел Российской Федерации (далее – Госавтоинспекция), выполняющей функции, направленные на обеспечение безопасности дорожного движения. Однако, исходя из анализа показателей дорожно-транспортной аварийности, для достижения ключевых целей – нулевой смертности на дорогах и предупреждения ДТП с тяжкими последствиями – на ранних стадиях требуется ежедневная планомерная работа, включающая в себя комплекс мер по обеспечению безопасности дорожного движения, что указывает на необходимость дальнейшего совершенствования подходов к обеспечению данного направления деятельности. В связи с этим предупредительные меры принуждения, применяемые Госавтоинспекцией, имеют преобладающее значение, поскольку их основная цель заключается в предотвращении ДТП и правонарушений на дорогах Российской Федерации.

Основная часть

Проблемам профилактики дорожно-транспортных преступлений и административных правонарушений большое внимание уделяется в работах В.И. Майорова и В.В. Денисенко, указывающих на несовершенство организационного и нормативно-правового обеспечения безопасности дорожного движения [1, с. 105; 2]. Актуальность обеспечения безопасности дорожного движения обусловлена высокой социальной значимостью этой проблемы и необходимостью постоянного улучшения существующих мер для обеспечения безопасности граждан на дорогах.

Исследователями неоднократно акцентировалось внимание на проблеме аварийности с участием водителей, имеющих стаж вождения до двух лет [см., например: 3, с. 74; 4, с. 54]. При этом статистика показывает, что наибольшее количество ДТП

за 6 месяцев текущего года было совершено по вине водителей со стажем вождения свыше 30 лет (30 %), от 10 до 15 лет (13 %), от 15 до 20 лет (11,8 %), от 5 до 10 лет (11,7 %), от 20 до 25 лет (9,4 %), от 2 до 5 лет (8,6 %), от 25 до 30 лет (8,3 %), до 2 лет (7,2 %). Кроме того, наибольшее количество ДТП, в которых водители признаны виновными, совершено ими в возрасте от 30 до 40 лет (24,8 %), а также в возрасте от 40 до 50 лет (19,8 %), от 50 до 60 лет (13,3 %), тогда как наименьшее количество ДТП совершено водителями в возрасте от 18 лет до 21 года (5,9 %) и от 21 года до 25 лет (8,2 %).

В 84,1 % ДТП виновными являлись водители мужского пола, в 15,9 % – водители женского пола. При этом количество ДТП с участием легковых автомобилей преобладает над количеством ДТП с участием грузового транспорта, автобусов, мотоциклов и пр. Чаще всего ДТП происходили в понедельник и воскресенье, а также в пятницу и субботу. Наибольшее количество ДТП совершалось в промежуток с 16 до 20 часов*. Таким образом, основными виновниками ДТП являются мужчины в возрасте от 30 до 40 лет, а также водители, имеющие стаж управления транспортным средством свыше 30 лет. Максимальное количество ДТП совершается в основном в вечернее время и в выходные дни, а также за один день до и один день после них.

Деятельность органов внутренних дел по предупреждению ДТП и правонарушений многогранна и реализуется с помощью специальных мер предупреждения. По содержанию меры предупреждения следует классифицировать на правовые и организационные.

К правовым мерам относятся:

1. Административно-правовые меры, которые реализуются сотрудниками подразделений Госавтоинспекции, участковых уполномоченных полиции, других подразделений полиции при выполнении ими обязанностей по охране общественного порядка и обеспечению общественной

* Дорожно-транспортная аварийность в Российской Федерации за 6 месяцев 2024 года. Информационно-аналитический обзор. М.: НЦ БДД МВД России, 2024. 36 с.

безопасности*. В своей деятельности они, как и все органы исполнительной власти, используют методы государственного управления – убеждение и принуждение.

В деятельности по обеспечению безопасности дорожного движения важную роль играют меры убеждения, которые выражаются в проведении профилактических бесед, лекций, конкурсов профессионального мастерства, мероприятий по распространению передового опыта; опубликовании материалов, разъясняющих ПДД, в средствах массовой информации; пропаганде безопасности дорожного движения среди различных слоев общества (в том числе в дошкольных образовательных организациях и общеобразовательных организациях); поощрении участия граждан в работе по предупреждению ДТП и пр.

Однако чаще всего сотрудники Госавтоинспекции применяют меры административного принуждения, коррелирующие с мерами, используемыми органами власти в государственном управлении. Выделяя меры принуждения, следует рассмотреть прежде всего административно-предупредительные меры.

Особенность мер предупреждения заключается в том, что, во-первых, они могут применяться ко всем участникам движения, во-вторых, в основном применяются до совершения правонарушения, в-третьих, их применение возможно при наступлении определенных последствий, например, при оцеплении участков местности в осложненных дорожных условиях (ДТП и пр.), проведении массовых мероприятий. Кроме

того, к предупредительным мерам относятся проверка документов на право управления транспортным средством, перевозимый груз, удаление граждан с места ДТП, перекрытие определенных участков дороги для движения и пр.

Несмотря на то, что административно-предупредительные меры являются основными мерами предупреждения правонарушений, другие меры принуждения также важны в превентивной деятельности Госавтоинспекции.

Административно-пресекающие меры направлены на прекращение совершения правонарушения, предотвращение ДТП. Мерой пресечения общего назначения является требование прекратить совершение противоправного деяния (например, запретить пешеходу переход дороги в неустановленном для этого месте, потребовать от водителя устранить нарушение правил перевозки детей), запрещение эксплуатации технически неисправного транспортного средства и др.

При реализации мер административно-процессуального обеспечения сотрудники ДПС осуществляют освидетельствование на состояние алкогольного опьянения, отстранение от управления транспортным средством, задержание или арест транспортного средства, имеют право направить водителя с признаками опьянения (наркотического, алкогольного или токсического) на медицинское освидетельствование.

Основная цель применения мер административной ответственности выражается в предупреждении совершения новых административных правонарушений как самим правонарушителем, так и другими участниками движения. Самым распространенным наказанием за правонарушения в рассматриваемой области является административный штраф. Подчеркивая высокую латентность правонарушений, совершаемых пешеходами, В.И. Майоров обозначает проблему, выражающуюся в отсутствии внимания законодателя при рассмотрении вопросов повышения административных санкций. Необходимо поддержать точку зрения исследователя о том, что усиление административной ответственности должно касаться не только водителей транспортных средств, но и

* См., например: Об утверждении Порядка осуществления надзора за соблюдением участниками дорожного движения требований законодательства Российской Федерации о безопасности дорожного движения: приказ МВД России от 2 мая 2023 г. N 264; О несении службы участковым уполномоченным полиции на обслуживаемом административном участке и организации этой деятельности: приказ МВД России от 29 марта 2019 г. N 205; Об утверждении Наставления по организации деятельности Государственной инспекции безопасности дорожного движения Министерства внутренних дел Российской Федерации по пропаганде безопасности дорожного движения: приказ МВД России от 29 дек. 2018 г. N 903 // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru>

пешеходов [5, с. 24]. Представляется, что меры административной ответственности должны быть соразмерны совершаемому противоправному деянию, иначе цель административного наказания не будет достигнута.

2. Гражданско-правовые меры предупреждения ДТП. В процессе осуществления своих полномочий сотрудники Госавтоинспекции при выявлении нарушений норм российского законодательства в соответствии со ст. 8 ГК РФ имеют право обратиться с иском в суд. Поводом для обращения, например, может послужить выявление факта об установлении рекламной конструкции, несоответствующей требованиям законодательства о безопасности дорожного движения.

3. Уголовно-правовые меры предупреждения ДТП. Безусловно, преступления как общественно опасные деяния влекут более тяжелые последствия по сравнению с административными правонарушениями, поэтому превентивные меры должны быть соответствующими.

Вопрос о совершенствовании мер уголовной ответственности в настоящее время является дискуссионным. Некоторые авторы считают необходимым ужесточить наказания за совершение дорожно-транспортных преступлений. Например, Ю.А. Епифанов утверждает, что низкие показатели аварийности и травматизма имеются там, где ПДД жестче, а наказание за их нарушение серьезнее [6, с. 153]. М.В. Мидловец считает необходимым установление соразмерного наказания [7, с. 141]. Последнее утверждение представляется более обоснованным, поскольку чрезмерное ужесточение наказаний может привести к негативной реакции населения, недоверию к органам государственной власти.

4. Оперативно-розыскные меры органы внутренних дел применяют в случаях совершения ДТП с причинением потерпевшему лицу смерти или тяжких телесных повреждений. В таких случаях осуществляются необходимые действия по установлению лиц, причастных к преступлению, задержание транспортных средств, находящихся в розыске.

К организационным мерам по предупреждению ДТП и административных правонарушений относят:

1. Меры информационного обеспечения (сбор, обработка информации о совершенных ДТП, ведение федеральной базы данных о транспортных средствах, находящихся в розыске, разработка планов оперативно-розыскных мероприятий и пр.).

2. Массово-разъяснительные меры (размещение в средствах массовой информации материалов о безопасности дорожного движения, организация конкурсов и других мероприятий, работа по привлечению школьников в отряды Юных инспекторов движения).

3. Инженерно-технические меры по предупреждению ДТП (использование технических комплексов видеофиксации выявления правонарушений, обустройство дорожными ограждениями наиболее опасных участков дорог).

4. Внесение представлений в соответствующие инстанции является немаловажной мерой предупреждения правонарушений в сфере дорожного движения (ст. 29.13 КоАП РФ). Для разработки последующих предупредительных мер необходимо установление причин и условий, вызывающих ДТП: состояние дорожного покрытия (наличие наледи, ям и т.п.), оснащенность информационными знаками (их читаемость, чистота), наличие придорожных ограждений, состояние освещенности дороги, оборудование опасного участка дорожными знаками, информационными щитами, соответствующей сигнализацией и др.

5. Осуществление постоянного рейда в целях предупреждения, выявления и пресечения нарушений обязательных требований, предъявляемых в рамках обеспечения безопасности дорожного движения. В процессе его реализации могут производиться досмотр, осмотр, опрос, инструментальное обследование, истребование документов, которые должны обязательно быть в транспортном средстве*.

* О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации: федер. закон от 31 июля 2020 г. N 248-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2020. N 31. Ст. 5007; Положение о федеральном государственном контроле (надзоре) в области безопасности дорожного движения: постановление Правительства Российской Федерации от 30 июня 2021 г. N 1101 // Там же. 2021. N 28 (ч. II). Ст. 5531.

б. Наблюдение сотрудниками Госавтоинспекции за соблюдением участниками дорожного движения требований законодательства Российской Федерации о безопасности дорожного движения оказывает эффективное действие на предупреждение дорожно-транспортных правонарушений. Совершенствование деятельности по предупреждению правонарушений на российских дорогах, когда такие правонарушения носят массовый характер, представляется необходимой мерой. Увеличение количества нарядов дорожно-патрульной службы будет способствовать предупреждению правонарушений на отдельных участках. Однако в условиях «кадрового голода», наблюдаемого в органах внутренних дел в настоящее время, реализовать данное предложение будет сложно.

Госавтоинспекция, являясь основным субъектом в деятельности по предупреждению ДТП и административных правонарушений, проводит значительную работу по организации предупредительных мероприятий. Однако для решения поставленных задач этого недостаточно. Предупредительная деятельность будет более эффективной в случае ее осуществления комплексно и во взаимосвязи с другими службами и подразделениями. Деятельность должностного лица, осуществляющего расследование дорожно-транспортного преступления, должна быть организована, спланирована и упорядочена, что позволит получить необходимый результат и осуществить раскрытие преступления. Для достижения соответствующего результата правильная квалификация преступления и сбор доказательств при расследовании ДТП играют основополагающую роль.

Особое внимание следует уделить предупреждению правонарушений, совершаемых лицами в состоянии опьянения. Такие правонарушители создают значительную угрозу общественной безопасности, их действия могут повлечь тяжкие последствия. Е.М. Павлик справедливо выделяет среди субъективных причин совершения правонарушений безответственное или потребительское, эгоистическое отношение к правилам безопасности на дорогах, личную недисциплинированность участников дорожного движения, низкий уровень их воспитания [8, с. 142-

143]. В связи с этим необходимо указать на низкий уровень правосознания участников дорожного движения.

В целях предупреждения ДТП и административных правонарушений сотрудниками органов внутренних дел проводятся различные оперативно-профилактические операции: «Технеисправность», «Нетрезвый водитель», «Безопасная дорога» (или «Пешеход»), «Скорость», «Молодой водитель», «Автобус» и др. Каждая операция включает в себя определенные задачи. Например, при реализации оперативно-профилактической операции «Скорость» обследуется улично-дорожная сеть для выявления искусственных неровностей, мест, на которых необходимо установить дорожные знаки, оборудовать или исправить уличное освещение, принять меры к устранению недостатков. Максимально используются технические средства видеофиксации нарушений.

Наряду с применением системы профилактических мер органами внутренних дел важную роль в предупреждении ДТП играет качественное оснащение дорог, наличие функциональных дорожных развязок и т.п. В.М. Палий и Е.И. Панасов утверждают, что «проблему профилактики ДТП следует решать, не только полагаясь на меры административного и уголовного воздействия, но и уделяя особое внимание качеству и количеству имеющихся, а также строящихся автомобильных дорог, их оснащению» [9, с. 164]. В последние годы данному направлению уделяется большое внимание.

Государством уделяется внимание проблеме обеспечения безопасности дорожного движения, в том числе совершенствуется законодательство, регламентирующее правоотношения в данной области. В 2021 году был изменен порядок приема экзамена на право управления транспортным средством с целью улучшения навыков вождения в условиях городского движения, в 2024 году изменены правила проведения экзаменов и выдачи водительских удостоверений (увеличилось количество баллов с 5 до 7, вычитаемых за допущенные нарушения при сдаче практического экзамена, и др.).

Помимо этого, значимой превентивной мерой в сфере безопасности дорожного движения является взаимодействие

Госавтоинспекции с обществом в качестве одной из разновидностей организационных мер. Она выражается в вовлечении в процесс выявления правонарушений в области безопасности дорожного движения граждан с помощью использования ими мобильного приложения «Народный инспектор» путем фиксации административного правонарушения и передачи материалов в Госавтоинспекцию. Такой механизм привлечения к административной ответственности апробирован и реализуется в г. Казани с 2014 года, позже стал использоваться и в других субъектах Российской Федерации. Безусловно, данную процедуру нельзя назвать совершенной вследствие того, что граждане не всегда присылают качественные фотоматериалы, на которых четко виден государственный регистрационный номер транспортного средства, знаки дорожного движения, предписывающие или запрещающие совершать те или иные действия, и пр. В итоге сотрудникам Госавтоинспекции сложно определить по таким фотоматериалам состав административного правонарушения. В связи с этим часть материалов с зафиксированными в приложении правонарушениями не находит своего применения из-за отсутствия доказательств. Тем не менее приложение имеет положительные черты: удобно в использовании; в нем фиксируются время совершения правонарушения и местоположение, что является обеспечением защиты файлов от фальсификации, по сравнению с полученными материалами с видеорегистраторов.

Вместе с тем лицо, управляющее транспортным средством, станет более дисциплинированным, если у него появится понимание, что совершенное им правонарушение будет зафиксировано и направлено для привлечения к ответственности, поскольку факт правонарушения фиксируется уже не стационарным средством фиксации, о расположении которого известно, а любым водителем или пешеходом, оказавшимся рядом и проявившим гражданскую сознательность [10, с. 36].

В 2024 году приложение было обновлено и представлено на международном It-форуме Kazan Digital Week*. В на-

стоящее время с помощью новой версии приложения граждане могут не только сообщить о правонарушении, но и получить за данное сообщение вознаграждение, сумма которого будет зависеть от тяжести правонарушения и соответствующей назначенной суммы штрафа. Предполагается, что получение компенсации повысит социальную активность населения и будет способствовать предотвращению совершения правонарушений.

Заключение

Таким образом, рассмотренные превентивные меры полиции играют важную роль в обеспечении безопасности участников дорожного движения. Анализ деятельности органов внутренних дел по обеспечению безопасности дорожного движения показал, что в последние годы ими проводилась значительная работа по ее совершенствованию и усилению профилактических мер, что привело к улучшению показателей состояния безопасности дорожного движения. Существенное значение в этих изменениях имеет развитие системы контроля за дорожным движением: установка сети камер фиксации нарушений, улучшение качества дорог и активная работа с «ключевыми» участниками движения. Существующий комплекс мероприятий по безопасности дорожного движения направлен на повышение защищенности населения, однако эффективность указанного комплекса мероприятий пока не достигла желаемого результата.

Такое положение свидетельствует о важности превенции в области безопасности дорожного движения. Профилактическая деятельность Госавтоинспекции должна оставаться основной в комплексном подходе к обеспечению безопасности дорожного движения. Многогранность реализации мер предупреждения характеризуется большим количеством применяемых правовых и организационных мер. К правовым мерам относятся административно-правовые, гражданско-правовые, уголовно-правовые, оперативно-розыскные меры. К организационным мерам – массово-разъяснительные, инженерно-технические меры, меры информационного обеспечения, внесение представлений в соответствующие инстанции, постоянный рейд, наблюдение за соблю-

* В Казани показали приложение «Народный инспектор» для сообщений о нарушениях ПДД // Рос. газ. URL: <https://rg.ru/>

днем участниками дорожного движения требований российского законодательства о безопасности дорожного движения и др. При этом следует отметить, что из всего комплекса предупредительных мер органами внутренних дел чаще всего применяются административно-правовые меры принуждения.

Современные подходы к безопасности дорожного движения требуют учета

множества факторов: от состояния инфраструктуры до поведения участников движения. Вместе с тем немаловажную роль в предупреждении ДТП играет активная позиция граждан, фиксирующих правонарушения. Практика показывает, что без согласованной работы всех заинтересованных сторон невозможно кардинально улучшить ситуацию на дорогах и решить проблемы безопасности.

Список источников

1. Майоров В.И. Дорожно-транспортные правонарушения как объект междисциплинарного исследования // Евразийский юридический журнал. 2015. N 2. С. 102-105.
2. Майоров В.И., Денисенко В.В. Профилактика нарушений обязательных требований при осуществлении федерального государственного надзора в области безопасности дорожного движения // Вестник Сибирского юридического института МВД России. 2020. N 2. С. 15-21.
3. Рыжкина Е.С., Пирожков Р.В. Анализ причин дорожно-транспортных происшествий с участием молодых водителей // Инженерный вестник Дона. 2012. N 4-1. С. 73-75.
4. Полякова С.В. К вопросу о подготовке водителей // Вестник Челябинского государственного университета. 2015. N 17. С. 52-57.
5. Майоров В.И. К вопросу об основных направлениях государственной политики в области обеспечения безопасности дорожного движения // Современная наука. 2021. N 2. С. 22-25.
6. Епифанов Ю.А. Зарубежный опыт организации безопасности дорожного движения // Бизнес в законе. 2011. N 11. С. 152-154.
7. Мидловец М.В. Усиление эффективности борьбы с дорожной преступностью путем совершенствования системы наказаний за дорожно-транспортные правонарушения // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Юридические науки. 2017. Т. 3. N 3. С. 140-145.
8. Павлик Е.М. Профилактика преступлений, связанных с нарушением правил дорожного движения в состоянии алкогольного опьянения (ст. 264 УК РФ) // Система профилактики преступности: современное состояние, проблемы и перспективы развития: материалы ежегодного межведомственного круглого стола. Санкт-Петербург, 2017. С. 141-145.
9. Палий В.М., Панасов Е.И. Нормативно-правовое регулирование профилактики дорожно-транспортных происшествий // Вестник Московского университета МВД России. 2022. N 4. С. 162-165.
10. Казаченок В.В. Меры административного пресечения в обеспечении безопасности дорожного движения // Ученые записки Казанского юридического института МВД России. 2022. Т. 7. N 2. С. 33-38.

References

1. Mayorov V.I. Road traffic offenses as an object of interdisciplinary research. Eurasian Law Journal, 2015, no. 2, pp. 102-105. (In Russ.).
2. Mayorov V.I., Denisenko V.V. Prevention of Violations of Mandatory Requirements in the Implementation of Federal State Supervision in the Field of Road Safety. Bulletin of the Siberian Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2020, no. 2, pp. 15-21. (In Russ.).
3. Ryzhkina E.S., Pirozhkov R.V. Analysis of the causes of road accidents involving young drivers. Engineering Bulletin of the Don, 2012, no. 4-1, pp. 73-75. (In Russ.).
4. Polyakova S.V. On the issue of driver training. Bulletin of the Chelyabinsk State University, 2015, no. 17, pp. 52-57. (In Russ.).
5. Mayorov V.I. On the issue of the main directions of state policy in the field of ensuring road safety. Modern science, 2021, no. 2, pp. 22-25. (In Russ.).
6. Epifanov Yu.A. Foreign experience in organizing road safety. Business in law, 2011, no. 11, pp. 152-154. (In Russ.).
7. Midlovet M.V. Strengthening the effectiveness of the fight against road crime by improving the punishment system for road traffic offenses. Scientific Notes of the Crimean Federal University named after V.I. Vernadsky. Legal sciences, 2017, vol. 3, no. 3, pp. 140-145. (In Russ.).
8. Pavlik E.M. Prevention of crimes related to violation of traffic rules while intoxicated (Article 264 of the Criminal Code of the Russian Federation). Crime prevention system: current state, problems and development prospects. St. Petersburg, 2017. Pp. 141-145. (In Russ.).
9. Paliy V.M., Panasov E.I. Normative-legal regulation of prevention of road accidents. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2022, no. 4, pp. 162-165. (In Russ.).
10. Kazachenok V.V. Administrative restraint measures in ensuring road safety. Scientific notes of the Kazan Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2022, vol. 7, no. 2, pp. 33-38. (In Russ.).

Раздел 6. Экспертно-криминалистическое обеспечение правоохранительной деятельности

Научная специальность: 5.1.4

Преступления против семьи и несовершеннолетних как объект криминалистического познания

Арби Русланович Акиев,

кандидат юридических наук, Санкт-Петербургский университет МВД России, Санкт-Петербург, Россия, Melhi530@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6540-9606>

Аннотация. Статья посвящена криминалистическому исследованию преступлений против семьи и несовершеннолетних. Анализируются различные подходы к систематизации данной группы преступлений в рамках отдельных уголовно-правовых наук, акцентируется внимание на деятельностном подходе, который рассматривается как основной для криминалистики. Делается вывод о том, что изучения преступлений лишь через их состав недостаточно для решения всех криминалистических задач по их раскрытию, расследованию и предупреждению. С учетом иных криминалистически значимых признаков к группе преступлений против семьи и несовершеннолетних автором отнесены деяния, предусмотренные нормами, включенными в главу 20 и другие главы Уголовного кодекса Российской Федерации. Последующий анализ преступлений против семьи и несовершеннолетних с позиции системно-деятельностного подхода позволил выделить ключевые элементы рассматриваемой преступной деятельности: объект преступного посягательства, жертва и особенности ее отношений с преступником, субъект и мотивация преступника, а также способ, обстановка, место и время совершения преступления. При многоэпизодных преступлениях возможны деяния с иными объектами и исполнителями, необходимыми для достижения основного результата, – преступления против интересов семьи и несовершеннолетних.

Ключевые слова: преступления против семьи, преступления против несовершеннолетних, системно-деятельностный подход, объект криминалистического познания, структура преступной деятельности, механизм преступления

Для цитирования: Акиев А.Р. Преступления против семьи и несовершеннолетних как объект криминалистического познания // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2024. N 4 (70). С. 74-81.

Crimes against the family and minors as an object of forensic knowledge

Arbi R. Akiev,

Candidate of Legal Sciences, Saint Petersburg University of the Ministry of the Interior of the Russian Federation, Saint Petersburg, Russia, Melhi530@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6540-9606>

Abstract. The article is devoted to the forensic study of the crimes against the family and minors. Different approaches to systematizing this group of crimes within the separate criminal legal sciences are analyzed. The author focuses on the activity approach, which is regarded as a main approach for forensic science. It is concluded that studying crimes only through their composition is not enough to solve all forensic tasks of their detection, investigation and prevention. Given the other important forensic features, the author attributes the acts, stipulated by the norms included in Chapter 20 and other chapters of the Russian Criminal Code, to the group of crimes against the family and minors. Basing on the further analysis of this group of crimes from the point of the system-activity approach, the key elements of the criminal activity under consideration are determined: object of criminal violation, victim and features of his/her relation with the perpetrator, subject and perpetrator's motivation, as well as way, situation, place and time of committing a crime. It is stated that in case of multiple-episode crimes, there can be acts with other objects and perpetrators necessary to achieve the main result, – crimes against the interests of the family and minors.

Keywords: crimes against the family, crimes against minors, system-activity approach, object of forensic knowledge, structure of criminal activity, crime mechanism

For citation: Akiev A.R. Crimes against the family and minors as an object of forensic knowledge // Legal Science and Law Enforcement Practice. 2024. No. 4 (70). P. 74-81.

Введение

Преступления против семьи и несовершеннолетних являются объектом познания различных наук уголовно-правового цикла: уголовного права, криминологии, криминалистики, оперативно-розыскной деятельности. Каждая из этих наук подходит к изучению этого объекта с учетом собственных задач и на основе своей методологии. Как следствие, познание различными правовыми науками преступлений различных групп и видов имеет существенные особенности.

Современная криминалистика подходит к изучению своего объекта как определенных сфер человеческой деятельности: преступной (уголовно-релевантной) и криминалистической (по раскрытию, расследованию и предупреждению преступлений). В связи с этим Н.П. Яблоков характеризует объект познания криминалистики как «двуединый», подчеркивая, что преступная деятельность при этом «включает в себя все роды, виды и группы преступлений, предусмотренные уголовным законом» [1, с. 15]. Именно по этой причине деятельностный (системно-деятельностный) подход к криминалистическому познанию преступлений против семьи и несовершеннолетних можно определять как основной, а сами преступления — как специфическую разновидность (группу, виды) преступной деятельности. Такой подход имеет не только научное, но и прикладное значение для правоохранительной практики. Как справедливо подчеркивается в криминалистической литературе, определение специфики криминалистического понимания преступления как деятельности, исходя из конечных целей его изучения, должно в итоге обеспечивать эффективную организацию и собственно осуществление раскрытия и расследования преступлений [2, с. 66].

Основная часть

Использование деятельностного подхода в изучении преступлений против семьи и несовершеннолетних во многом

подтверждает высказанные учеными-криминалистами суждения о том, что объект криминалистического познания всегда шире объекта уголовно-правового исследования с учетом того, что в уголовном праве преступление рассматривается через его понятие и состав, а в криминалистике — в соответствии с изучением преступного поведения [3, с. 144; 4, с. 34]. С точки зрения А.Ю. Головина, изучение преступлений только через их состав не позволяет должным образом решать весь спектр криминалистических задач, не отражает в полной мере особенности отдельных видов преступлений, без познания которых вряд ли можно разрабатывать рекомендации по их раскрытию, расследованию и предупреждению [5, с. 67].

Как следствие, в современной криминалистике преступление рассматривается не только в уголовно-правовом понимании, но и в ряде случаев как определенное событие или ситуация, возможно, имеющие криминальный характер [6, с. 27; 7, с. 32; 8, с. 3 и др.]. Это уточнение имеет важное значение как в вопросе изучения преступлений против семьи и несовершеннолетних, так и в процессах криминалистического обеспечения их раскрытия, расследования и предупреждения. Очевидно, что на начальном этапе следователь (дознатель) изучает событие, возможно, являющееся преступлением против семьи или несовершеннолетних. Уже на стадии возбуждения уголовного дела или в ходе дальнейшего расследования может быть установлено отсутствие события или состава преступления, что повлечет за собой соответствующие правовые последствия (вынесение постановления об отказе в возбуждении уголовного дела или прекращении уголовного дела). Однако для установления таких обстоятельств следователем применяется весь комплекс криминалистических средств и методов выявления и расследования преступлений, что ставит перед криминалистикой соответствующие

задачи по их разработке и постоянному совершенствованию.

Например, в ноябре 2017 г. было возбуждено уголовное дело по п. «в» ч. 2 ст. 105 УК РФ по факту обнаружения трупа малолетнего ребенка женского пола с признаками насильственной смерти. В ходе расследования правоохранительными органами было установлено, что к совершению преступления причастна 14-летняя несовершеннолетняя, являвшаяся матерью новорожденного ребенка и совершившая его убийство сразу после родов, в связи с чем преступление было переклассифицировано на ст. 106 УК РФ. Однако после производства всех необходимых следственных и процессуальных действий уголовное дело было прекращено из-за отсутствия состава преступления – недостижения возраста уголовной ответственности*.

Кроме того, изучение с криминалистических позиций преступлений против семьи и несовершеннолетних позволяет выделять в структуре такой деятельности не только уголовно наказуемые деяния, но и другие действия, совершаемые на стадии подготовки, непосредственного совершения преступления или на посткриминальном этапе, связанные с ними процессы и явления, познание которых имеет значение для разработки средств и методов повышения эффективности и результативности работы органов предварительного расследования и других субъектов криминалистической деятельности по раскрытию, расследованию и предупреждению таких деяний. В качестве примера следует привести изучение и описание типичных следов рассматриваемой преступной деятельности, обстоятельств, способствующих совершению преступлений против семьи и несовершеннолетних, поведения жертв преступлений, особенностей влияния семейных отношений на действия в связи с подготовкой, совершением, сокрытием преступлений, другое посткриминальное поведение. Как верно отмечается исследователями, посткриминальная деятельность также выступает объектом криминалистического научного познания [9, с. 12].

* Архив Следственного отдела по Симферопольскому району Главного следственного управления СК России по Республике Крым за 2017 г.

Кроме того, применение системно-деятельностного подхода к изучению преступлений против семьи и несовершеннолетних позволяет познавать и описывать криминалистические особенности совершения не только единичных деяний, но и многоэпизодной, организованной и транснациональной преступной деятельности. Результаты проведенного исследования свидетельствуют о том, что такая преступная деятельность выступала объектом предварительного расследования более чем в 30 % случаев, информация о которых содержится в материалах изученных уголовных дел**.

Также представляется, что в ходе криминалистического исследования преступлений против семьи и несовершеннолетних их не следует ограничивать исключительно деяниями, предусмотренными нормами главы 20 УК РФ. Преступления, объектом которых выступают семейные отношения, объединенные интересами членов семьи, установленный законодательством порядок функционирования семьи как социально-юридического института, права и законные интересы несовершеннолетних, включают в себя значительно более широкий круг деяний, предусмотренных уголовным законодательством Российской Федерации. При этом с криминалистической позиции не имеет принципиального значения, является ли указанный объект уголовно-правовой охраны основным или дополнительным (факультативным).

Как следствие, к группе преступлений против семьи и несовершеннолетних, выступающих объектом криминалистического познания с учетом объекта уголовно-правовой охраны, целесообразно относить:

1) деяния, предусмотренные нормами, содержащимися в главе 20 УК РФ:

– посягающие на интересы несовершеннолетних и совершеннолетних нетрудоспособных детей (ст.ст. 150, 151, 151.1, 151.2, 154, 156 и ч. 1 ст. 157);

– посягающие на интересы семьи (ст.ст. 153 и 155);

** Изучено 107 материалов уголовных дел о преступлениях против семьи и несовершеннолетних.

— посягающие на имущественные права родителей как отдельных носителей субъективного права (ч. 2 ст. 157);

2) деяния, предусмотренные нормами, содержащимися в других главах УК РФ, независимо от родового (видового) объекта охраны:

— посягающие на интересы несовершеннолетних. К данной группе следует относить все квалифицированные или специальные составы преступлений, направленные на защиту интересов несовершеннолетних как отдельной категории лиц (например, п. «в» ч. 2 ст. 105, ст. 106, п. «а» ч. 2 ст. 110, п. «а» ч. 3 ст. 110.1, п. «д» ч. 2 ст. 127, ст.ст. 134, 242.1, и ряд других статей);

— посягающие на объединенные интересы членов семьи (например, ст. 137 в случае разглашения семейной тайны, затрагивающей интересы нескольких членов семьи, ст. 145, ч. 4 ст. 159 в случае, если в результате мошенничества права на жилое помещение лишаются все члены семьи, и ряд других статей).

Кроме того, среди критериев, позволяющих консолидировать преступления против семьи и несовершеннолетних в единый объект криминалистического познания, можно выделить специфику отношений в семье и их влияние на рассматриваемую преступную деятельность. Автором настоящей статьи ранее было отмечено, что семья с позиции криминалистики может рассматриваться как объединение лиц, находящихся в правовых или иных близких связях и отношениях между собой, имеющих криминалистически значимые особенности при выделении и описании объекта, субъектов и жертв преступлений против семьи, внутри семьи, способов их совершения и сокрытия, места и обстановки их совершения и других значимых элементов механизма рассматриваемой преступной деятельности [10, с. 37]. На наличие особенностей криминалистического познания семьи и семейных отношений во взаимосвязи с преступлениями рассматриваемой группы и их исследованием указывалось также другими учеными-криминалистами [11, с. 77].

Необходимо отметить, что специфика интересов семьи и семейных отношений в их взаимосвязи с рассматриваемой преступной деятельностью позволяет го-

ворить о криминалистически значимых и схожих признаках жертв таких преступлений (потерпевших), особенностях их поведения и отношений с субъектами преступных деяний. Этот критерий также является значимым при определении круга преступлений против семьи и несовершеннолетних, составляющих объект криминалистического познания.

Системно-деятельностный подход к познанию преступлений против семьи и несовершеннолетних позволяет рассматривать эту преступную деятельность как систему определенного типа, уточнять и описывать ее элементы, а также закономерные связи между ними. Более того, системные исследования преступлений отдельных групп и видов должны выступать обязательной составляющей их криминалистического познания. Очевидно, что разработка криминалистической характеристики преступлений против семьи и несовершеннолетних, совершенствование криминалистических характеристик отдельных видов таких деяний должны проводиться с учетом системы рассматриваемой преступной деятельности. Следует согласиться с мнением А.В. Дулова о том, что одной из причин суждений отдельных авторов (например, Р.С. Белкина) о кризисе теории криминалистической характеристики преступлений выступило несоответствие предлагаемых в научной литературе криминалистических характеристик принципам системного и деятельностного подходов [12, с. 73].

В науковедческой и психологической литературе представлены различные точки зрения относительно структуры человеческой деятельности, в том числе в генетическом, функциональном, динамическом и системном аспектах. В соответствии с последним, как правило, человеческая деятельность рассматривается как совокупность различных элементов, включая субъекта и объекта деятельности и связей между ними. Данные связи представляют собой многообразные сочетания различных отношений и действий. В целом с указанных позиций преступную деятельность изучает и криминалистическая наука.

При этом учеными-криминалистами предлагается несколько теоретических подходов к определению системы (струк-

туры) преступной деятельности и ее элементов. Например, Л.Д. Самыгин полагает, что элементами в системе преступной деятельности являются: субъекты преступления; участники преступления; цель и мотив; действия и методы, приемы, способы и средства совершения преступлений; предмет преступного посягательства; потерпевший; результат преступления; место преступления; время преступления; обстановка преступления [13, с. 15].

В концепции В.А. Образцова элементами преступлений выступают: субъект (субъекты), объект воздействия, мотив, цель, задачи, средства достижения цели, механизм (технология) реализации цели, результат преступления (последствия и следы); временные и пространственные характеристики; обстановка [14, с. 31].

Н.П. Яблоковым предложена следующая структура преступной деятельности (преступления): субъекты (основные и второстепенные участники деяний); предмет (жертва) посягательства; его цель (вся субъективная сторона состава преступления); само преступное поведение (способы и средства, уловки и ухищрения, используемые преступниками); обстановка совершения (все окружающие субъекта условия, в которых совершается преступная деятельность); результат (физический, имущественный и моральный ущерб, причиненный охраняемым законом субъектам) [1, с. 16].

Несмотря на определенные отличия в представленных теоретико-криминалистических концепциях системы (структуры) преступной деятельности, можно сделать вывод, что круг составляющих ее элементов шире уголовно-правового состава преступления. Данный вывод применим и к системе (структуре) преступной деятельности против семьи и несовершеннолетних.

Следует отметить, что система рассматриваемой преступной деятельности, с учетом особенностей составляющих ее элементов, может структурно отличаться (имеет вариативность) применительно к отдельным видам и подвидам преступлений против семьи и несовершеннолетних. В частности, при совершении рассматриваемых деяний высокотехнологичными способами в структуре такой преступной

деятельности особое место занимают орудия и средства их подготовки, совершения и сокрытия, а именно компьютерная техника, программное обеспечение, телекоммуникационные и другие цифровые технологии.

Например, в мае 2022 г. С., находясь в неопределенном месте, умышленно, с целью вовлечения несовершеннолетнего в преступную группу, в мессенджере Telegram с использованием информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» размещал объявление о поиске кандидата для работы курьером. В последующем С. предложил несовершеннолетнему Д. совместно совершать хищение денежных средств у неопределенного числа пожилых людей в составе преступной группы, пообещав ему совместное распоряжение похищенными деньгами, на что Д. согласился*.

В связи с этим представляется целесообразным определить базовую структуру преступной деятельности против семьи и несовершеннолетних характерной для единичного преступного деяния:

– непосредственный объект преступных посягательств, позволяющий относить такое деяние к рассматриваемой криминалистической группе преступлений;

– жертвы преступлений (потерпевшие) и их действия до, во время и непосредственно после совершения преступного деяния;

– субъекты преступлений против семьи и несовершеннолетних и их криминальная мотивация (мотивы и цели), а также организованные преступные формирования (группы, сообщества), причастные к рассматриваемой преступной деятельности, распределение криминальных функций в процессе преступной деятельности между членами таких формирований;

– способ преступления как комплекс действий по подготовке, совершению и сокрытию такого деяния в рамках единого криминального замысла действия, орудия и средства, использованные для достижения преступного результата;

* Приговор Советского районного суда г. Астрахани (Астраханская область) № 1-338/2023 от 17 авг. 2023 г. по делу № 1-150/2023 // Судебные и нормативные акты РФ: сайт. URL: <https://sudact.ru/>

– обстановка, место и время совершения преступления против семьи и несовершеннолетних.

При многоэпизодном характере преступной деятельности против семьи и несовершеннолетних ее система существенно усложняется. В структуру такой деятельности могут входить преступления против семьи и несовершеннолетних, а также деяния, совершаемые различными лицами в рамках общего криминального замысла. Например, действия по изготовлению и обороту материалов или предметов с порнографическими изображениями несовершеннолетних (ст. 242.1 УК РФ) может предшествовать осуществляемая в указанных целях преступная деятельность по изготовлению, получению таких фото- и видеоизображений несовершеннолетнего.

В частности, 28 сентября 2020 г. Р., используя персональный компьютер и свою страницу в социальной сети, вступив в переписку с ранее ему знакомой несовершеннолетней В., получил от последней фотографии интимного характера. 6 сентября 2022 г. Р. был осужден Семеновским районным судом Нижегородской области по ч. 1 ст. 135 УК РФ за развратные действия в отношении несовершеннолетней. В период производства в отношении его предварительного расследования Р. с целью отомстить В. за ее правовую позицию по уголовному делу, данные ей правдивые и изобличающие Р. показания, которые затем были положены в основу указанного приговора, разместил ранее полученные от нее фотографии интимного характера на созданной им странице в социальной сети. Тем самым совершил преступление, предусмотренное п. «г» ч. 2 ст. 242.1 УК РФ*.

В качестве примера структуры многоэпизодной преступной деятельности следует привести действия матери малолетнего ребенка, признанной судом виновной в совершении преступлений, предусмотренных п. «г» ч. 2 ст. 117, ст.ст. 125 и 156 УК РФ. Нигде не работающая и не состоящая в браке осужденная, ложно понимая

* Приговор Семеновского районного суда (Нижегородская область) N 1-5/2024 1-98/2023 от 26 янв. 2024 г. по делу N 1-5/2024 // Судебные и нормативные акты РФ: сайт. URL: <https://sudact.ru/>

свои обязанности по воспитанию ребенка, систематически избивала своего сына из-за его плача, который в силу малолетнего возраста, а также имеющихся заболеваний (тяжелая умственная отсталость, эпилептическая энцефалопатия) не был способен защитить себя или оказать какое-либо сопротивление. Кроме того, осужденная, игнорируя свои обязанности по воспитанию и развитию детей, заботе о них, об их здоровье, физическом, психическом, духовном и нравственном развитии, неоднократно оставляла сына, находящегося в беспомощном состоянии, одного без помощи и присмотра по месту проживания, осознавая, что ребенок не способен позаботиться о себе, самостоятельно ходить и принимать пищу, а также то, что во время приступов эпилепсии он может получить телесные повреждения и любые непредсказуемые последствия, вплоть до смертельного исхода**.

В общую структуру сложной преступной деятельности против семьи и несовершеннолетних могут входить преступления, имеющие иной объект, а иногда и совершенные другими лицами, но при этом выступающие необходимым звеном, обеспечивающим достижение основного преступного результата. В частности, деяния по разглашению тайны усыновления, другой семейной тайны (ст.ст. 155 и 137 УК РФ) могут предшествовать преступления, связанные с неправомерным доступом к компьютерной информации (ст. 272 УК РФ). Примером являются действия сотрудника фирмы-оператора мобильной связи, который с использованием служебного положения совершал неправомерный доступ и копирование компьютерной информации, содержащей сведения о частной жизни абонентов, составляющих их личную и семейную тайну, и за вознаграждение передавал эти сведения третьим лицам в целях последующего разглашения***.

Исследуя преступления против семьи и несовершеннолетних как объект крими-

** Приговор Щучанского районного суда (Курганская область) от 2 нояб. 2023 г. по делу N 1-55/2023 // Там же.

*** Приговор Индустриального районного суда г. Ижевска (Удмуртская Республика) от 26 янв. 2024 г. по делу N 1-151/2024 // Там же.

налистического научного познания, представляется важным проанализировать соотношение структуры рассматриваемой преступной деятельности и ее механизма. Исходя из представленных в криминалистической литературе основных определений и концепций механизма преступления [см., например: 15; 16; 17; 18; 19], можно сделать вывод о том, что структурно рассматриваемая преступная деятельность и ее механизм во многом схожи. При этом механизм преступлений против семьи и несовершеннолетних отражает закономерные особенности динамического и функционального взаимодействия элементов, составляющих эту преступную деятельность (особенно преступников, жертв и способов таких преступлений, обстановки и других элементов), при умышленном стремлении совершающих такие деяния лиц к достижению преступного результата. Этот вывод в полной мере коррелирует с позицией ученых-криминалистов, подчеркивающих, что любая преступная деятельность является системой, функционирующей под влиянием определенных закономерностей, свойственных процессу ее подготовки, совершения и сокрытия, и отражению всех этих сторон преступной деятельности во вне в виде следов-последствий [19, с. 27].

Заключение

Таким образом, преступления против семьи и несовершеннолетних как объект криминалистического познания должны изучаться с позиций деятельностного подхода, а именно как умышленная преступная деятельность, посягающая на семейные отношения, объединенные интересы членов семьи, установленный за-

конодательством порядок функционирования семьи как социально-юридического института, права и законные интересы несовершеннолетних. Рассматриваемая преступная деятельность может включать в себя единичное преступление либо множество однородных или разнородных преступлений, иметь организованный или транснациональный характер.

В процессе криминалистического познания преступлений против семьи и несовершеннолетних, структуры такой преступной деятельности и ее механизма формируется система криминалистически значимых сведений о них. На научном уровне эти сведения, собираемые на основе обширных эмпирических исследований, получают обобщение (типизацию) при формировании или актуализации криминалистической характеристики анализируемой группы преступлений или их отдельных видов.

Практическое познание рассматриваемой преступной деятельности предполагает собирание криминалистически значимой информации об обстоятельствах расследуемого деяния и ее использовании в доказывании по уголовному делу, версионной работе, а также в решении розыскных и других криминалистических задач. Криминалистическая наука, в свою очередь, должна обеспечивать следователей и других сотрудников правоохранительных органов современными средствами и методами ведения поисково-познавательной деятельности, доказывания и предупреждения преступлений против семьи и несовершеннолетних на основе результатов их криминалистического познания.

Список источников

1. Криминалистика / под ред. Н.П. Яблокова. Москва, 1999. 371 с.
2. Коновалов С.И., Маркова-Мурашова С.А. Преступная деятельность как объект криминалистического познания // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. 2016. N 3-2. С. 60-70.
3. Колдин В.Я. Актуальные вопросы теории и методологии криминалистики // Методологические и теоретические проблемы юридической науки: сборник научных трудов. Москва: Моск. ун-т, 1986. С. 140-158.
4. Чиненов Е.В. Теоретические основы и практика расследования преступлений в сфере экономики, совершаемых на железнодорожном транспорте и объектах его инфраструктуры: дис. ... д-ра юрид. наук. Москва, 2024. 553 с.
5. Головин А.Ю. Системные средства и методы в криминалистической науке. Тула: Изд-во Тульского гос. ун-та, 2013. 341 с.
6. Гаврилин Ю.В. Расследование преступлений, посягающих на информационную безопасность в сфере экономики: теоретические, организационно-тактические и методические основы: дис. ... д-ра юрид. наук. Москва, 2009. 404 с.

7. Головин А.Ю. Базовые криминалистические классификации преступлений // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. 2013. N 2-2. С. 31-40.

8. Ким Д.В. Проблемы теории и практики разрешения криминалистических ситуаций в процессе раскрытия, предварительного расследования и судебного рассмотрения уголовных дел: дис. ... д-ра юрид. наук. Омск, 2009. 428 с.

9. Андреев А.С. Посткриминальная деятельность как объект познания в криминалистике и практике расследования преступлений: дис. ... д-ра юрид. наук. Ростов-на-Дону, 2020. 654 с.

10. Акиев А.Р. Семья как объект криминалистического исследования // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. 2023. N 3. С. 37-44.

11. Куемжиева С.А. Концептуальные основы групповой методики расследования преступлений против семьи и несовершеннолетних: дис. ... д-ра юрид. наук. Краснодар, 2020. 496 с.

12. Дулов А.В. Основы исследования объектов криминалистики // Криминалистика / под ред. А.В. Дулова. Минск, 1996. 370 с.

13. Самыгин Л.Д. Расследование преступлений как система деятельности. Москва: МГУ, 1989. 182 с.

14. Образцов В.А. Криминалистика (курс лекций). Москва, 1996. 447 с.

15. Белкин Р.С. Общая теория советской криминалистики. Саратов, 1986. 397 с.

16. Криминалистика социалистических стран / под ред. В.Я. Колдина. Москва: Юрид. лит., 1986. 517 с.

17. Кирсанов З.И. Криминалистическое учение о механизме преступления. Москва, 1994. 355 с.

18. Веренич И.В., Кустов А.М., Прошин В.М. Криминалистическая теория механизма преступления. Москва: Юрлитинформ, 2014. 636 с.

19. Яблоков Н.П., Головин А.Ю. Криминалистика: природа, система, методологические основы. Москва: Норма, 2009. 287 с.

References

1. Forensics. Moscow, 1999. 371 p. (In Russ.).
2. Konovalov S.I., Markova-Murashova S.A. Criminal activity as an object of forensic knowledge. Proceedings of Tula State University. Economic and legal sciences, 2016, no. 3-2, pp. 60-70. (In Russ.).
3. Koldin V.Ya. Current issues in the theory and methodology of forensic science. Methodological and theoretical problems of legal science. Moscow, Moscow University, 1986. Pp. 140-158. (In Russ.).
4. Chinenov E.V. Theoretical foundations and practice of investigating crimes in the field of economics committed on railway transport and its infrastructure facilities. Doct. Diss. Moscow, 2024. 553 p. (In Russ.).
5. Golovin A.Yu. System tools and methods in forensic science. Tula, Publishing House of Tula State University, 2013. 341 p. (In Russ.).
6. Gavrilin Yu.V. Investigation of crimes encroaching on information security in the field of economics: theoretical, organizational, tactical and methodological foundations. Doct. Diss. Moscow, 2009. 404 p. (In Russ.).
7. Golovin A.Yu. Basic criminalistic classifications of crimes. Proceedings of Tula State University. Economic and legal sciences, 2013, no. 2-2, pp. 31-40. (In Russ.).
8. Kim D.V. Problems of theory and practice of solving forensic situations in the process of disclosure, preliminary investigation and judicial review of criminal cases. Doct. Diss. Omsk, 2009. 428 p. (In Russ.).
9. Andreev A.S. Post-criminal activity as an object of knowledge in forensic science and crime investigation practice. Doct. Diss. Rostov-on-Don, 2020. 654 p. (In Russ.).
10. Akiev A.R. Family as an object of forensic research. Proceedings of Tula State University. Economic and legal sciences, 2023, no. 3, pp. 37-44. (In Russ.).
11. Kuemzhieva S.A. Conceptual foundations of a group methodology for investigating crimes against the family and minors. Doct. Diss. Krasnodar, 2020. 496 p. (In Russ.).
12. Dulov A.V. Fundamentals of the study of criminalistics objects. Criminalistics. Minsk, 1996. 370 p. (In Russ.).
13. Samygin L.D. Investigation of crimes as a system of activity. Moscow, Moscow State University, 1989. 182 p. (In Russ.).
14. Obratstov V.A. Criminalistics (course of lectures). Moscow, 1996. 447 p. (In Russ.).
15. Belkin R.S. General theory of Soviet criminalistics. Saratov, 1986. 397 p. (In Russ.).
16. Forensic science of socialist countries. Moscow, Yuridicheskaya literature Publ., 1986. 517 p. (In Russ.).
17. Kirsanov Z.I. Criminalistic doctrine of the mechanism of crime. Moscow, 1994. 355 p. (In Russ.).
18. Verenich I.V., Kustov A.M., Proshin V.M. Criminalistic theory of the mechanism of crime. Moscow, Yurilitinform Publ., 2014. 636 p. (In Russ.).
19. Yablokov N.P., Golovin A.Yu. Criminalistics: nature, system, methodological foundations. Moscow, Norma Publ., 2009. 287 p. (In Russ.).

Раздел 7. Проблемы юридической науки и правоохранительной практики: взгляд молодых исследователей

Научная специальность: 5.1.2

Формы и методы профилактики административно-преюдиционного рецидива, применяемые в деятельности Госавтоинспекции

Андрей Владимирович Лупенков,

Тюменский институт повышения квалификации сотрудников Министерства внутренних дел Российской Федерации, Тюмень, Россия, lupenkovav@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8710-3568>

Аннотация. Статья посвящена актуальным вопросам осуществляемой сотрудниками Госавтоинспекции профилактики административно-преюдиционного рецидива. Отмечается, что взаимодействие сотрудника Госавтоинспекции с правонарушителем обладает определенной спецификой, вследствие этого при профилактике административно-преюдиционного рецидива не все формы профилактического воздействия, предусмотренные действующим законодательством, могут эффективно применяться. Для устранения данной проблемы предлагается внести изменения в Федеральный закон от 10 декабря 1995 г. N 196-ФЗ «О безопасности дорожного движения» и приказ МВД России от 2 мая 2023 г. N 264 «Об утверждении Порядка осуществления надзора за соблюдением участниками дорожного движения требований законодательства Российской Федерации о безопасности дорожного движения». Обосновывается вывод о том, что в деятельности Госавтоинспекции при профилактике административно-преюдиционного рецидива основной общей формой профилактического воздействия является правовое просвещение и правовое информирование, а основной специальной формой профилактического воздействия – профилактическая беседа.

Ключевые слова: профилактика правонарушений, административно-преюдиционный рецидив, форма профилактического воздействия, метод профилактического воздействия

Для цитирования: Лупенков А.В. Формы и методы профилактики административно-преюдиционного рецидива, применяемые в деятельности Госавтоинспекции // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2024. N 4 (70). С. 82-90.

Forms and methods of preventing administrative-prejudicial recidivism, applied in the State Traffic Inspectorate's activities

Andrey V. Lupenkov,

Tyumen Advanced Training Institute of the Ministry of the Interior of the Russian Federation, Tyumen, Russia, lupenkovav@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8710-3568>

Abstract. The article is devoted to the current issues of preventing administrative-prejudicial recidivism, carried out by the employees of the State Traffic Inspectorate. It is noted that the interaction of an employee of the State Traffic Inspectorate with an offender has a certain specificity, therefore not all forms of preventive influence, stipulated by the current legislation, can be effectively applied in preventing administrative-prejudicial recidivism. It is proposed to amend the Federal Law of December 10, 1995 N 196-FZ "On road safety" and the order of the Ministry of Internal Affairs of Russia dated May 2, 2023 N 264 "On approval of the Procedure of supervision of road users' compliance with the requirements of the Russian legislation on road safety" in order to eliminate this problem. It is concluded and substantiated that in the State Traffic Inspectorate's activities involving prevention of administrative-prejudicial recidivism the main general form of preventive influence is legal education and legal information, and the main special form of preventive influence is a preventive conversation.

Keywords: prevention of offences, administrative-prejudicial recidivism, form of preventive influence, method of preventive influence

For citation: Lupenkov A.V. Forms and methods of preventing administrative-prejudicial recidivism, applied in the State Traffic Inspectorate's activities // Legal Science and Law Enforcement Practice. 2024. No. 4 (70). P. 82-90.

По данным Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации, почти каждый пятый осужденный в период с 2021 по 2023 год был привлечен к уголовной ответственности за совершение административно-преюдиционного рецидива, то есть деяния, предусмотренного нормами Особенной части УК РФ, лицом, ранее подвергнутым административному наказанию за схожее деяние, когда в первом случае деяние является общественно вредным (административным правонарушением), а во втором или в третьем аналогичное деяние признается общественно опасным (преступлением). При этом около 30 % лиц, совершивших административно-преюдиционный рецидив в указанный период, были привлечены к уголовной ответственности по ст. 264.1 УК РФ «Управление транспортным средством в состоянии опьянения лицом, подвергнутым административному наказанию или имеющим судимость», по которой в 2021 году было осуждено 58 440 человек, в 2022 году – 55 602, в 2023 году – 37 838*. Несмотря на снижение количества указанных преступлений, тяжесть их последствий остается высокой. Например, каждое десятое дорожно-транспортное происшествие (далее – ДТП), совершенное с января по сентябрь 2024 года, произошло с участием водителей, находившихся в состоянии опьянения либо отказавшихся от прохождения медицинского освидетельствования на состояние опьянения. Погибшие в данных происшествиях составили более 1/5 от общего числа погибших в ДТП в рассматриваемый период**.

Анализ статистических данных позволяет предположить, что снижения ко-

* Сводные статистические сведения о состоянии судимости в Российской Федерации за 2021-2023 годы // Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации: официальный сайт. URL: <http://www.cdep.ru>

** Дорожно-транспортная аварийность в Российской Федерации за 9 месяцев 2024 года. Информационно-аналитический обзор. М.: НЦ БДД МВД России, 2024. С. 18.

личества лиц, привлеченных к уголовной ответственности за совершение административно-преюдиционного рецидива, не предполагается. В связи с этим профилактика и предупреждение указанного рецидива в области обеспечения безопасности дорожного движения по-прежнему являются актуальными направлениями деятельности сотрудников Госавтоинспекции.

В настоящее время в научной литературе, а также в нормативных правовых актах употребляются близкие по значению термины «предупреждение», «предотвращение», «пресечение» и «профилактика» преступлений и правонарушений. При этом термины «предупреждение» и «профилактика» могут использоваться как синонимы [1, с. 115] и как отдельные направления деятельности государства и органов внутренних дел в указанной сфере [2, с. 292-308]. Несмотря на то, что профилактика и предупреждение преступлений, в том числе преступлений с административной преюдицией, является одним из приоритетных направлений деятельности органов внутренних дел Российской Федерации, в настоящее время в уголовно-правовых науках терминологический и понятийный аппарат в данной сфере не унифицирован, что влечет за собой различное понимание и толкование положений нормативных правовых актов и в конечном итоге препятствует эффективной деятельности правоохранительных органов.

Например, отсутствует общепринятое определение понятия «предупреждение преступлений», вместе с тем имеется несколько подходов к его определению в уголовно-правовых науках. А.И. Алексеев предупреждение преступности определяет как сложный, многоаспектный процесс, в значительной мере упреждающий саму возможность совершения преступлений. При этом элементы указанного процесса А.И. Алексеев выделяет следующим образом: по уровню – общесоциальное (общее) и специально-криминологическое (специальное) предупреждение преступности; по масштабу применения – обще-

государственные меры, относящиеся к большим социальным группам, и меры предупреждения, относящиеся к отдельным объектам или микрогруппам, а также индивидуальные; по содержанию – экономические, политические, социальные, организационно-управленческие, культурно-воспитательные, правовые и другие меры; по этапам – профилактика, предотвращение и пресечение [3, с. 115-121].

А.И. Долгова считает, что предупреждение преступности – это целенаправленное воздействие государства, общества, физических и юридических лиц на процессы детерминации и причинности преступности в целях недопущения вовлечения в преступность новых лиц, совершения новых криминальных деяний, расширения криминализации общественных отношений [4, с. 275].

С.С. Симонова определяет предупреждение преступности как одну из форм борьбы с преступностью, представляющую собой совокупность взаимосвязанных мер и мероприятий, осуществляемых посредством специальной деятельности ее субъектов, которые обеспечивают контроль за лицами, подлежащими профилактическому воздействию или совершившими преступления, а также устранение или нейтрализацию причин и условий преступности [5, с. 5].

До августа 2023 г. понятие предупреждения преступлений рассматривалось в узком смысле, поскольку в п. 1 Инструкции о деятельности органов внутренних дел по предупреждению преступлений, утвержденной приказом МВД России от 17 января 2006 г. N 19 «О деятельности органов внутренних дел по предупреждению преступлений», содержалось положение о предупреждении преступлений органами внутренних дел как деятельности служб, подразделений и сотрудников органов внутренних дел, осуществляемой в пределах их компетенции, направленной на недопущение преступлений путем выявления, устранения или нейтрализации причин, условий и обстоятельств, способствующих их совершению, оказания профилактического воздействия на лиц с противоправным поведением*. В отменившем указанный нор-

мативный правовой акт приказе МВД России от 24 августа 2023 г. N 619 «О некоторых организационных вопросах деятельности органов внутренних дел Российской Федерации по профилактике правонарушений» определение понятия профилактики и предупреждения преступности не приводится**.

Подходы к формулированию дефиниции «профилактика правонарушений» также различны. Например, Л.М. Прокументов и А.В. Шеслер полагают, что профилактика правонарушений является многоаспектной задачей и ее решение возможно только путем целенаправленного и солидарного воздействия мер экономического, социального, политического, идеологического, духовно-нравственного характера, которые будут способствовать укреплению антикриминогенного потенциала общества [6, с. 201].

Г.А. Майстренко, рассматривая вышеуказанное определение, содержащееся в Федеральном законе от 23 июня 2016 г. N 182-ФЗ «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации», формулирует вывод о том, что под профилактикой понимается совокупность мер социального, правового, организационного и иного характера [7, с. 120-121].

С.С. Чернова под профилактикой понимает совокупность превентивных мер, направленных на сохранение и укрепление нормального состояния правопорядка, считая термины «профилактика» и «предупреждение» синонимами [8, с. 1103].

В статье 2 Федерального закона от 23 июня 2016 г. N 182-ФЗ «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации» (далее – Федеральный закон о профилактике) под профилактикой правонарушений понимается совокупность мер социального, правового, организационного, информационного и иного характера, направленных на выявление и устранение причин и условий, способствующих совершению правонарушений, а также на оказание воспитательного воздействия на лиц в целях недопущения совершения правонарушений или антиобщественного поведения***.

** Там же.

*** Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru>

* Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Таким образом, содержание понятий «предупреждение преступлений» и «профилактика правонарушений» не является идентичным, они соотносятся как часть и целое. Например, понятие «профилактика правонарушений» следует рассматривать в более широком смысле относительно термина «предупреждение преступлений» («предупреждение преступности»), так как понятие правонарушения включает в себя понятие преступления. Использование термина «профилактика правонарушений» является более целесообразным, поскольку оно имеет официальное определение. При этом, согласно нормам Федерального закона о профилактике, предупреждение правонарушений наряду с защитой личности, общества и государства от противоправных посягательств включено в число основных направлений профилактики правонарушений. Кроме того, деятельность по профилактике правонарушений направлена не только против преступного поведения, как в случае с предупреждением преступлений, но и против административных правонарушений и антиобщественного поведения.

В статье 15 Федерального закона о профилактике предусмотрено два вида профилактики правонарушений – общая и индивидуальная. Формы профилактического воздействия закреплены в ч. 1 ст. 17 настоящего закона и подразделяются на общие (пункты 1, 7-10) и специальные (пункты 2-6). Осуществлять профилактику правонарушений при помощи специальных форм профилактического воздействия вправе только сотрудники правоохранительных органов Российской Федерации, а именно должностные лица органов прокуратуры, следственных органов Следственного комитета Российской Федерации, органов внутренних дел, органов федеральной службы безопасности, органов уголовно-исполнительной системы и иных государственных органов, если это предусмотрено законодательством.

В теории права под методами понимается совокупность приемов и способов, с помощью которых осуществляется та или иная деятельность. Основными методами профилактики правонарушений выступают убеждение и принуждение. Убеждение – это комплекс воспитательных мер, с помо-

щью которого достигается добровольное соблюдение профилактируемым лицом правовых и социальных норм. Принуждение определяется как комплекс мер, воздействие которых на профилактируемое лицо обеспечивает выполнение им каких-либо действий либо отказ от их совершения помимо его воли.

Относительно форм и методов предупреждения административно-преюдиционного рецидива, применяемых в деятельности Госавтоинспекции, необходимо отметить, что взаимодействие сотрудника Госавтоинспекции с правонарушителем имеет определенную специфику, поскольку лица, привлеченные к административному наказанию по преюдиционным составам КоАП РФ за управление транспортным средством в состоянии опьянения (ч. 1 или 3 ст. 12.8 КоАП РФ) или за невыполнение законного требования уполномоченного должностного лица о прохождении медицинского освидетельствования на состояние опьянения (ст. 12.26 КоАП РФ), лишены права управления транспортным средством и, как следствие, функции водителя не выполняют, в связи с чем данные субъекты в течение некоторого времени не находятся в поле зрения сотрудников Госавтоинспекции.

Таким образом, сотрудники Госавтоинспекции путем проведения различных мероприятий реализуют в отношении неопределенного круга лиц общую форму профилактического воздействия – правовое просвещение и правовое информирование.

Одним из основных мероприятий, которые имеют наибольший охват населения, выступает информирование с помощью средств массовой информации (далее – СМИ), в том числе интернет-СМИ, ведомственных интернет-сайтов. В ходе информирования до населения доводятся сведения:

– о количестве и тяжести дорожно-транспортных происшествий, совершенных водителями в состоянии опьянения (приводятся примеры резонансных ДТП, произошедших в недавнем времени в регионе, в котором осуществляется профилактическое мероприятие, а также в Российской Федерации в целом);

– количестве лиц, привлеченных к уголовной ответственности за совершение

преступлений, предусмотренных ст. 264.1 УК РФ (приводятся данные актуальной статистики по региону, в котором осуществляется профилактическое мероприятие, а также в Российской Федерации в целом);

– юридической ответственности за повторное нарушение предписаний, касающихся управления транспортным средством в состоянии алкогольного опьянения (данные приводятся с учетом изменений законодательства);

– правовой оценке состояния опьянения, вызванного употреблением наркотических средств, психотропных и иных вызывающих опьянение психоактивных веществ, включая лекарственные препараты, используемые в немедицинских целях;

– моральной ответственности перед другими участниками дорожного движения в случае допущения управления транспортным средством в состоянии алкогольного опьянения.

Другим немаловажным мероприятием выступает проведение бесед с участниками дорожного движения, которое осуществляется сотрудниками Госавтоинспекции непосредственно при исполнении профессиональных обязанностей, например при остановке транспортных средств или проверке документов. Наиболее актуальным является проведение бесед в преддверии праздников или в дни их проведения. При этом особое внимание уделяется водителям с остаточными признаками опьянения, наличие которых не является основанием для привлечения к ответственности, а также пассажирам, находящимся в состоянии опьянения в транспортном средстве.

Проведение лекций сотрудниками Госавтоинспекции организуется в трудовых коллективах, в которых работники допускают подобные нарушения, по согласованию с руководящим составом указанных организаций. При этом учитываются половозрастные и профессиональные характеристики членов коллективов, а также их роль в организации перевозки пассажиров и грузов. Кроме того, лекции проводятся в учреждениях высшего и среднего профессионального образования для профессорско-преподавательского состава и студентов. Воздействие на водителей транспортных средств может также осуществляться

через их детей путем проведения лекций и бесед в учреждениях общего образования, в том числе дошкольного, закрепленных за сотрудниками Госавтоинспекции.

Создание и распространение социальной рекламы, средств визуальной профилактики, средств наглядной агитации также вносит важный вклад в правовое просвещение и информирование.

Социальная реклама, пропагандирующая правомерное поведение и отказ от управления транспортным средством в состоянии опьянения, транслируется по телевидению, радио, в сети «Интернет», в общественном транспорте, на стационарных экранах в населенных пунктах.

К средствам визуальной профилактики относятся баннеры с предупреждающими и информационными надписями над дорогой, информационные щиты на обочине, наклейки на транспортных средствах, содержащие слоганы.

К средствам наглядной агитации относятся календари, брошюры, листовки, наклейки, плакаты. К созданию средств наглядной агитации привлекаются не только профессиональные художники, но и дети различного возраста, как в ходе тематических бесед, так и при проведении других мероприятий. Средства наглядной агитации вручаются участникам дорожного движения при проведении указанных мероприятий.

Эффективным мероприятием по профилактике административно-преюдиционного рецидива является освещение деятельности Госавтоинспекции (в том числе по предотвращению управления транспортными средствами в состоянии опьянения) руководящим составом Госавтоинспекции при проведении конференций, круглых столов, брифингов, пресс-конференций, выступлений на телевидении, радиостанциях, в печатных и интернет-СМИ.

Кроме того, Госавтоинспекция организует и проводит:

– операции, например, «Нетрезвый водитель»*;

– акции, заключающиеся в изготовлении и вручении канцелярских и других

* ГУ МВД России по г. Санкт-Петербургу и Ленинградской области: официальный сайт. URL: <https://78.mvd.pf/>

агитационных предметов или во вручении памяток о последствиях управления транспортным средством в состоянии опьянения*;

— кампаний, например, «За руль с трезвой головой!»**

Конечной целью правового просвещения и правового информирования является доведение до населения знаний о действующем законодательстве, о правах и обязанностях граждан, борьба с правовым нигилизмом, воспитание нетерпимости граждан к нарушениям закона.

Основным методом профилактического воздействия на лиц, совершающих административно-преюдиционный рецидив в форме правового просвещения и правового информирования, является метод убеждения.

Применение специальных форм профилактики правонарушений возможно только специальными субъектами профилактики правонарушений, к которым относятся должностные лица органов внутренних дел, в том числе сотрудники Госавтоинспекции. Специальные формы профилактического воздействия применяются указанными субъектами при выявлении правонарушений либо причин и условий, способствующих их совершению, а также при выявлении лиц, поведение которых носит противоправный или антиобщественный характер, или лиц, намеревающихся совершить правонарушение. Следует отметить, что основанием для их применения является решение суда или одного из специальных субъектов профилактики правонарушений.

Указанные формы профилактического воздействия применяются только в ходе непосредственного взаимодействия сотрудников органов внутренних дел с правонарушителем. Реализация специальных мер профилактики возможна в отношении лиц, подвергнутых административному наказанию, например, сотрудниками Госавтоинспекции, по составам административных правонарушений, предусмотренных ч. 1 или 3 ст. 12.8 КоАП РФ, ст. 12.26 КоАП РФ, либо в отношении лиц,

имеющих судимость за совершение преступления, предусмотренного чч. 2, 4 или 6 ст. 264 или ст. 264.1 УК РФ.

Таким образом, проанализировав деятельность сотрудников Госавтоинспекции, следует сделать вывод о том, что основной специальной формой профилактического воздействия является профилактическая беседа, которая заключается в разъяснении лицу, подвергнутому административному наказанию или имеющему судимость по указанным составам преступлений, а также привлеченному к административной и (или) уголовной ответственности за повторное нарушение, предписаний административного или уголовного законодательства, например, касающихся управления транспортным средством в состоянии алкогольного или иного опьянения, а также в разъяснении моральной ответственности перед другими участниками дорожного движения.

Следует отметить, что согласно ч. 2 ст. 17 Федерального закона о профилактике порядок проведения профилактической беседы устанавливается нормативными правовыми актами субъектов профилактики правонарушений, при этом единый нормативный правовой акт в системе МВД России в настоящее время отсутствует***. Кроме того, обязанность предупреждения об уголовной ответственности за совершение повторного правонарушения не возложена ни на должностных лиц, уполномоченных составлять протокол об административном правонарушении, ни на должностных лиц и судей, которые рассматривают дело по существу. Перечень сведений, которые должны содержаться в постановлении по делу об административном правонарушении, закреплен в ч. 1 ст. 29.10 КоАП РФ и является исчерпывающим.

Таким образом, указанная профилактическая мера должна применяться сотрудниками Госавтоинспекции уже на

* Управление МВД по Тюменской области: официальный сайт. URL: <https://72.mvd.pf/>

** Там же.

*** О проведении сотрудниками органов внутренних дел Российской Федерации профилактической беседы о недопустимости продолжения антиобщественного поведения: проект приказа МВД России (по состоянию на 09.10.2019) (подготовлен МВД России, ID проекта 01/02/09-19/00095097). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». (Проект приказа утвержден не был).

стадии возбуждения дела об административном правонарушении при выявлении в ходе рейдовых и специальных мероприятий лиц указанной категории, составлении в отношении их процессуальных документов, направлении протокола об административном правонарушении для рассмотрения дела.

Относительно других категорий лиц, например несовершеннолетних, применение указанной меры возможно только после постановки лица на профилактический учет. Следует согласиться с мнением Г.Ф. Хаметдиновой, которая считает, что постановка на профилактический учет при этом является и основой для применения других форм профилактического воздействия [9, с. 37].

В Федеральном законе о профилактике предусмотрены и другие специальные формы профилактического воздействия. К ним относится объявление официального предостережения (предостережения) о недопустимости действий, создающих условия для совершения правонарушений, либо недопустимости продолжения антиобщественного поведения (далее — объявление официального предостережения).

Объявление официального предостережения может применяться к лицам, систематически совершающим правонарушения, и заключается в разъяснении возможности наступления последствий, предусмотренных законодательством.

По мнению С.И. Ивановой, основаниями для объявления официального предостережения являются достаточные и предварительно подтвержденные сведения о конкретных действиях физического лица, создающих условия для совершения преступлений. Эти действия:

— проявляют вовне (словесно, письменно или иным образом) намерение совершить определенное преступление при отсутствии признаков приготовления к преступлению или покушения на преступление;

— образуют приготовление к преступлениям небольшой и средней тяжести либо непосредственно направленным на совершение таких преступлений при отсутствии признаков покушения [10, с. 36].

Существует и другой подход к основаниям для объявления официального

предостережения. Например, М.В. Койнов считает, что возможно объявление официального предостережения и при наличии только субъективной оценки ситуации сотрудником полиции. По его мнению, объявить официальное предостережение может участковый уполномоченный полиции, если ему достоверно известно, что лицо, в отношении которого планируется применить указанную профилактическую меру, ранее неоднократно совершало правонарушения и имеется вероятность их повторения, то есть такую форму возможно применять в предупреждении семейно-бытовой преступности [11, с. 86].

Согласно ч. 3 ст. 20 Федерального закона о профилактике в случае неисполнения требования, изложенного в официальном предостережении, лицо, которому оно было объявлено, может быть привлечено к ответственности в соответствии с законодательством Российской Федерации. Однако подробной регламентации указанного вопроса действующее российское законодательство не содержит, поэтому на практике возникает вопрос о том, предполагает ли указанная норма привлечение лица к ответственности за противоправное деяние, которое может наступить в результате действий, от которых лицо предостерегают, или за сам факт неисполнения требований официального предостережения.

Несмотря на отсутствие четкой законодательной регламентации данного вопроса, существующая практика показывает, что сотрудниками полиции официальные предостережения выносятся, а лица, уклоняющиеся от выполнения изложенных в них требований, согласно проведенному анализу судебных решений, привлекаются к ответственности по ч. 1 ст. 19.3 КоАП РФ, а именно за оказание неповиновения законному требованию сотрудников полиции [12, с. 156-158]. В профилактической деятельности сотрудников Госавтоинспекции такая форма профилактического воздействия практически не применяется, хотя в ней заложен большой потенциал. Указанная форма профилактического воздействия может быть применена, например, при наличии в действиях лица признаков «опасного вождения», определение которого содержится в Правилах дорожного

движения Российской Федерации* (при этом ответственность за него КоАП РФ не предусмотрена), либо к лицам, допускающим систематические нарушения Правил дорожного движения.

Преобладающим методом при реализации профилактического воздействия на лиц, совершающих административно-преюдиционный рецидив, в форме профилактической беседы является убеждение, при реализации профилактического воздействия в форме объявления официального предостережения возможно применение метода принуждения (применение мер административной ответственности).

Таким образом, деятельность сотрудников Госавтоинспекции по профилактике административно-преюдиционного рецидива в целом является достаточно эффективной, что подтверждается данными статистики о снижении количества лиц, совершивших административно-преюдиционный рецидив в области безопасности дорожного движения. Однако в силу специфики взаимодействия сотрудников Госавтоинспекции с лицами, привлеченными к административному наказанию по преюдиционным составам, могут использоваться не все формы профилактического воздействия. Для усиления профилактического воздействия на вышеуказанных лиц необходимо использовать и другие формы профилактического воздействия сотрудниками Госавтоинспекции, например такие, как профилактический учет и профилактический надзор, однако для этого необходимо внесение изменений в действующее законодательство. В частно-

* О Правилах дорожного движения (вместе с «Основными положениями по допуску транспортных средств к эксплуатации и обязанности должностных лиц по обеспечению безопасности дорожного движения»): постановление Совета Министров – Правительства Российской Федерации от 23 окт. 1993 г. N 1090: ред. от 19 апр. 2024 г. // Собрание актов Президента и Правительства Российской Федерации. 1993. N 47. Ст. 4531; Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru>

сти, в Федеральный закон от 10 декабря 1995 г. N 196-ФЗ «О безопасности дорожного движения»** и приказ МВД России от 2 мая 2023 г. N 264 «Об утверждении Порядка осуществления надзора за соблюдением участниками дорожного движения требований законодательства Российской Федерации о безопасности дорожного движения»*** целесообразно включить и конкретизировать положения о профилактических мерах, осуществляемых при наблюдении сотрудником Госавтоинспекции за дорожным движением и в деятельности в целом.

Кроме того, следует отметить, что эффективность общих и специальных форм профилактического воздействия, используемых сотрудниками Госавтоинспекции при осуществлении деятельности по профилактике административно-преюдиционного рецидива, находится в прямой зависимости от своевременности их применения. При этом для достижения наибольшего эффекта профилактическое воздействие должно осуществляться на постоянной основе как на общество в целом, так и индивидуально на лицо, совершившее правонарушение (преступление), привлеченное к административной или уголовной ответственности, по преюдиционным составам. Указанная задача является сложной, ее решение возможно только при организации конструктивного взаимодействия Госавтоинспекции с другими субъектами профилактики.

** О безопасности дорожного движения: федер. закон от 10 дек. 1995 г. N 196-ФЗ: ред. от 8 дек. 2020 г. // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1995. N 50. Ст. 4873; Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru>

*** Об утверждении Порядка осуществления надзора за соблюдением участниками дорожного движения требований законодательства Российской Федерации о безопасности дорожного движения: приказ МВД России от 2 мая 2023 г. N 264 // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru>

Список источников

1. Криминология / под ред. В.Н. Бурлакова, Н.М. Кропачева. Санкт-Петербург, 2013. 303 с.
2. Криминология / под ред. Г.А. Аванесова. Москва: ЮНИТИ-ДАНА, 2005. 480 с.
3. Алексеев А.И. Криминология: курс лекций. Москва: Щит-М, 1998. 339 с.
4. Долгова А.И. Криминология. Краткий учебный курс. Москва: Норма, 2004. 341 с.
5. Симонова С.С. Теория и практика профилактики преступлений: учебное пособие. Волгоград: Изд-во Волгоградского ин-та управления – филиала РАНХиГС, 2022. 76 с.
6. Прокументов Л.М., Шеслер А.В. Криминология. Общая часть: учебное пособие. Томск: Изд. дом Томского гос. ун-та, 2017. 283 с.
7. Майстренко Г.А. Понятие и сущность предупреждения правонарушений // Право и государство: теория и практика. 2019. N 4. С. 119-123.
8. Чернова С.С. Профилактика правонарушений на современном этапе // Концепт. 2014. Т. 20. С. 1103-1105.
9. Хаметдинова Г.Ф. Профилактический учет: понятие и проблемы правового регулирования // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2017. N 3. С. 29-37.
10. Иванова С.И. Объявление официального предостережения (предостережения) о недопустимости действий, создающих условия для совершения правонарушений, либо недопустимости продолжения антиобщественного поведения как форма профилактического воздействия // Вестник ТИПК МВД России. 2017. N 2. С. 35-39.
11. Койнов М.В. К вопросу использования официального предостережения в деятельности участкового уполномоченного полиции // Актуальные проблемы теории и практики применения административного законодательства в правоохранительной деятельности: сборник статей. Могилев: Могилевский ин-т МВД Республики Беларусь, 2021. С. 83-88.
12. Лупенков А.В. Ответственность за невыполнение требований официального предостережения (предостережения) о недопустимости действий, создающих условия для совершения преступлений, административных правонарушений, разрешение которых отнесено к компетенции полиции, либо недопустимости продолжения антиобщественного поведения // Актуальные вопросы теории и практики применения административного, административно-деликтного и административно-процессуального законодательства в правоохранительной деятельности [Электронный ресурс]: сборник статей заочной Международной научно-практической конференции. Могилев: Могилевский институт МВД Республики Беларусь, 2023. 1 электрон. опт. диск (CD-R).

References

1. Criminology. St. Petersburg, 2013. 303 p. (In Russ.).
2. Criminology. Moscow, UNITY-DANA Publ., 2005. 480 p. (In Russ.).
3. Alekseev A.I. Criminology. Moscow, Shchit-M Publ., 1998. 339 p. (In Russ.).
4. Dolgova A.I. Criminology. A short training course. Moscow, Norma Publ., 2004. 341 p. (In Russ.).
5. Simonova S.S. Theory and practice of crime Prevention. Volgograd, Publishing house of the Volgograd Institute of Management – branch of the RANEP, 2022. 76 p. (In Russ.).
6. Prozumentov L.M., Shesler A.V. Criminology. The general part. Tomsk, Publishing House of Tomsk State University, 2017. 283 p. (In Russ.).
7. Maystrenko G.A. The concept and essence of crime prevention. Law and the State: theory and practice, 2019, no. 4, pp. 119-123. (In Russ.).
8. Chernova S.S. Prevention of offenses at the present stage. Concept, 2014, vol. 20, pp. 1103-1105. (In Russ.).
9. Khametdinova G.F. Preventive accounting: the concept and problems of legal regulation. Legal science and law enforcement practice, 2017, no. 3, pp. 29-37. (In Russ.).
10. Ivanova S.I. Announcement of an official warning (warning) about the inadmissibility of actions that create conditions for committing offenses, or the inadmissibility of continuing antisocial behavior as a form of preventive action. Bulletin of the Tyumen Advanced Training Institute of the Ministry of the Interior of the Russian Federation, 2017, no. 2, pp. 35-39. (In Russ.).
11. Koynov M.V. On the issue of using an official warning in the activities of the district police commissioner. Actual problems of theory and practice of application of administrative legislation in law enforcement. Mogilev, Mogilev Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Belarus, 2021. Pp. 83-88. (In Russ.).
12. Lupenkov A.V. Responsibility for failure to comply with the requirements of an official warning (warning) about the inadmissibility of actions that create conditions for the commission of crimes, administrative offenses, the resolution of which is attributed to the competence of the police, or the inadmissibility of continuing antisocial behavior. Current issues of theory and practice of the application of administrative, administrative-tort and administrative-procedural [Electronic resource]. Mogilev, Mogilev Institute of the Ministry of Internal Affairs, 2023. 1 electron. opt. disk (CD-R). (In Russ.).

Научная специальность: 5.1.4

Формирование единого подхода к разработке экспертных методик

Антон Геннадьевич Ключов,

Тюменский институт повышения квалификации сотрудников Министерства внутренних дел Российской Федерации, Тюмень, Россия, oekspertiz@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена актуальным вопросам совершенствования судебно-экспертной деятельности. Отмечается, что одним из важнейших шагов на пути к совершенствованию судебно-экспертной деятельности является формирование целостного подхода к разработке методик судебной экспертизы и повышение достоверности выводов путем внедрения единой терминологии, инструментальных методов исследований, позволяющих повысить объективность заключений экспертов. Проводится анализ действий, предпринимаемых в настоящее время и направленных на совершенствование судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации, путем внедрения государственных стандартов и унифицированной терминологии применительно к видам судебных экспертиз. На конкретных примерах рассматриваются актуальные проблемы использования и недостатки действующих методик, применяемых судебными экспертами. Предлагаются пути решения обозначенных проблем с целью повышения объективности заключений экспертов путем совершенствования судебно-экспертной деятельности в целом и судебно-экспертных методик в частности.

Ключевые слова: судебная экспертиза, совершенствование судебно-экспертной деятельности, стандартизация экспертных методик, объективность заключения эксперта

Для цитирования: Ключов А.Г. Формирование единого подхода к разработке экспертных методик // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2024. N 4 (70). С. 91-96.

Forging a unified approach to the development of the expert techniques

Anton G. Klyusov,

Tyumen Advanced Training Institute of the Ministry of the Interior of the Russian Federation, Tyumen, Russia, oekspertiz@mail.ru

Abstract. The article focuses on the topical issues of improving the forensic expert activities. It is noted that one of the steps in this regard is forging an integrated approach to the development of the forensic examination techniques, as well as increasing the reliability of the findings through implementing both a common terminology and instrumental research methods, allowing to increase impartiality of experts' reports. The author analyzes the currently undertaken actions aimed at improving the forensic expert activities in the Russian Federation by implementing the state standards and unified terminology with respect to the types of forensic examinations. Specific examples consider the current problems of their use and deficiencies of the existing techniques applied by the forensic experts. Some ways to address the identified problems in order to increase the impartiality of experts' reports through improving the forensic expert activities in general and forensic expert techniques in particular, are provided.

Keywords: forensic examination, improvement of forensic expert activities, standardization of expert techniques, impartiality of expert's report

For citation: Klyusov A.G. Forging a unified approach to the development of the expert techniques // Legal Science and Law Enforcement Practice. 2024. No. 4 (70). P. 91-96.

Современная правоприменительная практика неизменно сталкивается с вызовами, требующими применения научных методов и технологий. Одним из важных элементов эффективного правосудия яв-

ляется судебная экспертиза — инструмент, который позволяет получить объективные и достоверные доказательства по ряду уголовных, гражданских и административных дел. Несмотря на значительные

успехи в развитии экспертизы как научной дисциплины, в современной судебно-экспертной практике существует проблема отсутствия стандартизированных методик и единого подхода к их разработке, что влечет за собой ряд негативных последствий: снижение достоверности выводов, увеличение числа ошибочных выводов и, как следствие, подрыв доверия к заключениям судебных экспертов в целом.

Одним из важнейших шагов на пути к решению этой проблемы является формирование единого подхода к разработке методик судебной экспертизы и повышение достоверности выводов путем внедрения единой терминологии, инструментальных методов исследований, позволяющих повысить объективность заключений экспертов. Этот процесс включает в себя создание четких стандартов и протоколов, материально-техническое оснащение экспертно-криминалистических подразделений, а также совершенствование системы обучения и сертификации экспертов. Только на основе системного и научно обоснованного подхода возможно достичь необходимого уровня консистентности и качества проводимых экспертиз, что, в свою очередь, обеспечит справедливое и беспристрастное правосудие.

Единый подход к разработке методик судебной экспертизы требует учета множества факторов, таких как специфика различных областей знания, применяемая терминология, а также постоянное обновление методик с учетом научно-технического прогресса. В связи с этим важным аспектом является построение научно-методической работы согласно единым научным критериям, соответствие используемых экспертных методик современному уровню научно-технологического развития общества.

В последние годы работа по совершенствованию экспертных методик активизирована в двух ключевых направлениях: унификация применяемой терминологии и повышение объективности заключений экспертов. Оба эти аспекта имеют критическое значение для эффективности и достоверности судебно-экспертной деятельности.

Унификация применяемой терминологии играет важную роль в обеспечении однозначного понимания и интерпрета-

ции экспертных заключений. Введение стандартных терминов и определений помогает избежать двусмысленностей и неточностей, которые могут возникать из-за варьирующихся формулировок. Это также облегчает обмен информацией и сотрудничество между экспертами из различных организаций и регионов. В результате унификация терминологии способствует общей понятийной ясности и согласованности, что значительно повышает качество и достоверность экспертных заключений.

Повышение объективности заключений экспертов связано с внедрением передовых методик, технологий и инструментов. Это предполагает использование современных научных подходов, математических моделей, компьютерных программ и иных технологических решений, которые позволяют минимизировать влияние субъективного фактора. Акцент на объективности гарантирует, что заключения экспертов основаны на проверяемых и воспроизводимых данных, что, в свою очередь, повышает их достоверность и научную обоснованность.

Для формирования национальных стандартов в сфере судебно-экспертизы в 2015 году создан и в настоящее время функционирует Технический комитет по стандартизации «Судебная экспертиза» (ТК 134)*. В его состав входят представители 31 учреждения, занимающегося организацией судебно-экспертной деятельности. За время работы комитета принято и утверждено 15 национальных стандартов терминов и определений, используемых при производстве судебно-молекулярно-генетической, психологической, трасологической, компьютерно-технической, экологической экспертиз, экспертизы фонограмм, экспертизы волокнистых материалов и изделий из них, экспертизы маркировочных обозначений, строительно-технической экспертизы, лингвистической экспертизы, молекулярно-генетической экспертизы объектов дикой флоры и фауны, почерковедческой, почвоведческой экспертиз. В 2024 году был опубликован

* Российский федеральный центр судебно-экспертизы при Министерстве юстиции Российской Федерации: официальный сайт. URL: <http://www.sudexpert.ru/standards/>

национальный стандарт «Роды судебных экспертиз. Термины и определения»*.

Таким образом, в настоящее время вопросам стандартизации терминологии в судебной экспертизе уделяется большое внимание, предпринимаются попытки унификации терминов в соответствии с ГОСТами, что, в свою очередь, вызывает конфликт терминологии с нормативными правовыми актами и терминологией, принятой исторически в судебной экспертизе и криминалистике. Как справедливо отмечает Е.В. Чеснокова, решение этой проблемы невозможно без консолидации усилий и нахождения компромиссов со стороны всех участников данного процесса [1, с. 246].

В качестве примера целесообразно рассмотреть баллистическую экспертизу. Отнесение патрона к боеприпасам нередко вызывает дискуссии из-за отсутствия единого согласованного определения в нормативно-технической документации. Согласно Федеральному закону от 13 декабря 1996 г. N 150-ФЗ «Об оружии» боеприпас определен как предмет вооружения или метаемое снаряжение, предназначенное для поражения целей и содержащее разрывной, метательный, пиротехнический или вышибной заряды либо их сочетание. В свою очередь, патрон описывается как устройство, предназначенное для выстрела из оружия, объединяющее в одно целое при помощи гильзы средства инициирования, метательный заряд и метаемое снаряжение**.

Из приведенных определений следует, что патрон является разновидностью боеприпаса, поскольку он также предназначен для поражения цели и содержит метательный заряд среди других элементов.

Однако на практике часто возникает вопрос о том, имеет ли данный вопрос юридический характер или требует специализированных технических знаний. Суще-

ствует мнение, что квалификация патрона как боеприпаса не требует специальных знаний в области техники и что постановка такого вопроса перед экспертом технического профиля может быть некорректной [2, с. 6]. С другой стороны, у инициаторов назначения судебной экспертизы может быть недостаточно знаний о специфических технических характеристиках патронов, таких как средство инициирования, метательный заряд и метаемое снаряжение, что усложнит точное определение их статуса.

Дополнительную путаницу вносит существование безгильзовых патронов, конструкция которых не отвечает традиционным определениям понятия патрона, поскольку у них отсутствует один из обязательных элементов – гильза. Эти патроны представляют собой современные разработки, которые не всегда охватываются существующими нормативными техническими документами, что создает дополнительные трудности в их юридической трактовке. Важно учитывать, что безгильзовые патроны могут не подпадать под существующее законодательное определение, и для их точной квалификации может потребоваться разработка новых методик или внесение изменений в действующие.

Таким образом, данная проблема имеет сложный, междисциплинарный характер и требует как юридической, так и технической экспертизы для точного и объективного решения.

Для более точной правовой оценки каждого конкретного случая необходимо не только знание нормативных актов и стандартов, но и их грамотное применение с учетом контекста и специфики предмета экспертизы. Важно, чтобы эксперты и правоприменители умели интерпретировать термины и положения законов и стандартов таким образом, чтобы избежать юридических и технических противоречий.

В данном случае представляется более целесообразным использование термина «боеприпас» при формулировании выводов, во-первых, как более емкого понятия, обеспечивающего эксперту большую свободу действий при исследовании не только существующих объектов, но и результатов перспективных разработок. Во-вторых, инициатору назначения экс-

* ГОСТ Р 71232-2024. Роды судебных экспертиз. Термины и определения: утвержден и введен в действие приказом Федерального агентства по техническому регулированию и метрологии от 5 февр. 2024 г. N 193-ст. М.: Стандартинформ, 2024.

** Собр. законодательства Рос. Федерации. 1996. N 51. Ст. 5681.

пертизы нет необходимости решать технический вопрос в виде оценки конструктивных особенностей исследуемого объекта.

Еще одной важной задачей, решаемой при реализации единого подхода к разработке экспертных методик, является повышение объективности заключения эксперта путем применения инструментальных методов исследования. В эпоху технологической революции и стремительного развития информации точность и достоверность заключений приобретают важное значение. Это обуславливается возрастающими требованиями к качеству и степени объективности экспертиз.

Использование инструментальных методов позволяет значительно сократить долю субъективного мнения, которое всегда присутствует в экспертной оценке. Многофункциональные приборы и оборудование, такие как спектрометры, микроскопы, высокоскоростные камеры и другие средства, обеспечивают точное измерение и объективное фиксирование физических, химических и биологических параметров предметов исследования.

Кроме того, важным аспектом повышения объективности является стандартизация процессов измерений и анализов. Существование единого алгоритма действий, закрепленного в методических рекомендациях и стандартах, минимизирует риск отклонений, повышает взаимопонимание между различными экспертами и позволяет получать сопоставимые и непротиворечивые результаты.

Современная наука располагает огромным арсеналом технологий, способных усложнять картину исследования и требующих от эксперта не только глубокой теоретической подготовки, но и практических навыков работы с оборудованием.

В качестве подтверждения необходимости повышения объективности заключений экспертов следует рассмотреть экспертизу холодного и метательного оружия. В статье 8 Федерального закона от 31 мая 2001 г. N 73-ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» указывается на необходимость объективного проведения исследований при составлении заключе-

ний эксперта*. В частности, заключение должно основываться на положениях, дающих возможность проверить обоснованность и достоверность выводов на базе общепринятых научных и практических данных.

Однако в экспертизе холодного и метательного оружия существует значительная доля субъективности, особенно при проведении действий, направленных на получение экспериментальных данных. Это связано с тем, что результаты исследований могут зависеть от физических параметров и навыков эксперта в обращении с различными видами оружия. Например, эксперты с разным уровнем физической силы и подготовки могут прийти к противоположным результатам. Это вызывает проблемы не только при формулировании окончательных выводов, но также и при проверке результатов предыдущих исследований.

Одним из ключевых аспектов исследования является установление безопасности, удобства, прочности и надежности конструкции объекта, а также достаточных поражающих свойств, поскольку в методике и методических рекомендациях весьма пространно определены требования к условиям получения данной информации. В соответствии с действующими методиками исследования мишенью при проведении испытаний холодного и метательного оружия является сухая сосновая доска либо специальная пластиковая мишень, имитирующая мышечные ткани [3, с. 526]. При этом не уточнено значение влажности сосновой доски, при которой ее можно считать сухой. Между тем это значительно влияет на ее физические характеристики.

Древесина как капиллярно-пористое тело находится в процессе постоянного влагообмена с окружающей средой. Влагопоглощение или влагоотдача сопровождаются изменением влажности древесины и, соответственно, ее свойств и размеров. Равновесной называют такую влажность древесины, при которой не происходит ее влагообмена с эксплуатационной средой при определенном температурно-влаж-

* Собр. законодательства Рос. Федерации. 2001. N 23. Ст. 2291.

ностном состоянии последней. Например, за нормальные комнатные условия принимают температуру воздуха 20 ± 2 °С и его относительную влажность 65 ± 5 %; этим условиям соответствует равновесная влажность $W_{равн} = 12$ % (именно поэтому 12 % условились принимать в качестве стандартной влажности). Данного показателя следует придерживаться при проведении исследования и указывать его при оформлении заключения.

Кроме того, в действующих методиках и методических рекомендациях при испытании холодного оружия рекомендовано нанесение различных по силе и направлению ударов с энергией от 20 до 50 Дж либо с силой, достаточной для поражения человека [4, с. 15].

При нанесении экспериментальных ударов эксперты оценивают силу удара приблизительно, основываясь на своем ощущении собственной физической силы. Следует признать, что указанная оценка силы удара является не только приближенной, но и весьма субъективной, что снижает ее доказательное значение.

Для объективизации данного параметра можно использовать следующее решение.

С целью получения экспериментальных данных при нанесении ударов с различной силой и в разных направлениях необходимо разработать экспериментальную установку и методику проведения испытаний.

Экспериментальная установка основана на следующих принципах действия:

- маятник – простой и доступный вариант. Используется маятник с известной массой и длиной. Изменяя высоту подъема маятника, можно регулировать энергию удара;

- удар наносится в мишенный блок, изготовленный из сосновых досок толщиной 25-50 мм;

- для определения энергии удара можно использовать простейшее устройство, действующее по принципу маятника. Зная длину маятника, угол отведения маятника и массу объекта, закрепленного на маятнике, можно вычислить энергию, развиваемую данным грузом при падении.

Для этого используется следующая формула:

$$v = \sqrt{2gR(1 - \cos A)},$$

где:

v – скорость удара;

g – скорость свободного падения (9,8 м/с);

A – угол отведения маятника;

R – длина маятника.

Зная скорость удара и массу объекта, можно рассчитать энергию по следующей формуле:

$$E = \frac{mv^2}{2},$$

где:

E – энергия удара (Дж);

m – масса объекта;

v – скорость объекта.

Аналогичный данному способ используется в судебной медицине при моделировании механизма получения травмы [5, с. 9].

Использование механического устройства и расчетов, производимых исходя из размерных характеристик исследуемого объекта, позволит повысить объективность получаемых данных и достоверность исследования в целом. Вместе с тем и при проведении повторной экспертизы в случае возникновения сомнений в выводах эксперта появляется возможность воспроизведения условий испытания поражающих свойств исследуемого объекта.

Таким образом, повышение объективности заключения эксперта носит комплексный характер и включает: использование передового инструментального оснащения, стандартизацию и регламентацию процессов исследования, постоянное обучение и профессиональное развитие специалистов, а также внедрение информационных технологий и аналитического программного обеспечения. Все эти компоненты в совокупности обеспечивают высокую степень уверенности в правильности принимаемых решений и позволяют эффективно решать задачи любой сложности.

На основании вышеизложенного можно сделать несколько выводов.

Во-первых, создание стандартов, обеспечивающих объективность и досто-

верность экспертных заключений, позволяет избежать вариабельности и субъективности, которые могут возникнуть при выполнении исследований, если методики не унифицированы. Примеры из различных экспертных направлений демонстрируют, что стандартизация является одним из важнейших элементов судебно-экспертной деятельности.

Во-вторых, проблема стандартизации и объективизации не ограничивается только традиционными видами исследований. Она актуальна и для специальных направлений судебно-экспертной деятельности, таких как исследование наркотических средств, фоноскопические исследования, и многого другого.

Формирование единых стандартов разработки экспертных методик требует комплексного подхода, включающего в себя технические разработки, методологические усовершенствования и применение инноваций. Это будет способствовать не только повышению качества и достоверности экспертных заключений, но и развитию научной деятельности.

Однако процесс перехода к единым стандартам не ограничивается только техническими и методологическими аспектами. Он требует также изменений в культурных и организационных парадигмах. Это подразумевает необходимость создания условий для открытого обмена знаниями и постоянного обновления и совершенствования существующих методик. Например, инициирование междисциплинарных проектов и форумов по обмену знаниями может стать одним из путей интеграции новых стандартов на международном уровне.

Таким образом, формирование единого подхода к разработке экспертных методик представляет собой сложную и многогранную задачу. Эта задача требует совместных усилий ученых и практиков из различных областей знаний. Синергия их вклада будет способствовать созданию высококачественных, достоверных и объективных стандартов, которые служат общей цели — продвижению науки и повышению качества судебно-экспертной деятельности.

Список источников:

1. Чеснокова Е.В. Стандарты в области судебной экспертизы как инструмент реализации единого научно-методического подхода в судебно-экспертной деятельности // Вестник экономической безопасности. 2020. N 2. С. 242-246.
2. Кокин А.В., Лихачев А.С., Семушкин И.С. Методика установления наименования патрона, определения оружия, для которого он предназначен, и пригодности патрона для производства выстрела. Москва: РФЦСЭ при Минюсте России, 2021. 18 с.
3. Синицин Е.Ю. Криминалистическое исследование холодного и метательного оружия // Типовые экспертные методики исследования вещественных доказательств / под ред. Ю.М. Дильдина, В.В. Мартынова: в 2 ч. Ч. 1. Москва: ЭКЦ МВД России, 2010. С. 517-566.
4. Криминалистическое исследование холодного и метательного оружия: методические рекомендации / В.Н. Шведко, Е.Ю. Синицин, О.Б. Антропова [и др.]. Москва: ЭКЦ МВД России, 2020. 88 с.
5. Морфологическая характеристика экспериментальных разрывов печени при моделировании тупой травмы живота / И.А. Дубровина, И.А. Дубровин, С.В. Леонов, С.Н. Володько // Судебно-медицинская экспертиза. 2014. N 3. С. 9-13.

References

1. Chesnokova E.V. Standards in the field of forensics as a tool for the implementation of a unified scientific and methodological approach to forensic activities. Bulletin of Economic Security, 2020, no. 2, pp. 242-246. (In Russ.).
2. Kokin A.V., Lihachev A.S., Semushkin I.S. Methodology for establishing the name of a cartridge, determining the weapon for which it is intended, and the suitability of the cartridge for firing a shot. Moscow, 2021. 18 p. (In Russ.).
3. Sinitsyn E.Yu. Forensic examination of cold and throwing weapons. Standard expert methods for examining material evidence. In 2 parts. Part 1. Moscow, Forensic Center of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2010. P. 517-566. (In Russ.).
4. Shvedko V.N., Sinitsyn E.Yu., Antropova O.B. [i dr.]. Forensic examination of bladed and throwing weapons. Moscow, Forensic Center of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2020. 88 p. (In Russ.).
5. Dubrovina I.A., Dubrovin I.A., Leonov S.V., Volod'ko S.N. The morphological characteristic of an experimental rupture of the liver for the simulation of the blunt abdominal injury. Forensic Medical Expertise, 2014, no. 3, pp. 9-13. (In Russ.).

Раздел 8. Обзоры, рецензии, критика

Научная специальность: 5.1.2

Отзыв на диссертацию М.С. Прокопова «Административно-правовое регулирование применения цифровых технологий надзора в области безопасности дорожного движения»*

Владимир Иванович Майоров,

доктор юридических наук, профессор, Тюменский институт повышения квалификации сотрудников Министерства внутренних дел Российской Федерации, Тюмень, Россия, 1955715@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6490-3546>

Аннотация. В отзыве анализируется содержание диссертационной работы М.С. Прокопова, посвященной актуальным вопросам цифровой трансформации федерального государственного надзора в области безопасности дорожного движения, формам и методам его осуществления. Отмечается актуальность и перспективность диссертации как с практической, так и с теоретической точки зрения в связи с необходимостью совершенствования законодательства об административной ответственности в сфере дорожного движения, уточнения оснований и порядка привлечения участников дорожного движения к административной ответственности при автоматической фиксации нарушения правил дорожного движения специальными техническими средствами. Сделан вывод о том, что рецензируемая работа соответствует установленным требованиям, содержит новые научные результаты и положения, а ее автору заслуженно присуждена ученая степень кандидата юридических наук по специальности 5.1.2. Публично-правовые (государственно-правовые) науки.

Ключевые слова: административно-правовое регулирование, безопасность дорожного движения, цифровые технологии, надзор, участники дорожного движения, искусственный интеллект

Для цитирования: Майоров В.И. Отзыв на диссертацию М.С. Прокопова «Административно-правовое регулирование применения цифровых технологий надзора в области безопасности дорожного движения» // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2024. N 4 (70). С. 97-101.

Review of the dissertation by M.S. Prokopov "Administrative and legal regulation of using digital technologies for supervision in the field of road safety"

Vladimir I. Mayorov,

Doctor of Legal Sciences, Professor, Tyumen Advanced Training Institute of the Ministry of the Interior of the Russian Federation, Tyumen, Russia, 1955715@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6490-3546>

Abstract. This review analyzes the content of the dissertation paper of M.S. Prokopov devoted to the topical issues of digital transformation of the federal state supervision in the field of road safety, as well as forms and methods of its exercising. It is noted that the dissertation under review is relevant and prospective from both practical and theoretical standpoints due to the need of improving the legislation on administrative responsibility in the field of road traffic, as well as clarifying the grounds and procedure for bringing the road users to administrative responsibility when automatically recording the traffic violations by special technical means. It is concluded that the dissertation fully complies with the established requirements, contains new scientific results and provisions, and its author is deservedly awarded the academic degree of Candidate of Legal Sciences in the scientific specialty 5.1.2. Public legal (state legal) sciences.

* Прокопов М.С. Административно-правовое регулирование применения цифровых технологий надзора в области безопасности дорожного движения: дис. ... канд. юрид. наук: 5.1.2. М., 2023. 202 с.

Keywords: administrative and legal regulation, road safety, digital technologies, supervision, road users, artificial intelligence

For citation: Mayorov V.I. Review of the dissertation by M.S. Prokopov "Administrative and legal regulation of using digital technologies for supervision in the field of road safety" // Legal Science and Law Enforcement Practice. 2024. No. 4 (70). P. 97-101.

Введение

Расширение использования цифровых технологий в последние годы осуществляется во всех сферах жизни общества, а цифровая трансформация государства определена в качестве национальной цели развития Российской Федерации*. Не является исключением и сфера дорожного движения, поскольку государственной программой Российской Федерации «Развитие транспортной системы»** цифровая трансформация транспортной отрасли отнесена к важнейшим приоритетам государственной транспортной политики.

Цифровая трансформация (цифровизация) транспортной отрасли подразумевает расширение применения цифровых технологий. В сфере дорожного движения важной целью цифровизации является повышение безопасности дорожного движения, что осуществляется, в частности, путем совершенствования контрольно-надзорной деятельности.

В последние годы формируется нормативно-правовая база, определяющая применение цифровых технологий в области безопасности дорожного движения, однако в данном процессе отсутствует системность, нормативные акты принимаются без учета их связи с целями и задачами обеспечения безопасности дорожного движения, следствием чего являются пробелы и недостатки правового регулирования. Исходя из этого избранная диссертантом тема исследования является важной и своевременной.

Кроме того, значимость научного изучения применения цифровых технологий надзора в области безопасности дорожно-

го движения обусловлена необходимостью совершенствования законодательства об административной ответственности в сфере дорожного движения, уточнения оснований и порядка привлечения участников дорожного движения к административной ответственности при автоматической фиксации нарушения правил дорожного движения специальными техническими средствами.

Отдельно необходимо отметить недостаточную научную проработанность доктринальных вопросов, относящихся к данной сфере, которая хотя и опосредованно, но отрицательно влияет на состояние правового регулирования применения цифровых технологий, а также на перспективы применения указанных технологий сотрудниками МВД России.

Таким образом, проведение исследования на тему «Административно-правовое регулирование применения цифровых технологий надзора в области безопасности дорожного движения» является актуальным и перспективным как с практической, так и с теоретической точки зрения.

Оценка содержания диссертационной работы

Предмет и объект научного исследования, его цель и задачи в целом определены методологически верно (с. 6-7). Структура работы отвечает потребностям разрешения поставленных задач (с. 2).

Степень обоснованности сформулированных в диссертации положений, выводов и рекомендаций достаточно высока. Автор всесторонне исследовал понятийно-категориальный аппарат в рамках избранной темы, умело использовал общенаучные и специальные методы при изучении разнопорядковых явлений, процессов, категорий и институтов, сформулировал ценные предложения, которые могут быть использованы в процессе совершенствования правового регулирования применения цифровых технологий надзора в области безопасности дорожного движения.

* О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года: указ Президента Российской Федерации от 21 июля 2020 г. N 474 // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2020. N 30. Ст. 4884.

** Правительство Российской Федерации: официальный сайт. URL: <http://government.ru/>

Достоверность положений, выводов и рекомендаций, содержащихся в диссертации, обусловлена обширной теоретической, правовой и эмпирической базой. Автором изучено значительное количество нормативных правовых актов, проведен глубокий анализ работ отечественных и зарубежных ученых. Помимо этого, степень достоверности повысило использование диссертантом статистических данных и аналитических обзоров (с. 8, 13, 59, 66, 67, 71, 72, 86, 93, 136, 137, 139, 140, 141 и др.), подтверждающих правильность его выводов, а также проведение социологического опроса, охватывающего собой 350 сотрудников центрального аппарата и территориальных органов МВД России на региональном уровне (с. 9, 43-45, 200-201).

Положения, выносимые на защиту, раскрывают научную, теоретическую и практическую значимость исследования М.С. Прокопова, по своему содержанию и обоснованию убедительны, логически и юридически грамотно сформулированы (с. 10-13).

Научная новизна диссертации отражена в выносимых на защиту положениях, которые соответствуют научной специальности и преследуют цель совершенствования правоприменительной практики в области безопасности дорожного движения. В частности, соискателем расширены научные представления о применении цифровых технологий надзора в исследуемой области; сформулированы определения понятий безопасности дорожного движения (с. 29), цифровых технологий надзора в области безопасности дорожного движения (с. 43); приведены формы цифровых технологий надзора в области безопасности дорожного движения (с. 70); разработана классификация цифровых технологий надзора в области безопасности дорожного движения (с. 59-60).

Дополнительно необходимо отметить, что диссертант сформулировал предложения о переходе к производству по делам об административных правонарушениях в электронной форме, обосновав это экономией времени, которое тратится на рассмотрение дела, а также повышением эффективности межведомственного электронного взаимодействия субъектов, обеспечивающих безопасность дорожно-

го движения. Также в диссертации выявлены недостатки и противоречия административного производства, возникающие при фиксации нарушений специальными техническими средствами, работающими в автоматическом режиме (с. 141-146). Наконец, в работе раскрыты перспективы внедрения электронного производства по делам об административных правонарушениях (с. 155, 157).

Обладает признаками новизны предложение автора рассматривать цифровизацию надзора за безопасностью дорожного движения как функционально-управленческий процесс, способный повысить эффективность исполнения основных функций Госавтоинспекции МВД России.

Заслуживает положительной оценки проведение М.С. Прокоповым исследования зарубежного опыта применения некоторых цифровых технологий надзора в области безопасности дорожного движения, поскольку в иностранных государствах с более высоким уровнем развития данные технологии успешно функционируют уже длительное время (с. 135-136, 156-157, 159).

Новыми для публично-правовых наук являются и предложения о перспективах развития цифровых технологий надзора в области безопасности дорожного движения, в том числе за безопасностью эксплуатации высокоавтоматизированных транспортных средств (с. 19, 86-87, 120-121).

Результаты диссертационного исследования могут быть использованы как при подготовке нормативных правовых актов, в том числе проектов новых материального и процессуального кодексов Российской Федерации, так и в дальнейших научных изысканиях по соответствующей проблематике.

Основные положения и выводы диссертационного исследования отражены в десяти научных статьях, четыре из которых опубликованы в изданиях, рекомендованных Высшей аттестационной комиссией при Министерстве науки и высшего образования Российской Федерации, а также апробированы на нескольких научных конференциях международного и всероссийского уровня.

Вместе с тем исследование касается новой и малоизученной проблематики, что предопределяет отсутствие у автора

устойчивой теоретической и практической основы, которую требуется формировать самостоятельно. В этих условиях, несмотря на в целом положительную оценку рецензируемой диссертации, необходимо указать на наличие в ней ряда недостатков и дискуссионных положений:

1. В научных положениях, вынесенных на защиту, были бы уместны авторские теоретические разработки, отражающие вклад в развитие публично-правовых наук, однако все положения посвящены практическим вопросам. Некоторые вопросы теории цифровых технологий надзора в области безопасности дорожного движения разработаны в исследовании, например, их классификация, однако она носит исключительно информационно-описательный характер. Автор не объяснил, почему использованы именно указанные основания для классификации, а также не обосновал целесообразность такой классификации, ее практическую или теоретическую значимость.

2. Параграф 1 главы I работы посвящен рассмотрению имеющихся в науке позиций относительно понятий «безопасность» и «безопасность дорожного движения», в конце параграфа приводится авторская позиция о содержании безопасности дорожного движения, однако отсутствует обоснование ее сути и преимуществ предлагаемого нового подхода к безопасности дорожного движения как к средству развития общества и государства, повышения благосостояния его граждан (каким образом это должно выглядеть, что позволит достичь и т.д.). В целом 1-й параграф логичнее было бы посвятить надзору либо цифровым технологиям в области безопасности дорожного движения. А понятие безопасности дорожного движения следовало рассмотреть в контексте одной из двух названных тем.

3. Спорный характер носит утверждение автора на с. 31 о том, что «российский законодатель в очередной раз не смог (или не захотел) установить разграничение государственного контроля и административного надзора». «Государственный контроль и надзор» и «административный надзор» в законодательстве вполне разграничены, в том числе в об-

ласти дорожного движения. Изменения, реализованные в последние годы, выделили как самостоятельные направления деятельности Госавтоинспекции федеральный государственный контроль (надзор) в области безопасности дорожного движения и надзор за соблюдением участниками дорожного движения требований законодательства Российской Федерации о безопасности дорожного движения. Последний носит характер административного надзора и обладает соответствующей нормативной правовой базой.

4. Представляется неудачным определение понятия цифровых технологий надзора в области безопасности дорожного движения, сформулированное на с. 43 диссертации. Оно является излишне широким и неконкретным, используемые словосочетания не получили достаточного обоснования и вызывают вопросы: например, «уполномоченных на ее осуществление субъектов» (если имеется в виду безопасность, то она не осуществляется, а обеспечивается); «направленные на обеспечение законности, целесообразности, эффективности» (с законностью можно согласиться, но целесообразности и эффективности чего именно?); «в конечном счете повышение безопасности дорожного движения, а также на достижение нулевой смертности в результате ДТП» (предложенное автором определение безопасности дорожного движения включало поддержание на минимальном уровне риска обстоятельств возникновения ДТП, здесь безопасность дорожного движения рассматривается в каком-то другом виде? Кроме того, в выводах к параграфу в определении указано уже не достижение, а стремление к нулевой смертности в результате ДТП). Определение цифровых технологий через информационно-технологические процессы также достаточно спорное.

5. Дискуссионным является вывод о том, что «система правового регулирования надзорных полномочий в области безопасности дорожного движения находится в стадии формирования» (с. 91), который развивается утверждением о детализации регулирования на подзаконном уровне, часто в правовых актах управления, принимающихся для служебного пользования и не подлежащих опубликованию.

Именно надзорные полномочия в области безопасности дорожного движения вполне урегулированы, в процессе реформы контрольно-надзорной деятельности приняты обновленные подзаконные акты, которые имеются в широком доступе. Безусловно, данные акты несвободны от недостатков, однако это они должны быть обозначены и обоснованы в тексте.

6. Автор правильно отмечает, что цифровые технологии оказывают позитивное влияние на развитие не только государственного, но и общественно-го надзора за безопасностью дорожного движения. Однако, ссылаясь на только формирующуюся цифровую технологию общественного надзора – «Народный инспектор» – и указывая на возникающую рассогласованность законодательства при ее применении, автор не предлагает путей преодоления противоречий в правовом регулировании, не указывает, какие конкретно изменения потребуются внести в законодательство, не дает оценку субъектам применения указанной технологии – российским гражданам.

Кроме того, как представляется, реализация этой технологии в исходном виде может быть сведена к конвейеру по рассылке «штрафных» постановлений (часто необоснованных), где к ответственности привлекается собственник транспортного средства без полного рассмотрения дела и установления доказательств виновности.

7. Вопрос передачи субъектам Российской Федерации некоторых полномочий по привлечению к ответственности за правонарушения в области дорожного движения достаточно интересен, его следовало раскрыть подробнее, в том числе с учетом сформулированной во введении 9-й задачи исследования и 8-го научного положения, вынесенного на защиту. Указанное положение, к сожалению, не полу-

чило развернутого обоснования в тексте диссертации.

Перечисленные замечания не влияют на основные теоретические и практические результаты диссертационного исследования, не умаляют его актуальности и значимости для публично-правовых наук.

Автореферат и опубликованные соискателем научные статьи отражают основное содержание диссертации.

Заключение

Диссертационное исследование М.А. Прокопова представляет собой самостоятельную, завершённую научно-квалификационную работу, в которой содержится решение задач, имеющих важное значение для развития публично-правовых (государственно-правовых) наук.

Диссертация выполнена на высоком научно-теоретическом уровне, хорошо структурирована, обладает научной новизной, внутренним единством, соответствует научной специальности 5.1.2. Публично-правовые (государственно-правовые) науки.

Таким образом, диссертация М.А. Прокопова на тему «Административно-правовое регулирование применения цифровых технологий надзора в области безопасности дорожного движения» соответствует требованиям, которые предъявляются к диссертациям на соискание ученой степени кандидата юридических наук согласно Положению о присуждении ученых степеней*, а ее автору заслуженно присуждена ученая степень кандидата юридических наук по научной специальности 5.1.2. Публично-правовые (государственно-правовые) науки.

* См.: О порядке присуждения ученых степеней: постановление Правительства Российской Федерации от 24 сент. 2013 г. N 842 // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru>

Для заметок